

Joe Meno
Hairstyles
of the damned

Джо Мено
СДЕЛАЙ
ПОГРОМЧЕ

Роман

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург ■ Москва
2005

ББК84 (7Англ)
М 50

*Перевод с английского
Натальи Смирновой*

Джо Мено

М50 Сделай погромче: Роман. — СПб. ООО «Издательство «Лимбус Пресс», 2005. — 384 с.

Мир плох. У Брайана Освальда полно проблем. Он старшеклассник, он тайно влюблен в толстуху Гретхен, он учится в католической школе для мальчиков, и у него все время стоит. Он слушает хэви-металл и панк-рок и любит петь в церкви. Перед ним неразрешимые вопросы: как понравиться девчонке, как покрасить волосы в розовый цвет, с кем пойти на выпускной, но главное — как стать самим собой.

Со страниц книги звучит подлинный, узнаваемый голос подростка — пожалуй впервые со времен «Над пропастью во ржи». Если вы еще думаете, что детство и отрочество — прекрасная пора, — знакомьтесь с Брайаном.

ISBN 5-8370-0411-4

© 2004 Joe Meno

© Originally published in English by Akashic Books, New York (www.akashicbooks.com)

© ООО «Издательство «Лимбус Пресс», перевод, 2005

ПРИЗНАНИЯ

Спасибо: Корен, любимой жене №1 всех времен и народов, Дэну Спикеру, Марку Замбо, Меган Ли, Джимми Викери, Джейку Силкеру, Чеду Раснеру, Мег Стилстра, Лотту Хиллу, Тодду Диллсу, Джиму Монро, Джону Решу, Майку Коулману, Джо Тауэру, Джо Денку, Мередит Стоун, Дженни Нортон, Саре К., Нику Новоселу, команде «Хонтед Трейлз», Брайану Петерсону из боулинга Fireside Bowl, книжному магазину Quimby's, боулингу The Alley Chicago, Чарльзу Эверитту, Дженни Бент, Джонни Темплу, моей семье, ребятам, с которыми я познакомился в рок-группе Phantom Three, журналу Sleepwalk, театральной группе «Go Cougars», журналу «Vail», журналу Punk Planet, всемогущему факультету писательского мастерства Колумбийского колледжа, журналу Chicago Tribune и журналу New City, который всегда меня поддерживал.

Соси, б...: Джудит Реган. По полной программе. А также все остальные дурные издательские корпорации. Готовьтесь, ваш конец не за горами.

АМЕРИКАНСКИЙ КОШМАР

ОКТАБРЬ 1990

Уо-уа, о, о, о, милое мое дитя
Sweet Child o' Mine,
Аксель Роуз, GUNS N' ROSES

Твой пенис — король
Надпись в школьном туалете

Из наших задниц бьет солнечный свет
Hand in Glove,
Моррисси, THE SMITHS

ОДИН

Во-вторых, проблемой было то, что я влюбился в свою лучшую подругу Гретхен, которую все на свете считали толстухой. Мы ехали в ее дрянной машине и пели, и под конец песни *White Riot*, Клэшей, я вдруг поймал себя на том, что смотрю, как она улыбается и щурит глаза, и понял, что мы больше чем друзья, для меня во всяком случае. Я не отрываясь смотрел, как Гретхен ведет машину, а она уже начинала петь *Should I stay or should I go now...* тех же Клэшей, и я сказал: «Обожаю кататься с тобой, Гретхен», но радио было включено на полную громкость, и она могла лишь видеть, как шевелятся мои губы.

Был вторник, часа четыре пополудни, первый семестр предпоследнего года в школе, и делать нам было решительно нечего, так как Гретхен только что уволили из кафе в торговом центре за то, что она отбрила клиентку, когда та попросила еще сахарной глазури, а мне работать не разрешали, потому что маман обо мне чересчур пеклась и настаивала, чтобы я сосредоточился на учебе. Я снова проорал что-то Гретхен, и она кивнула, продолжая петь, а я смотрел на нее не отрываясь, на ее светло-розовые волосы — пряди, свисающие на лицо, пряди, убранные за уши, некоторые ярче остальных, — и я смотрел, как шевелятся ее губы, и думал, что она никогда не пользуется помадой, и это было одной из причин, почему, наверное, она мне нравилась. Смешно было, как она держит на руле маленькие белые ручки, с серьезностью новичка, хотя новичком не была, потому что ей стукнуло семнадцать, а водить она начала задолго до того, как в прошлом году получила права. И я смотрел на ее грудь; я смотрел на нее, и она была большой, очень большой, слишком большой для того, чтобы я знал, что с ней делать, и мне кажется, все дело в том, что ее грудь была большой, потому что сама Гретхен была толстой, но это не имело для меня в тот момент такого значения, какое нарисовалось бы, подвисяй я с Бобби Б. или еще с кем-нибудь в торговом центре, и он возьми да и скажи: «Ты только погляди на эту жирную свинью», а я бы ответил: «Да уж», и засмеялся бы. Гретхен была толстой, не то чтобы очень уж жирной, конечно, но она была конкретно большая, особенно зад.

Хуже того, Гретхен была знаменита тем, что систематически поколачивала других девчонок. Это было не в кайф. Как-то она оттаскала за волосы Поли Винченски. Затем поставила огромный фонарь под глазом Лизе Хензел. А однажды даже сломала руку Эми Шефнер на вечеринке по случаю Хеллоуина — знаете, когда Эми Шефнер выпучила глаза наряд, в котором пришла Гретхен, — Джон Кеннеди после убийства: черный костюм в кровавых пятнах с дырками от пуль, — и Эми Шефнер сказала: «Ты реально выглядишь мужик мужиком», а Гретхен просто развернулась, схватила Эми Шефнер за руку и так ее выкрутила, что звезда Эми Шефнер, примы школьного театра, прямо там и закатилась, и следующие два года Эми Шефнер выдавливали из всех жалость, повсюду таская на себе гипс, как какой-нибудь гребаный великомученик.

Ну а также, чего скрывать, Гретхен была далеко не самой изысканной из девчонок. Она грязно ругалась и слушала только панк, кого-нибудь типа Misfits, Ramones или Descendents, особенно в машине, потому что, хоть у нее и была вполне приличная для «форда-эс-корта» стереомагнитола, в магнитоле этой уже год как застряла кассета, и кассету эту надо было ткнуть ручкой или пилкой для ногтей, чтобы она заиграла, а на кассете была самолично отобранная Гретхен коллекция песен, которые она считала крутыми год назад, коллекция, названная ею в свое время, как гласила надпись на кассете, «*Белый рок сопротивления. Версия II*».

Песни, из которых Гретхен составляла свои сборники, были все такие конкретные и каждый раз в тему. Возьмем, например, ту же *Should I Stay Or Should I Go Now?* Может, это значило, что я должен сказать Гретхен о своих чувствах. А может, что мне просто пора домой. Именно эти кассеты делали меня на нее похожим, и тот факт, что между Misfits и Specials у

нее обычно появлялся какой-нибудь романтический медляк из The Mamas and The Papas, типа *Dream a Little Dream of Me*, заставлял меня любить ее все сильнее. Эти кассеты были тайной звуковой дорожкой к тому, что я чувствовал и думал практически по любому поводу.

К тому же — не знаю даже, следует ли мне об этом упоминать — Гретхен вечно называла всех, даже наших друзей, «уродами» или «говнюками», или «суками», или «пиздюками», или даже «пиздожопами», что вообще лишено всякого смысла, если вдуматься. Ее виртуозная брань восхищала меня, и, опять-таки вероятно, именно поэтому она нравилась мне больше других девчонок. И она никогда не была против провести со мной время.

Ладно, дело все было в том, что через три недели намечались танцы по случаю выпускного вечера, а я никого еще не пригласил, и мне хотелось пригласить Гретхен, но я не сделал этого по нескольким причинам: первое, я не хотел, чтобы она узнала, что нравится мне; второе, я знал, что ей нравится Тони Деган, этот расистский чувак, гребаный представитель белой расы; ну и... — и это самое ужасное, мне стыдно в этом признаться — ну ладно, я не хотел, чтобы нас фотографировали. Знаете, как они заставляют тебя фотографироваться и все такое? Я не хотел, чтобы после выпускного вечера остались мои фотки с толстой девахой, которые через пятьдесят лет напоминали бы мне о том, каким я был лужером, поскольку, скажем прямо, я надеялся, что жизнь моя в будущем изменится к лучшему, причем круто.

— Хочешь чего-нибудь поесть? — спросила Гретхен. — Я, блин, с голоду подыхаю, потому что уж не знаю, заметил ты или нет, но я большая жирная корова.

— Как скажешь, — ответил я, делая звук потише, чтобы можно было разговаривать. — Где хочешь поесть? «В Хонтед Трейлз»?

«Хонтед Трейлз» находился на 79-й улице, галерея игровых автоматов и поле для мини-гольфа в стиле ужастиков, практически единственное место, где тусовались все панки и обкурыши.

— Нет, фигня, — сказала она. — Там будут все эти дети, а я такая жирная. Я должна быть на диете, когда едят только белую пищу, что-то типа продовольственного расизма. Я серьезно. Знаешь, меня от себя тошнит. Я просто как парень. Посмотри на меня. У меня практически волосы на груди растут. Хоть в футбольную команду иди.

— Заткнись, — сказал я. — Ты говоришь это, чтобы я сказал, что ты нормально выглядишь, так что я не стану.

— Ах, ты раскрыл мой план, говнюк. Ты припер меня к стенке. Да нет, я говорю, что думаю, взгляни на меня. Я же практически парень, у меня практически член есть.

И, притормаживая перед следующим светофором, она сбила свои джинсы спереди в кучу так, что это выглядело как эрекция. «Смотри, смотри, о господи, у меня стоит! У меня яйца болят! Помогите отдрочить, мне нужна порнушка! Быстрее! Пойдем трахнем девочек из команды поддержки!»

Я рассмеялся, стараясь не смотреть на нее.

— Ладно, забудь, серьезно. Я сама себе противна. Слушай, я говорила тебе, что снова влюбилась в Тони Дегана?

— Чего? — спросил я. — Почему ты не выкинешь его из головы? Ему, блин, лет двадцать шесть. И он расистская задница. И — не знаю, тебе что, мало.

— Ну, не то чтобы я в него влюблена. Просто хочу, чтобы он полностью лишил меня девственности.

— Чего-чего?

— Знаешь, для этого нужен просто какой-нибудь debil, которому на тебя насрать, с которым все это можно повернуть, ну знаешь, так, чтобы потом не пришлось с ним опять когда-нибудь разговаривать. Тогда не будешь чувствовать себя неудобно.

— Да уж, понимаю, очень удобно, если тебя изнасилует какой-нибудь расист.

— Совершенно верно, — сказала она. — Именно поэтому ты мне вроде лучшей подружки.

— Гретхен, ты в курсе вообще, что я не девочка?

— Да в курсе я, но если бы я воспринимала тебя как парня, мне пришлось бы беспокоиться о том, что я ем и как себя веду.

— Но мне наплевать, как ты выглядишь, — сказал я, понимая, что это вранье.

ДВА

я влюблена в расиста, тони дегана. тони деган, я могу думать только о тебе. я знаю, что ты торчок. я знаю, что ты пьяница, но я не могу о тебе не думать, как ты улыбаешься, как ты уже расстегиваешь мой лифчик, не знаю, ты все, о чем я в состоянии думать, благодаря тебе я чувствую себя не так одиноко, я думаю о тебе и знаю, что никогда не буду одна. никто больше не назовет меня толстухой. тони деган. тони деган. в следующий раз. в следующий раз, когда я останусь с тобой наедине, я позволю тебе это сделать. я позволю тебе сделать все, что ты захочешь.

А новый сборник	В кому?
техасская резня бензопилой (ramones)	надежда (descendents)
тихий европейский дом (clash)	девочка-панк (dead milkmen)
дно бездонной ямы (dead milkmen)	эра байкеров (descendents)
стюарт (dead milkmen)	я не лузер (descendents)
полицейские и воры (clash)	чистые простыни (descendents)
послание к руди (specials)	спроси меня (smiths)
последняя ласка (misfits)	вампириша (misfits)
американский кошмар (misfits)	пригородный дом (descendents)
твоя любовь сегодня, завтра	? что-нибудь ещё из black flag
мир (ramones)	
потерянные (black flag)	

ТРИ

Позже, в галерее игровых автоматов, Гретхен плакала. Никогда прежде я такого не видел. «Что случилось», — спросил я. Я как раз дошел до середины игры и не особенно слушал. Щеки ее блестели от слез, и она кусала нижнюю губу, чтобы сдерживать рыдания. На ней был черный свитер с капюшоном, и на свету казалось, будто ее ярко-розовые волосы снова превращаются в платиновые. Мне трудно признавать это, но стоя там — грустная, со скрещенными на груди руками, взгляд в пол, среди вспышек света и завываний АС/ДС, под гул голосов, смешанный со щелканьем аэрохоккея, и гудками, и звонками, и космическими звуками видеоигр — ну, не знаю, стоя там, она выглядела что надо. Прелестно выглядела.

— Тони Деган пригласил меня покататься, — наконец произнесла она.

— Ну? — откликнулся я, глядя на мерцающий экран.

— Ну, и я не пошла.

— Ну?

— Ну, и я только что видела, как он обжимается с какой-то шлюхой.

— Ну и? Тоже мне трагедия. — Я пожал плечами и попытался обогнать медленно движущийся автомобиль, но два краснофарых «демона» вырулили на мою полосу. Я обернулся, Гретхен уже не было. Через секунду я услышал, как на стоянке кто-то кричит. Я прошел очередной уровень и смотрел, как посчитываются мои очки. Какой-то хрен по имени RAD1 побил все мои рекорды, и казалось абсолютно бесполезным даже пытаться претендовать на первое место, потому что RAD1 наверняка был придурочным гением видеоигр, работающим на дистрибьюторов или типа того. В смысле, из тех, что по-любому набирают 1 500 200 очков. Не знаю. Я снова услышал крик со стоянки и, поскольку счет у меня был дерьмовый, развернулся и вышел.

Снаружи было ослепительно светло и очень тихо. Мне пришлось прикрыть глаза, чтобы они могли привыкнуть к солнцу, которое только начало клониться к закату. Было около пяти часов. Снаружи мини-гольф и галерея развлечений «Хонтед Трейлз» выглядели пустынно. Площадку для мини-гольфа населяли идиотские препятствия в стиле ужасников — чудовище черной лагуны у третьей лунки, зеленый монстр, вылезаящий из синезеленого болота, гроб с дурацкой пластиковой механической рукой, которая поднималась и опускалась как бы невзначай, танцующие скелеты, мимо которых ты должен закатить мяч в лунку, — но в округе почти никого не было. Какой-то папаша с двумя дочками приближался к восьмой лунке, представляющей собой большой деревянный замок с привидениями, в который надо было загнать мяч через подъемный мост. Папаша как раз готовился к броску, на левом глазу у него была зловеще сверкающая черная повязка. Все они выглядели жертвами несчастного случая: у обеих девочек на головах бинты, а у одной еще и рука сломана. На секунду меня это заинтересовало. Одна из девочек носком туфли пнула синий мячик для гольфа в лунку, и все они засмеялись. *Все хорошо, если отец рядом*, подумал я. С противоположной стороны поля какие-то тяжеловесы тренировали «быструю передачу», швыряя об стену бейсбольный мяч. У одного из них была бейсбольная кепка с американским флагом и футболка с надписью: «Раз текила, два текила, три текила, пол». Он бросил мяч и прокричал: «Кто бросает, тот выигрывает!» Что за чушь, подумал я. Напротив мексиканец продавал какие-то убогие хот-доги. Позади него носились два толстых малыша, близнецы в желтых бумажных цилиндрах, в каких обычно щеголяют на день рождения. Их круглые пухлые лица одинаково светились счастьем, и я подумал, как здорово было бы снова стать ребенком. Только не толстым. У ворот стоял огромный пластиковый Франкенштейн, угрожающе подняв свой топор. В лице его читалось: *Да, я тоже одинок, только выше ростом*. Я помахал ему и пошел обратно.

Я прикурил сигарету и поглядел в сторону стоянки, где обычно тусовались наркоманы. Я пробовал курить, все ведь это делали. Набрав полный рот дыма, закашлялся, как ветеран войны, бросил сигарету и самым своим чеканным шагом начал пересекать стоянку. В конце ее стояли две или три крутые тачки: переделанная «нова», окрашенная в синий металл, «импала» отличного вида, хоть и ржавая кое-где, и два вполне приличных фургона. Парни с лучшими усами и лучшими тачками всегда тусовались на стоянке. Они были еще школьниками, но с прекрасными усами и тачками они всегда могли снять девчонок, и пиво им тоже продавали. Там были ребята и постарше, типа Тони Дегана, которым было все двадцать шесть, а они все еще тусовались со школьниками, знаете, чтобы дурь им продавать, а при случае и трахнуть какую-нибудь малолетку. Тони это всегда удавалось, в основном потому, что он был старше и знал, что надо делать, чтобы девчонка поверила в любую чушь, которую он несет, типа «О, я чувствую, что могу довериться тебе», тем временем запуская руку бедной финтифлюшке в трусы. Ну, по крайней мере так о нем говорили.

Приблизившись к стоянке, я увидел роскошный фиолетовый фургон Бобби Б., у которого, облокотившись на капот, стояли и смеялись сам Бобби Б. и Тони Деган. Бобби Б. был с моей улицы, на год старше, с длинными черными волосами, золотыми очками от солнца и в вареных джинсах. Он мог всю ночь пить и курить в гараже, пытаясь завести свой чертов фургон. Фургон, «додж» 77 года, выглядел отлично — ярко-фиолетовый, разрисованный с одной стороны аэрографом, — но бегал паршиво. И все же это был фургон, его собственный фургон, отличный фургон с аэрографией. В бардачке у Бобби Б. всегда имелось пар пять женского белья, от девчонок, с которыми он перепихнулся. Он называл его «ящик с трофеями». Обычно я открывал бардачок, и все трусики, казалось, поют мне церковный гимн — *Аллилуйя!* — мерцая алтарным светом. Также с огромной признательностью я должен упомянуть, что именно Бобби Б. посадил меня на AC/DC, одолжив мне в восьмом классе альбом High Voltage. За это я по гроб ему благодарен.

Рядом с Бобби Б. стоял Тони Деган, которому было, как я уже говорил, лет двадцать пять — двадцать шесть, высокий, тощий, в желтой футболке с надписью: «Мои родители разгулялись на Багамах, и мне досталась только эта идиотская футболка». Он курил и кивал головой. Да, именно это он и делал — кивал сам себе и улыбался, как будто тут пошутили на твой счет, а ты не врубаешься. Большую часть времени он выглядел так, будто был под кайфом — может, и на самом деле был, не знаю. У Тони были светлые волосы, длинные на затылке, зализанные каким-то жиром, и черные напульсники, хоть он не был толком ни спортсменом, ни музыкантом каким-нибудь, но все равно выглядел так, точно каждую секунду готов дать тебе пинка.

Едва завернув за угол, я снова услышал крики и увидел Гретхен, вцепившуюся в гриву какой-то незнакомой девчонке. Преимущество, как обычно, было на стороне Гретхен. Девчонка от ужаса выпучила глаза. Она была очень тощая, блядоватого вида. В черных колготках в сеточку, уже рваных, и черной джинсовой куртке с нашивкой «Мегадет». Она стояла на коленях и тяжело дышала. Слюна капала на руку Гретхен и стекала на цемент. Так себе зрелище.

— Эй, это еще что за ерунда? — спросил я.

— Брайан Освальд! Как жизнь? — окликнул меня Бобби Б., кивая сам себе. У него уже пробились симпатичные усики: хоть и редкие, они тянулись вдоль его тонких губ до самого подбородка, очень по-байкерски. Я же месяцами пытался отрастить себе хоть какую-нибудь щетинку, но ничего не показывалось; ни-че-го, ни волоска, ни тени, ни фи́га. Я был старшекласником, который все еще выглядел как старшекласник. «Как жизнь, говорю?» — снова спросил Бобби Б., хлопая меня по плечу.

— Да ничего, — сказал я.

— Побил тот рекорд в гонщике-призраке? — спросил он.

— Нет еще.

— Черт. У них там, наверное, какой-нибудь хренов эксперт каждую неделю приходит и перенастраивает все.

— Да уж, — сказал я. — Ну так что тут?

С потрясающим глухим стуком Гретхен швырнула девчонку головой о крыло припаркованного поблизости «ле барона». Аудитория застонала.

— Чертовы телки, — сказал Бобби Б.

— Да уж, — сказал я. — Телки. Я повернулся к Гретхен и прокричал: — Гретхен, чувиха, расслабься, мать твою!

Как обычно, она меня проигнорировала.

— Эй, да отпусти ты ее уже, — пробормотал Тони, все еще усмехаясь. Он провел рукой по грязным светлым волосам, лоснящимся от жира, и почесал шею. — Она ведь ни хрена тебе не сделала.

Полное лицо Гретхен было розовым, почти красным, и в конце концов она уступила, отшвырнув девчонку на капот чьего-то универсала. Она поднесла к ее лицу указательный палец и сказала: «В следующий раз... в следующий раз тебе пиздец!».

Стоявшие вокруг облегченно вздохнули, Гретхен подобрала свой свитер и вытерла нос, из которого текло. Девчонка захромала прочь, рот ее был в крови, а Тони Деган продолжал смеяться и кивать головой.

— Тебе самой пиздец, — крикнула девчонка, удалившись на безопасное расстояние. — Я позову ребят, и мы тебя уделаем как родную.

Гретхен просто повернулась ко мне и сказала:

— Да пойдем уже в конце концов, — и я кивнул, не произнеся ни слова, такая у меня была тогда манера, потому что я, короче, решил жить блин, как слепой самурай Затоичи, знаете, этот чувак из кино. Переходный возраст я проходил, смотря только самурайские фильмы и ужастики. Это было брутально, знаете, слепой воин со сверкающим мечом. Если не знаете, непременно посмотрите. В общем, я был чудовищно немногословен — чудовищно — почти всегда. Я был робким парнем и боялся сказать что-нибудь, что прозвучит глупо, поэтому предпочитал молчать. Я был третьим колесом. Или пятым колесом? Короче, я был тем самым колесом, которое на хрен никому не нужно, но все равно крутится на всякий случай. Я думал, что, может быть, однажды кого-нибудь впечатлит мое молчание. Пока же оно работало не особо. Большинство людей, услышав имя Брайан Освальд, вероятнее всего сказали бы «А кто это?». Потом кто-нибудь вспомнил бы: «Ну этот молчаливый чувак, который тут постоянно околачивается». Потом тот первый наверняка сказал бы снова: «Кто-кто?». Наверное, для большинства людей я был невидимкой. Например, когда мы с Гретхен запрыгнули обратно в «форд-эскаорт», радио все еще работало, и мы ехали и ехали, пока не зазвучала мелодия *Dirty Deeds* великих AC/DC — раз в сто лет, — и тогда Гретхен, не спросив меня, сменила радиостанцию.

ЧЕТЫРЕ История США 10.3.90

I. Причин Войны за независимость было много

- A. результаты семилетней войны с французами и войны с индейцами, 1755—1763
1. Американские колонии думают, что помогли британцам победить французов
 2. Король Георг III думает, что колонии в долгу у британцев за предоставленную защиту
- B. Налогообложение без представительной демократии
1. В парламенте нет избранных представителей
 2. «Бостонское чаепитие», 1773
- C. Репрессивные законы и Квебекский акт
- D. а вообще война случилась из-за множества тупых напудренных париков
- E. 1775 минитмены против красных мундиров
- F. Охуенные названия для какой-нибудь металлической группы, если когда-нибудь мне посчастливится в такой играть
1. Огромный молот Тора
 2. Смрад непреложных истин
 3. Короли трупов, объединяйтесь!
 4. Бойся грома и молнии великого друида
 5. Смертельные проклятия
 6. Операция «черепно-мозговая травма»
 7. Доктор Килбот
- G. Список охуенных кавер-версий.
1. первая песня? Обязательно Оззи, Iron Man
 2. Back in Black, AC/DC
 3. Search and Destroy, Metallica
 4. Communication Breakdown, Led Zeppelin
 5. Paranoid, Оззи
 6. если бы нашелся, черт возьми, классный гитарист, то Sweet Child of Mine, Guns n' Roses
 7. Highway to Hell, AC/DC
 8. Too Fast for Love, Mötley Crüe
 9. опять-таки, если есть классный гитарист, то Hot for Teacher, Van Halen
 10. и в конце — Cum on Feel the Noise, Quiet Riot.

ПЯТЬ

В старших классах Гретхен была панком и славилась тем, что избивала других девочек. Мы все тогда во что-то вляпывались, но именно у Гретхен была репутация страшной драчуньи. Вот поэтому она мне так и нравилась, наверное. Для тогдашних панков было важно в первую очередь, как ты одеваешься, а не какую музыку слушаешь — может где-нибудь так оно до сих пор и есть, не знаю. Все дети, которые в средних классах были заучками или шестерками или просто пустым местом, попав в старшие классы, начинали одеваться в рванье, с английскими булавками, гримом, грязными волосами, и ни один даже и не слыхивал о MC5 или New York Dolls, но это вселяло в них чувство принадлежности к определенному кругу и придавало смелости, что ли. Если раньше их ежедневно возили фейсом об тейбл, то теперь на них показывали пальцем и смеялись, но никто уже не мог понастоящему опустить. Быть панком значило вести вечный бой. Это относилось и к Гретхен. К своему первому году в старших классах Католической школы для девочек матери Макколи она поучаствовала как минимум в пяти драках и три раза была отстранена от занятий. Изо дня в день ее в наказание оставляли после уроков, несколько раз отсылали домой с требованием сменить одежду, цвет волос и смыть боевую раскраску. Она и сейчас

отбывала наказание за выкрашенные в розовый цвет волосы и вынуждена была оставаться после уроков каждый вторник. Думаю, поэтому мне так нравилось с ней тусоваться. Она делала то, что мне и самому хотелось бы, но кишка была тонка.

В общем, четвертое свое отстранение от занятий — о котором она так любила рассказывать — Гретхен заработала за то, что отделала Стейси Бенсен. Стейси Бенсен, которая избиралась в президенты школьного совета под лозунгом «Стейси Бенсен — почему? Потому что ты слишком ленив, чтобы сделать это», и победила. Стейси совершила большую ошибку, назвав Гретхен «жирной лесби». После того как все произошло, Гретхен поведала эту чертову историю столько раз — у прилавка в «Снэквилл Джанкшен», в киоске «Уохос», в развалюхе «эскорте», на вечеринках, своей сестре, моему брату, моей младшей сестре, своему отцу, на стоянке в «Хонтед Трейлз», людям, которых мы даже не знали, — в общем, столько раз, что я мог пересказать в точности, что случилось, и даже лучше самой Гретхен, наверное. К тому же, рассказывая эту историю, она обычно опускала наиболее важную часть, чего я не сделаю, обещаю. В общем, дело было так:

Однажды после дополнительных занятий по английскому, которые Гретхен как правило коротала за тем, что писала черными чернилами на руках и ногах названия своих любимых групп — *ramones*, *the descendents*, *the clash*, — она решила, что все ее достало и что пошла эта школа. Школа никому не нравилась — ладно, мне нравилась, но я бы ни за что никому в этом не признался, — но Гретхен она не нравилась особенно. Почему? Из-за внешнего вида самой Гретхен. Во всяком случае, она так говорила. Другие девчонки ее терпеть не могли, не только потому, что она была панком, но потому, что она была панком и одевалась так во многом из-за того, что ее мама умерла двумя годами раньше, а значит, все учителя вроде как оставили ее в покое и не трогали.

В католической школе это было ой как важно — то, как ты выглядишь. Когда Гретхен вбивала подошвы своих черных армейских ботинок в плитку, тяжело вышагивая по коридору, цепи ее ботинок гремели, и позвякивали пластиковые и кожаные браслеты, а школьные красотки одна за другой замирали у своих шкафчиков, бросая ей вслед взгляды, полные омерзения. Вот что они видели в образе Гретхен: толстую семнадцатилетнюю старшеклассницу с кукольным лицом, с длинной бело-розовой челкой и побритыми практически под ноль висками и затылком, с глазами, жирно обведенными черным карандашом, с английскими булавками повсюду и нашивками «The Exploited» и «DRI» — она их даже не слушала, но нашивки смотрелись круто, так что — с нашивками и в армейских ботинках и в черной кожаной куртке с черепом, который она сама нарисовала замазкой, спертой из отцовского письменного стола, все пальцы в серебряных кольцах с шипами, а руки сжаты в кулак и всегда предвкушают драку.

После уроков Гретхен встречалась у шкафчиков с нашей подругой Ким. Ким тоже была панком, маленькая, с длинными костлявыми руками и острым узким лицом, на шее и груди всегда пятьсот-шестьсот засосов, ярко-красные волосы, дюжина сережек в каждом ухе, а теперь вдобавок ко всему этому — умильная болячка в углу губ, которую она с гордостью называла своим «герпчиком». Я обожал Ким, но боялся ее до одури. Она была чертовски привлекательна, но крыша у нее слегка съехала. Итак, натягивая свою джинсовую куртку, она повернулась к Гретхен и спросила: «Ну и че за хуйня у тебя происходит?» — так она обычно здоровалась.

— Достала меня эта школа, — объяснила Гретхен, и они направились к выходу. Гретхен всегда ходила с опущенной головой; Ким вечно подпрыгивала и насвистывала, и при каждом удобном случае выбивала книги у девчонок из рук. Скривившись, Гретхен уставилась на двух местных королей красоты, в идеальных, твою мать, высоко натянутых голубых гольфах и зеленых свитерах, завязанных вокруг талии, с ослепительными, как у актрис из сериалов, физиономиями. Девчонки красили губы, глядя в карманные зеркальца, и смеялись, указывая друг дружке на отражения Ким и Гретхен. Гретхен резко шагнула в их сто-

рону. Они быстро обернулись, прячась за дверцами своих шкафчиков. Та, что была пониже, с волосами потемнее и свежеевыщипанными бровями, по-мышьиному пискнула. Ким показала им средний палец, а Гретхен испустила короткий смешок — Ха! — довольная тем, что она только что сделала. Это было в тот момент — в ту самую секунду, — когда она повернула налево к холлу D и нечаянно наткнулась на Стейси Бенсен.

Стейси Бенсен.

Стейси Бенсен, старшекласница, сноб из школьного совета, блондинка, крашенная в еще более светлый тон, всегда в облегающем топе без лямок, красная помада толстым слоем с черным контуром, подчеркивающим податливые губы, которые невозможно было не заметить, из-за чего вам становилось ее жалко, как бывает жалко стриптизерш или девчонок, которые снимаются в порно, потому что они такие красивые, что никто, кроме красоты, в них ничего не видит, и эта начинает их разрушать, что ли; голубые тени и голубой перламутровый лак в тон, настолько всегда безупречный, что становилось ясно: Стейси Бенсен никогда в жизни не работала в супермаркете и вообще нигде не работала, ни единого дня; зеленая кофта, аккуратно завязанная вокруг шеи или талии, и заебись какие ути-пути-мути коричневые мокаснички, изящно украшенные двумя блестящими медными монетами, которые сияли все же меньше, чем лицо Стейси, лицо, какое типа смотрит на вас по всей Америке с плакатов, рекламирующих косметику. Вдобавок гетры всевозможных расцветок. Вдобавок, как говорили, ее высказывания на занятиях по этике о том, что девушек, которые делают аборт, надо судить как детоубийц. Вдобавок ее склонность обращаться к другим школьницам не иначе как «девочки», например, «Девочки, нам нужна еще парочка добровольцев для участия в донорской кампании». Вдобавок, и уж это совсем никуда не годилось, — ее значки. Я учился с ней еще в средней школе, и уже тогда она носила эти самодельные значки, почти каждую неделю новый: *Гордая принцесса. С Богом по жизни. Благоразумная и непорочная.* Это была девочка, которая, казалось, говорила своим таким блин выразительным, хорошо поставленным голосом: *Все вы тут хреновы недочеловеки.* Это была девочка, которая своими мелкими, точными, идеальными движениями — взмахом ресниц над сияющими заебись какими голубыми глазками, мечтательной улыбкой, смехом, звенящим как колокольчик — казалось, шептала: *Я во всем лучше вас.* И вполне возможно, так оно и было, потому что ее внешность, и ум, и очарование всегда провоцировали тебя на спор, но с чем тут поспоришь, если ты сам выглядишь так?

В тот день у Стейси Бенсен был значок с надписью: *Подхватите нас лучом, мистер Скотт, здесь внизу нет разумной жизни.* Итак, там, в холле, в конце дня, под шум последних занятий — *собираешься прогулять практику? И заедь за мной в семь, и он опять столько задал на дом* — среди запаха лака для волос и гребаных духов, усиливающегося после уроков, Гретхен повернула и наткнулась на Стейси Бенсен, и Стейси Бенсен остановилась и посмотрела на Гретхен, и сказала: «Смотри куда прешь, жирная лесби».

Так, стоп.

Если бы вы знали Гретхен и могли типа прочесть ее мысли, вот что вам было бы уже известно:

Пяти лет от роду, Гретхен — балерина в этом чертовом классе. Ладно, Гретхен, пяти лет от роду, — чертовски нескладная. Она не могла сделать кувырок из-за своего веса, знаете, и остальные девочки обычно смеялись, и, в частности, была в этом классе такая маленькая злобная брюнеточка, которая однажды указала на Гретхен и сказала: «Она жирная», и когда пришло время показательного выступления, Гретхен велели просто пробежать по сцене, пока остальные девочки выполняли колесо и прыжки через голову и всякое такое

дерьмо. Вместо этого Гретхен поколотила за кулисами одну из девочек, и в слезах была отправлена домой.

И:

На этот раз восьми лет от роду, Гретхен выбирает себе в магазине костюм для Хэллоуина, сряди рядов и рядов пластиковых масок, прикрепленных к пластиковым костюмам — Супермен и Бэтмен и Чудо-женщина, и сказочная принцесса, и Франкенштейн, и Дракула, и все остальное, — и ее мать говорит, что, возможно, Гретхен стоит предпочесть костюм Франкенштейна костюму принцессы, поскольку он все-таки немного свободнее.

Затем:

Гретхен уже старшеклассница, и кто-то пишет баллончиком ЖИРНАЯ ЖОПА на торце ее гаража, и Гретхен смотрит, как ее папа, мистер Д., пытается скрыть смущение, второпях замазывая надпись коричневой краской, цвет которой чуть светлее цвета гаража, и Гретхен, и я, и все остальные каждый день видят это пятно, когда она идет домой, до тех пор, пока она не переедет, и все знают, что пятно там, все еще там, и почему.

Так что:

Когда Стейси Бенсен сказала: «Смотри куда прешь, жирная лесби», Гретхен обернулась и схватила ее за гребаный золотистый конский хвост, и так дернула, что в руке у нее осталась прядь волос, вырванная из мягкой белой кожи, как волшебная золотая нить, которой было сшито желание какой-нибудь блин заколдованной принцессы, а потом Гретхен, держа Стейси Бенсен за ворот блузки, стала мутузить ее по лицу, одним звучным ударом сломав роскошный римский нос, из которого брызнула выразительная струя ярко-красной крови, после чего Гретхен проорала во всю мочь: «Отсоси-ка у меня, Барби!».

В одну секунду учительница физкультуры лесбиянка миссис Кроун в синем спортивном костюме обхватила Гретхен за талию, а пожилая школьная медсестра поспешила к Стейси Бенсен, и все девчонки, пораженные, застыли вокруг, раскрыв рты, и сильно бились их нежные чистые сердца. И вот, вот та часть, которую Гретхен в своих рассказах почти всегда опускала: несмотря на все драки, в которых она участвовала прежде, с грубыми торчащими девицами, когда жирная тушь исполосовывала их заостренные лица, на случайных подвальных вечеринках, или на задворках пустынных стоянок, пока их парни улюлюкали или хлопали, или смотрели испуганно; или с девочками из дорогих частных школ, мертвой хваткой вцепившись в их длинные, изящные шейки и носики, которые впоследствии нуждались в прикосновении дорогого пластического хирурга; или с той длинной, страшной девицей из волейбольной команды, свирепой, как мужик, у которой все руки были покрыты тоннами темных волос; несмотря на то, что она царапалась и материлась, и таскала за волосы, несмотря на то, что била и шипела, и кусалась, первый раз в своей жизни — самый первый раз — Гретхен чувствовала себя виноватой, и все-таки не понимала, почему. Но для меня теперь, когда я оборачиваюсь назад, это просто: как Гретхен не была виновата в том, что родилась толстой, так не было и вины Стейси Бенсен в том, что она родилась хорошенькой.

ШЕСТЬ

Американскую историю в жопу. США в жопу. Тринадцать колоний в жопу. Джорджа Вашингтона в жопу. Британцев в жопу. Красные мундиры в жопу. Мушкетеры в жопу. Пушки в жопу. Бенджамина Франклина в жопу. Роанок в жопу. Джеймстаун в жопу. Квакеры, пилигримов и индейцев в жопу. Раннеамериканские торговые посты в жопу. Репрессивные акты в жопу. Бостонское чаепитие в жопу. Брата Флэнегана и его мерзкие родинки в жопу. Его мерзкие родинки могут также идти в жопу самостоятельно. Диафильмы брата Флэнегана

в жопу. Его временные шкалы в жопу. Билли Лаури на первой парте, которому вечно надо задать пятнадцать миллионов гребанных вопросов, в жопу. Джима Галлахера, который сидит сзади и тыкает меня в спину ручкой, В ЖОПУ! Эти стены в жопу. Эти парты в жопу. Эти книги в жопу. Потолок тоже в жопу. Пидоров в жопу. Всю эту школу в жопу. Сверху донизу, всех в жопу. Учителей в жопу. Святых мать их братьев в жопу. Спортсменов и качков в жопу. Футболистов, бейсболистов, регбистов, борцов, бегунов в жопу. Пидоров из школьного совета, которые корчат из себя политиков, — в жопу, потому что в школьном совете и потому что пидоры, которые корчат из себя политиков. Богатеньких деток из предместий с их новыми тачками в жопу. Грязных драг-дилеров, которые осматривают меня с ног до головы, как проститутку, в жопу. Уличных хулиганов в жопу. Наркотов, обкурышей, торчков, мелких черных гангстеров, мелких гангстеров-латиносов, зануд, ботаников, дегенератов, психов, мудаков, пидоров, давалок, задротов, хронических онанистов, уродов — всех в жопу. Всю эту ебаную школу в жопу на хуй.

Я взглянул на свои наручные электронные часы, затем — на настенные. На обоих было 1:13. Американская история, шестой урок, класс брата Флэнегана, Католическая школа брата Раиса, город Чикаго, штат Иллинойс, США, континент Северная Америка, планета Земля. Еще два часа этой херни. Я вздохнул и вытащил из кармана кассету с коллекцией песен, отобранных для меня Гретхен.

(Я) Кролик / The Lemonheads

Дьявольский бордель / The Misfits

Сделай мне минет / GG Allin

Дорогой любовник / Social D

Рок влюбленного / The Clash

День за днем / The Violent Femmes

Внезапно я понял. Все эти песни были о сексе. Я взглянул на надпись на кассете, которая гласила: *У меня лобковые вши*. Я чуть было не расхохотался на весь класс, вовремя сделав вид, что закашлялся. Я еще раз посмотрел на наручные, затем на настенные часы. И вернулся к своему списку.

СЕМЬ

Как я уже сказал, я обо всем узнал после уроков. Я сидел на капоте на стоянке школы матери Макколи, где Гретхен парковала свое синее ведро и куда я приходил каждый день после уроков, чтобы она подбросила меня до дома, и слушал, наблюдая, как Ким и Гретхен разыгрывают в лицах всю эту историю со Стейси Бенсен: и как на них смотрели девочки в коридоре, и как Гретхен восприняла толстый намек, и даже как она проорала «Отсоси-ка у меня, Барби!». Я просто слушал и кивал. Что бы ни случилось за день, мне всегда приходилось выслушивать все в мельчайших подробностях, прежде чем ехать домой. Вообще-то мне было насрать на Стейси Бенсен. У меня с ней не было никаких проблем. Я вообще не был панком. Я не искал приключений на свою задницу. Как я уже говорил, я слушал металл и тяжелый рок типа AC/DC, Mötley Crüe, Metallica, и все в таком роде в основном. В старших классах каждый день я носил одно и то же: синюю фланелевую рубашку поверх белой рубашки на пуговицах и черного галстука — носить который я был обязан, — черные брюки и черные туфли, износившиеся почти до серого. У меня были грязно-каштановые волосы, свисающие на глаза, как швабра, и еще очки в огромной коричневой оправе, которые я был вынужден носить из-за плохого зрения. А также у меня был особо тяжелый случай с угрями — на лице, на шее, даже на спине. Как я уже говорил, мне кажется, что я был тихоней. Во мне ничего не было от панка. Я всегда думал, что панки — кучка жалких

притворяшек, я думал, что они блин уж чересчур стараются. Я что хочу сказать: я ведь вырос вместе с Гретхен и Ким — мы вместе были лузерами в средней школе в математической группе Блума, где Гретхен предводительствовала, — и только поэтому мы, видимо, все еще тусовались: мы, наверное, просто привыкли вместе быть лузерами.

— Мне даже записку домой послали, — похвасталась Гретхен, копаясь в школьной сумке. — И на три дня отстранили от занятий. Она перебрала все свои папки и ручки, нашла листок голубой бумаги и гордо подняла его над головой, как будто это была стипендия или что-нибудь в этом роде. Я лишь кивнул и отвернулся.

— Вы сейчас сразу к Гретхен? — спросил я.

— Мне на работу надо, — ответила Ким.

— А я не знаю. Что-то не хочется домой, — сказал я.

— Что за хуйня, Брайан, детка? — спросила Ким и ткнула пальцем мне в грудь. Я посмотрел на ее блестящие черные армейские ботинки, затем на Гретхен, на которой были темные очки и которая все еще размахивала в воздухе своей запиской, опустил голову и пробубнил:

— У меня серьезная проблема.

— Какая это у *тебя* серьезная проблема? — смеясь, спросила Гретхен.

— Да ничего.

— Что? Что еще?

— Ничего.

— Блин, просто скажи, — прошипела Ким. — Что блин у тебя за проблема?

— Мой отец. Это идиотизм. Он стал спать внизу, — пробубнил я и опустил голову.

— Ну и что блин это значит? — спросила Ким.

— Не знаю. Несколько дней назад, перед тем как ложиться спать, знаете, поздно было уже, я увидел, как он лежит на диване, и он меня увидел и сказал: «Все в порядке, Брайан, я какое-то время посплю здесь».

— Ну, и ты думаешь, они в конце концов разбегутся?

— Ну не знаю, думаю, да.

По ночам мой папа, который работал на заводе шоколадных батончиков «Тутси» и независимо ни от чего всегда пах как шоколадная конфета, стал спать внизу, где находилась моя комната. Мне очень нравился папа, он был тихоня, как я. Когда я был маленьким, да и теперь, он часто приходил домой с работы, и, держа руки за спиной, заставлял меня угадывать — *в какой руке?* — а затем высыпал несколько шоколадных батончиков мне на ладони. Мама говорила, что мои проблемы с угрями из-за этого. У папы тоже были угри. Меня это не волновало, потому что он вечно то напевал, то рассказывал пошлые анекдоты. Он приходил домой с целыми сумками шоколадных батончиков, и мы строили все эти гигантские сооружения — Эйфелеву башню, Сфинксов, и все из шоколадных батончиков — для ежегодного состязания отцов и сыновей на заводе «Тутси». Иногда он снимал очки и протирал их и пристально смотрел вдаль, как будто собирался сказать что-то важное, и ничего не говорил, прям как я. И теперь он спал внизу, один, одинокий, и из-за этого я чувствовал себя ужасно. Я не знал, что именно с ним происходит.

Ну о матери я не хочу много говорить, хватит с вас и такого: когда я учился в младших классах, у нас каждый год проводился конкурс резьбы по тыкве. И мы с моим старшим братом Тимом каждый год типа в них побеждали, потому что тыквы за нас вырезала мать. Мы вообще-то ее совсем не просили, она вроде как заставляла. У нас есть одна чернo-бе-

лая фотография, где я классе в третьем, а Тим в шестом, сделанная по случаю нашей победы в тыквенном конкурсе, и Тим стоит на одном конце длинного такого стола, а я на противоположном конце, и между нами все остальные дети, и тыква у Тима — изумительной красоты индейский вождь, а у меня — Дракула с обнаженными клыками, и выглядят они как близнецы-братья, вождь и Дракула, потому что их обоих сделала мама, и никто, ни один из учителей или директоров, ничего не заметил и не сказал. И вот так моя мама была почти во всем.

— Пап, тебе не будет одиноко тут спать? — спросил я, стоя в темноте и глядя на разноцветные отблески экрана телевизора на его лице.

— Все в порядке, Брай, спасибо, что спросил. Здесь полно места, сынок. И спорю, сегодня покажут какой-нибудь хороший фильм.

— Хорошо. Ну, в смысле, а что мама?

— Ну она немного раздражена. Просто будет проще поспать тут какое-то время.

— А, — сказал я. — Ну ладно, хорошо, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сынок.

В ту ночь я слышал, как он храпит под старый вестерн, и звуки выстрелов в телевизоре эхом отзываются в его сонном бормотании. Мне было обидно за него. То есть он был там, его доброе лицо, грязно-русые волосы, рабочие сапоги у дивана, он дышал через нос, громко сопя, точь-в-точь как я. Я увидел, что он не снял очки, так что я подкрался бесшумно, поглядел на него и вроде бы медленно снял их. Не знаю зачем, я примерил их; оправы мне подошла, только диоптрии были слишком большие. Я подумал, странно, что у нас с ним оправы одного размера, сложил очки и водрузил их на подлокотник дивана как можно аккуратнее, все еще стараясь не разбудить его. Я почувствовал, что наступил на что-то босой ногой, и обнаружил пять или шесть шоколадных батончиков, разбросанных вокруг папиных сложенных брюк, что было немного странно, и я постоял над ним еще с минуту, размышляя о том, почему ничего хорошего, кажется, нет в жизни тех, кому перевалило за восемнадцать.

— Так что, он переезжает или что? — спросила Гретхен.

— Не знаю. Просто спит теперь внизу.

— Он тебе что-нибудь сказал об этом?

— Не-а. Не то чтобы.

— Это блин действительно херня какая-то, — вздохнула Гретхен, похлопав меня по спине.

Ким, в совершенно не свойственной ей манере, повернулась и обняла меня, обвив мне шею тонкими руками. Я почувствовал шипы ее браслетов у своей щеки, я вдохнул фруктовый, липкий аромат ее геля для волос, сладкий запах жвачки; я почувствовал ее маленькую, твердую, плотную грудь, когда она стиснула меня. Сказать правду, я хотел Ким еще в средней школе. Я представлял, как залезаю к ней в штаны и даже хуже, намного хуже, но когда она обняла меня, я не почувствовал даже легкого возбуждения. Мне стало плохо. Плохо, потому что я понял, как жалко выгляжу — раз она даже решила меня обнять. Я закрыл глаза, чтобы не заплакать, а она просто стояла, обнимая меня вот так. А затем это случилось: она выдохнула прямо у моего уха, случайно, и выдох этот был жаркий и влажный, и у меня сразу же встал по полной программе.

— Чувак, — сказала Ким, — у тебя что, встал, что ли?

— Нет, — ответил я.

— А очень на то похоже. — Она отпрянула и оперлась на капот. — Вот почему никто не бывает мил с тобой, Брайан.

— Все равно спасибо, — сказал я, и мы все забрались в машину, чтобы подбросить Ким на работу в торговый центр.

ВОСЕМЬ

В школе я в основном занимался тем, что придумывал названия для суперпопулярных хард-рок-групп, в которых мне в один прекрасный день доведется играть, изобретая состав инструментов и названия песен и составляя списки участников и все в таком роде. Даже на репетициях школьного оркестра — занятие, которое я выбрал сам. и был страшно этим смущен, поскольку: *Да брось ты, школьный оркестр? Ты видел их шляпы? И идиотские куртки?* Неловко было еще и потому, что вместе с нами занимались девчонки из Макколи, девчонки, девяносто процентов из которых были еще более заученные, заторможенные и нескладные, чем я. *Да брось ты, какая нормальная девчонка станет в свободное время играть на гобое,* так ведь? Я только поэтому и записался в этот класс, в смысле, из-за девчонок, и ошибиться сильнее я не мог. Так что когда я должен был играть на ксилофоне, аккомпанируя кларнету, я всегда слышал идиотскую, затасканную мелодию, извлекаемую из старой, плохо настроенной трубы строго позади меня, и представлял, как я зажигаю со своей суперпопулярной группой на стадионе, а на трибунах орут фанатки с огромными сиськами, размахивая над головой лифчиками.

Как например, мой новый шедевр, настолько хороший, что просится быть запечатленным на странице: *Мы верим в богов*, величайший альбом величайшей группы всех времен под названием «Молодые боги», в состав которой вошли Томми Ли на ударных, Эдди ван Хален на соло-гитаре, Иззи Страдлин на ритм-гитаре, Клиф Бертон на бас-гитаре (если бы он был жив, но поскольку он был мертв, Гедди Ли пришлось бы играть на бас-гитаре, хоть RUSH и полное дерьмо), а также Эдди ван Хален на клавишных, и — встречайте — Брайан Освальд, вокал/ксилофон.

1. Порви как следует
2. Так приходит грех
3. Мы верим в богов (заглавный трек)
4. Выжить каждый день, баллада
5. Поставь на мою любовь
6. Никто не должен знать (Ты любишь это)
7. Под дулом пистолета (контраверза о самоубийстве)
8. Красота во взгляде смотрящего, и взгляд мой у тебя
9. Ни уйти ни убежать от моей любви

ДЕВЯТЬ

У меня было дурное предчувствие. Мы как раз высадили Ким у торгового центра. Я рылся в сумке Гретхен в поисках какой-нибудь жвачки или конфеты, когда наткнулся на эту ее чертову записку, вытащил и стал читать: *...тони деган. тони деган. в следующий раз. в следующий раз, когда я останусь с тобой наедине, я позволю тебе это сделать, я позволю тебе сделать все, что ты захочешь,* и Гретхен, мать ее, дернулась и стала орать. Радио в вонючем «эскорте» играло «Успокой меня», пока Гретхен тормозила у светофора, вырыва-

ла у меня записку из рук, колотила меня, продолжая при этом орать.

В этот момент у светофора остановилась машина с двумя гонщиками и стала дудеть «Дым над водой», песню самой чудовищной классической задротской группы всех времен Deep Purple, а затем, как обычно, они стали комментировать волосы Гретхен, что было заебись какой неудачной идеей.

— Отличная прическа, — засмеялся тот, что был за рулем, показывая Гретхен большие пальцы на обеих руках. У него были фантастические сросшиеся брови и куртка из вареной джинсы с обрезанными рукавами — типа крутой жилет, — только вот выглядела она не как крутой жилет, она была совершенно ублюдской.

— Ты это нарочно с собой сделала? — прокричал второй парень, разводя руки в притворном замешательстве. Он был повыше, в зеркальных очках от солнца и в бандане из американского флага. Комментарии этих двух уродов были типичными для юга Чикаго: совершенно очевидные и совершенно бессмысленные.

— Валите в свою хренову Калифорнию! — крикнул тот, что со сросшимися бровями, слегка поддавая газу.

— Парад уродов! — добавил второй, показывая на нас пальцем, как будто мы не понимали, над кем он издевается; как будто, показывая пальцем, он говорил: *«Да-да, вы! Поясняя: я оскорбляю именно вас! И пусть я всего лишь сторож в музыкальной лавке, и пусть мне двадцать восемь и у меня незаконнорожденный ребенок и счета за белый «камаро», который я уже угробил, и пусть я бешеный придурок, спускающий все бабки на кокс, когда им удастся разжиться, — опускать надо именно вас, потому что, по-моему, вы выглядите нелепо, и лучшее, что я могу сделать, чтобы вас оскорбить, — вот так наставить на вас палец, так что я его не уберу»*. И он так и держал свой палец, указывая на нас снова и снова, пока я не отвернулся и не посмотрел на Гретхен.

Издеваться над волосами Гретхен было заебись какой неудачной идеей, потому что у нее ушло четыре месяца на то, чтобы выкрасить их в розовый, так как купленная ею краска «маник-паник» не срабатывала, и она перепробовала все на свете — обесцвечивала, травила перекисью, мы даже были в торговом центре в часе езды от города, чтобы купить какой-то безумный промышленный осветлитель, но она его передержала, и несколько прядей выпало — и все-таки в конце концов, спустя несколько месяцев, у нее получилось, и теперь это был обалденный, яркий, космический розовый цвет.

Если вы хотите испытать это все на себе и если хотите знать, как правильно покрасить волосы, то вот вам, заморачивайтесь:

Во-первых, тут необходимы двое. Ни в коем случае не делайте этого в одиночку. Почему? Потому что это глупо и все вокруг будет загажено. Также вам понадобятся:

- а. Тряпка или ненужное полотенце.
- б. Полиэтиленовые пакеты.
- в. Средство для снятия лака или очищающий гель для лица.
- г. Вазелин или что-то типа — вот в чем секрет, блин!
- д. Имеющаяся под рукой щетка или расческа.

Это довольно просто, если знаешь, как это делается:

1. Делайте это в местах, где пол кафельный, типа ванной или подвала, или гаража.
2. Снимите с себя всю приличную одежду, а лучше вообще всю.
3. Оберните шею полотенцем, чтобы это дерьмо не капало и не засирало все вокруг.

4. Намажьте вазелином участки кожи вокруг волосяного покрова, густо намажьте кончики ушей, шею сзади и особенно лоб, весь.

5. Если вы блондин, вам повезло. Если нет, вам придется сначала обесцветить волосы. Темные волосы никогда не приобретут тот самый ультра-цвет. Можете попробовать, конечно, и потратить время, но это не сработает. Гретхен все перепробовала — все на свете — «Кулэйд», пищевые красители — и ничего не получалось, потому что волосы были слишком темные. Как я сказал, мы купили этот промышленный осветлитель. Не оставляйте это дерьмо на волосах надолго, оно их убьет. Следуйте инструкциям, вымойте, высушите и так далее. Волосы должны быть почти белые. Теперь можете либо купить специальные перчатки, либо сделать их из полиэтиленовых пакетиков и резинок, все что угодно, только не глупите и не делайте этого голыми руками — Гретхен попробовала и ходила с розовыми руками недели три.

6. Выдавите шарик краски на волосы и расчешите. Вот где второй человек очень пригодится, иначе ваш затылок будет выглядеть дерьмово.

7. Когда вы распределили всю краску и волосы увлажнились, высушите их феном. Зачем? Хрен знает, так Ким сказала. Может, это доводит волосы до кондиции, что-нибудь такое. Подождите около часа.

8. Прополоскайте волосы, только делайте это под краном, а не душ блин принимайте. Если встанете под душ, краска стечет вам на лицо и изгадит вас пятнами, как последнего уроды. На следующий день в школе или в торговом центре вы будете выглядеть как хренов позер. Прикройте лицо полотенцем и смойте это дерьмо. Не пользуйтесь шампунем, просто прополоскайте.

9. Используйте очищающий гель или средство для снятия лака, чтобы удалить пятна краски у корней волос. Скорей всего вам придется хорошенько потереть.

10. Теперь возьмите полароид, поскольку ваши волосы никогда не будут выглядеть так хорошо, как сразу после первого полоскания. Будьте готовы к тому, что подушкам и простыням пиздец, — у Гретхен они навсегда измазаны розовым.

11. И вообще, почему вы хотите покрасить волосы? Чтобы выглядеть панком? Вы что, не знаете, что все красят волосы, чтобы выглядеть панком? Да уж.

Ладно, возвращаемся к нашим уродам. Вот-вот должен был зажечься зеленый, и водитель «транс-эма» прокричал: «Придурки», и Гретхен прокричала в ответ: «Говнюки», и потом она это сделала: она выпрыгнула из машины и одним коротким движением переломила антенну «транс-эма» ровно пополам. Их громкий, тяжелый задротский рок мгновенно прекратился, исчезла *Come Sail Away*, радио смолкло. Оба придурка, один в черной футболке «Алабама», второй в своем жилете из вареной джинсы, выпрыгнули и стали натягивать такие черные кожаные перчатки для подъема штанги — с ума сойти, у них были эти черные кожаные перчатки без пальцев. Когда я увидел, как они натягивают перчатки, я подумал: *Вот черт*, и не знал, смеяться мне или начать уже блин беспокоиться. Но в этот момент зажегся зеленый, и коричневый фургон, мчащийся на приличной скорости, жестко впечатался «транс-эму» в зад. «Транс-эм», до этого стоявший, завертелся и завизжал, его красное пластиковое крыло смялось на хрен в гармошку, и машина отлетела в сторону.

Пока Гретхен запрыгивала обратно в худший на свете «форд-эскаорт» и мы набирали скорость, в голове у меня вертелась только одна мысль — одна-единственная: *В этом году. В этом году все на хрен изменится к худшему.*

ДЕСЯТЬ

Мы жили тогда в южной части Чикаго. Обстановка там была не из приятных: кирпичные бунгало, выстроенные в ровную линию квартал за кварталом, с их маленькими опрятными лужайками скрывали то, что никогда не произносилось вслух. Но это сквозило всюду: в одинаковых почтовых ящиках и статуях девы Марии, в повторяющихся цветочных горшках, в белых детишках, играющих на своих лужайках, в их родителях, переговаривающихся через забор, в пенсионерах, сгребаящих в кучу листья: те же лица и те же фамилии, улица за улицей, квартал за кварталом, дом за чертовым домом. Мне было ясно это безмолвное послание: *Если ты не белый, то не смей, мать твою, пересекать Западную авеню. Не делай этого. Не появляйся в этом районе. Не нарушай границу, если не хочешь серьезно пострадать.*

Мы жили в южной части, я — в Эвергрин-парк, а Гретхен в Гринвуде — два района, прилегающие друг к другу, но разделенные 103-й улицей, — в городе, всемирно известном своей расистской историей. Летом 1919 года здесь, на юге, вспыхнул мятеж, в результате которого тридцать восемь человек погибло, пятьсот пострадало и еще больше осталось без крова, и начался он из-за убийства черного подростка на 26-й улице. Может показаться, что это просто выбранный наугад исторический факт, только все не так, хотя я действительно готовил об этом доклад по истории. Потом была эта эксплуатация и дегуманизация грузчиков, несчастных черных юнцов, с которыми железнодорожный босс обошелся столь несправедливо, что перед смертью потребовал, чтобы его гроб залили бетоном, из страха, что его могила будет осквернена разъяренными рабочими из южных районов. Лет десять назад Гарольд Вашингтон, толковый черный политик, баллотировался и был избран в мэры, но лишь пройдя сквозь месяцы самых разнообразных проявлений расовой неприязни, включая тот эпизод, когда на фасаде католической церкви Святого Бена за день до его «тронной» речи появилась надпись «ниггер».

Районы, где жили мы с Гретхен, были вполне нормальными и довольно схожими. Дома здесь в основном маленькие, кирпичные бунгало в стиле, ставшем популярным на юге Чикаго в сороковые. Оба были населены в основном ирландскими католиками, в обоих проходил пресловутый парад Святого Патрика, на который собирались дебилы со всей округи, чтобы поглощать на улицах национальный напиток. Между 103-й и 111-й улицами в каждом квартале был свой ирландский паб. И в младшей школе, и в старшей я постоянно встречал ребят из обоих районов в футболках и куртках с надписями, гордо гласившими: «Ирландец из южного района».

Эвергрин-парк представлял собой пригород, с трех сторон граничащий с Чикаго, но не считающийся частью города, несмотря на то, что в обоих районах жили одни и те же люди, белый рабочий класс, ирландские католики — люди неплохие, но страдающие излишней терпимостью.

Дело в том, что в Эвергрин-парк не было черных и в Гринвуде не было, хотя он считался частью города. Видеть их там не хотели и к себе не пускали. Почему? Гринвуд населяли семьи белых чикагских пожарных и копов, у которых всю жизнь была репутация отъявленных расистов. Но не просто репутация; так оно и было на самом деле. И было это блин не в каком-нибудь 1919 году. И даже не в сороковых. Это был мать его 1990-ый. Я не знаю, как им это удавалось, честное слово, если не считать, конечно, запугивания и угроз применить силу. Может, этого было вполне достаточно.

Там жили эти копы-расисты и еще их дети, которые росли на расовых предрассудках и неудовлетворенности своих родителей — *ниггеры то, ниггеры се* — и бегали по округе, называя себя Белой Силой. Белая Сила? Да эти дети понятия не имели, что такое Белая Сила. По крайней мере, мне так кажется. По-моему, это были слова, которые эти идиоты ассоциировали с собственной злостью, с невежеством. Это как назвать себя панком —

просто еще один ярлык, помогающий самоопределиться, придать всему иллюзию смысла. Но этих ребят терпели, и не просто терпели, а поощряли, смотрели на их поступки сквозь пальцы, полностью игнорировали, даже когда они укладывали в больницу какого-нибудь черного парня, пересекшего воображаемую расовую границу, пролежавшую вдоль Западной авеню. Среди них были крутые парни, парни, которым наскучило играть в футбол, или которые год или два занимались борьбой, до того как превратиться в наркотов и купить себе подержанный фургон или «нову», парни, отрастившие волосы на затылке, парни, одетые в куртки из вареной джинсы, борцовки «Найки» и все в таком роде.

Большинство из них слушало металл или хардкор — он вырывался из окон их тачек, когда они с ревом проносились мимо, «Убей себя!» — и все же они выглядели в точности так же, как остальные придурки. Парни из Белой Силы терпели других торчков и панков нашего района, если они были белыми, даже если те и выглядели как уроды, и никто из них ни разу не докопался до Гретхен или Ким и не высказался по поводу их одежды. Наверное, они считали панков вполне безобидными. Наши музыкальные вкусы кое-где пересекались, например, The Misfits и Samhain, а некоторые девчонки встречались и с панками, и с Белой Силой, в общем, у них не было проблем со мной, или Ким, или Гретхен. Но когда я видел Тони Дегана и его верзил-кроманьонцев, не знаю... Я сжимал в карманах кулаки с яростью персонажа какого-нибудь кунг-фуистского фильма, но ничего не говорил и в конце концов просто удалялся.

Иногда, разъезжая по окрестностям в вонючем «эскорте», мы видели, как копы из Эвергрин-парк останавливали черных и докапывались до них, обыскивали их тачки и их самих лишь за то, что они пересекли границу. И я не вру про всю эту хрень. Однажды мы с моим старшим братом Тимом пошли играть в баскетбол в Хэмлин-парк — на баскетбол мне глубоко было насрать, но мой старший брат Тим заставлял меня играть, потому что, как он говорил, я должен был как-то доказать, что не превращаюсь в девчонку, я думаю, это папа ему велел. Ну и когда мы с братом играли, к нам подошли два копа и сказали: «Вы тут не утащите сетки с корзин, как какие-нибудь ниггеры», и один из них постучал своей дубинкой по ладони, а другой кивнул, и они ушли. И, клянусь, эта история — чистая блин правда!

Вся эта расовая фигня очень волновала Гретхен, из-за всего этого панк-рока, который она слушала.

— Мир — расистский и шовинистский по своей природе, — говорила она. — Как так интересно получается, что в «Макдоналдсе» или другой какой херне работают только черные или латиносы? Ты когда-нибудь видел, чтоб белый в «Макдоналдсе» работал? Ну может быть. Может быть, на кассе, но уж точно не картошку жарит.

Она говорила это, кивая сама себе, и в такие моменты мне особенно хотелось ее поцеловать, из-за того, что она верила во что-то такое, о чем я никогда даже и не задумывался.

ОДИННАДЦАТЬ

Опять-таки в школе.

Охуенные названия для ужастиков, существующих только на видео, в которые можно было бы включить как минимум две неполные постельные сцены, как в тех жутких копиях Хэллоуина и Пятницы, 13, из проката «Эвергрин-видео», в которых я могу сниматься как главный потрошитель, по возможности.

1. Ночь агонии, ночь боли
2. Очарованные злом

3. Как воскресшие рыдают
4. Рука повешенного
5. Убей с восторгом
6. Ночные соблазны
7. Игра в смертельное
8. Берегись кровавого дома
9. Смертельная инъекция
10. Вечеринка в палаточном лагере
11. Склеп заговорил

12. Брат Муни со своим самым зловещим рассуждением о чудовищной грамматике, которая пожирает блин твою душу по меньшей мере в течение часа каждый гребаный день без остановки, и это длится и длится и длится, пока твои глазные яблоки, мать их, не вытекут из черепа и их надо будет вытирать этими гребаными красными опилками, но даже после ты вынужден будешь это слушать, так что придется заткнуть уши карандашами, но я уверен, что и тогда вы найдете способ, да ведь, брат Муни? Вы, обязыяна.

ДВЕНАДЦАТЬ

А вот еще одна кассета с коллекцией песен, отобранных для меня Гретхен. Она посвящена прошлому лету и названа «Лучшие дни», когда все, казалось, было прекрасно, и слушать ее — как возвращаться в прошлое, хоть это и было всего год назад, когда Гретхен только купила «эскорт», а я встречался с этой девчонкой Колин, встречался не в смысле ходил на свидания, а в смысле встречал ее за стойкой кафе «Чайниз Вок» в торговом центре и выяснил, как ее зовут, и она знала, кто я, и, ну, как я сказал, казалось, на этой кассете были тайные послания о том времени, когда все было хорошо.

Полицейские и воры / The Clash

Эту мы пели в один из вечеров тем летом на стоянке боулинг-клуба «Арена-Лейнз», после того как сперли по паре мокасин для боулинга.

Паника / The Smiths

О, эта точно была о нашей жизни тем летом, потому что это было, когда Гретхен только купила свой «эскорт», и хотя он и был подержанный, магнитола все еще работала, но по радио ничего хорошего не крутили, все время какое-то дерьмо, и в этой песне была такая строчка, где вокалист поет: «Повесь диджея, музыка, которая звучит, не говорит мне ничего о моей жизни», и когда я впервые это услышал, я подумал: *Вот уж точно.*

Ненавистный / The Clash

Еще одна песенка — эта, правда, напоминала мне о том случае, когда Гретхен решила, что будет прикольно быстро ехать за учебной машиной, — знаете, такие ребята, разъезжающие с огромным знаком на крыше, — и в общем Гретхен типа села одному такому на хвост и вертела руль, и безостановочно дудела на светофорах, пока наконец инструктор не вышел из машины, и это оказалась такая безумная женщина с химической завивкой, которая завопила как хренова сирена, и Гретхен попыталась сдать назад, и въехала в припаркованную машину, и ей пришлось заплатить двести баксов за разбитую фару. И какая песня звучала, когда она сдавала назад? Ненавистный!

Шар и цепь / Social D.

Social D. была одна из тех групп Гретхен, которые мне действительно нравились, поскольку играли незамороженный рок-н-ролл. Когда вокалист пел «Я даже завел себе маленькую жену», я всегда думал о Колин, девчонке, которую я встречал за стойкой в кафе в торговом центре, поскольку, как мне представлялось, она тем летом была моей девушкой, и ростом она была где то метр сорок, совсем крошечная.

Ratt Fink / The Misfits

Ладно, я понятия не имел, о чем эта песня, но она напоминала мне о случае, когда Гретхен арестовали за воровство в универмаге, и когда ее заставили вытащить все из карманов, там оказалось штук десять упаковок мармеладных мишек, и она рассказывала потом, что когда они попытались выяснить, как ее зовут, она только повторяла «R-A-T-T-F-I-N-K», и что какая-то старушка заметила, как она рассовывает мармелад по карманам, и та же старушка стояла там, у кабинета охраны, наблюдая за тем, как Гретхен допрашивали или что там полагается. Это тоже была хорошая песня.

Я перевернул кассету и прочитал список песен, и внезапно мне стало грустно.

Я знаю, все кончено / The Smiths

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, дай мне, что я хочу / The Smiths

Небо знает, как я теперь несчастен / The Smiths

Прямо в ад / The Clash

Во сне / The Smiths

Во-первых, почти все они были песнями The Smiths, а во-вторых, это были медленные песни о смерти. Может быть, Гретхен пыталась сказать мне что-то типа: «*Моя мама умерла, и мне все еще грустно*», или что-нибудь в этом роде, потому что вторая сторона называлась просто *Кэрол* — так звали ее маму — просто *Кэрол*. Я не знал, что сказать, поэтому я просто позвонил и сказал: «Спасибо», и она сказала: «Да не проблема», и не знаю почему, но все закончилось тем, что всю ночь я слушал вторую сторону, думая о том, как Гретхен лежит в своей комнате. И мне стало как-то легче, может, оттого что она записала эту кассету, как бы говоря, что ей тоже очень плохо. И мне стало намного-намного легче.

ТРИНАДЦАТЬ

Кроме того, я обычно вслух, реально громко, пел в церкви и чувствовал себя при этом просто отлично. Честно. Каждое воскресенье, чтобы сбежать из дома, я шел на мессу, даже если один. Я ходил в церковь Королевы Мучеников на 103-й улице, где когда-то учился в младшей школе, она была такая славная, внутри вся кукольно-голубая, с сияющими витражными окнами, со скамьями из светлого дерева и со всем этим блестящим алтарным золотом и славными деревянными распятиями, развешанными повсюду на стенах. Все в нашем районе ходили в церковь, даже если были людишками так себе. Мама ходила одна рано утром. Я же обычно ходил к одиннадцатичасовой мессе и садился где-нибудь сзади, со стариками, чьи белые волосы были, как клочья сахарной ваты, а неряшливая одежда пахла нафталином и теми шмотками, которые Гретхен покупала на благотворительных распродажах, — со стариками, которые, как и я, были там в одиночестве. Наверное, если ходишь в церковь довольно часто, ты просто идешь туда и говоришь что-то, и становишься на колени, и молишься, даже не думая, потому что именно так я и делал. В смысле, я всю жизнь ходил в католическую школу и никогда даже не задумывался над тем, чему меня учили, я просто вроде как делал, что должен был. Хуже того, я даже вроде как женщин в церкви рассматривал — знаете, высокие школьницы, сексапильные мамочки, и все такое. Какие только фантазии не посещали меня — ничего сатанинского, поймите меня пра-

вильно, но довольно-таки подробные. Чаще всего я представлял, как будут выглядеть сексуальные девчонки, идя по проходу в свадебном платье, с убранными наверх волосами, с кроткими лицами под белыми вуалями, с нервными улыбками. Не знаю, почему я об этом фантазировал. Иногда я задумывался о том, что происходило между мамой и папой, и порой мне становилось так грустно от этого, что приходилось, извинившись, идти в туалет, чтобы только черт возьми не заплакать.

Но, как я сказал, больше всего мне нравилось петь. Seriously, я шел туда и горланил псалмы, как полный урод, знаете, потому что я там был совершенно один и не беспокоился о том, что выгляжу, как придурок, и так славно было петь со всеми вместе — ну знаете, чувство общности — и, ну, все старики вокруг меня за это любили, и они кивали и улыбались, и я выкрикивал: «Господи помилуй» или «Аллилуйя», думая о том, что когда-нибудь одна из этих старушек будет давать интервью обо мне для какого-то документального фильма о рок-н-ролле, и в этом фильме она кивнет и, протерев очки, скажет: «Голос у этого мальчика был, как у святого. Как у святого», и ей придется отвернуться от камеры, чтобы не разрыдаться от умиления при мысли обо мне.

Однако поймите меня: однажды Гретхен и я сидели в машине, и она улыбалась, глядя, как я подпеваю песне *The Descendents Hope*, беззвучно, одними губами, и сказала: «А папа видел, как ты поешь в церкви», и я ответил: «Да ты что, я только рот открываю», и она возразила: «Да нет, он сказал, что ты реально пел», так что с тех самых пор я перестал петь в церкви и вернулся к своим мыслям о маме и папе.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Самым лучшим были ужины у Гретхен. Когда я был «приглашенным» гостем, а не просто отирал стены на кухне, здорово было сидеть с ними за столом и есть, как член семьи. С тех пор, как ее мама умерла несколько лет назад, в доме стало очень грустно, но все равно, наверное, лучше, чем у меня. Я старался быть предельно вежливым, потому что папа Гретхен всегда выглядел очень, очень измученным и очень несчастным, как будто готов был заплакать в любую минуту. Он вообще был грустным дядькой, с глазами, как сырые яйца, с узким лицом и темными чистыми волосами, но он всегда был очень добр ко мне. Гретхен обычно молчала. Она просто сидела, уставившись в тарелку и, ну знаете, передвигала в ней еду с места на место. Ее старшая сестра Джессика, чертова секс-бомба, совершенно меня игнорировала. Я пытался поддерживать беседу, рассказывая всем о том, как прошел день, но поскольку они не были моей семьей, они не очень-то интересовались. В нашей семье мы даже никогда толком не ужинали вместе. Как я говорил, папа особо не появлялся в последнее время, мама все время работала, мой старший брат Тим постоянно где-то качался, а моя младшая сестра Элис обычно разглядывала себя в зеркало. Так что, наверное, я заходил к Гретхен по первому свистку, чтобы почувствовать ту общность, которой, казалось, мне так отчаянно не хватает. Было приятно притворяться, что у тебя есть что-то вроде нормальной семьи.

Сегодняшняя еда у Гретхен выглядела странновато. В смысле плохо выглядела. Как мясо. Но, может, и не мясо. Что-то коричнево-черное на белой тарелке с чем-то зеленым по краям. По мне, вообще кухня целиком была старовата и обшарпана, как будто из семидесятых. Тусклый желтый верхний свет делал все серым, грустным, мрачным, даже хуже. Что бы ни лежало на тарелке, оно выглядело пресно и неаппетитно, как выцветшие синие обои в клеточку и коричневый кафель.

— Это искусственный стейк, — сказал мистер Д. — Мы сейчас пытаемся его продвигать. Он называется «Имитейсти». Попробуй.

Мистер Д. работал в рекламе или маркетинге, или что-то в этом роде — белый ворот-

ничок, как говорил папа, — и ежедневно он ездил в центр и обратно, чтобы каждый вечер ужинать со своими девочками.

— Я не голодна, — вздохнула Гретхен, скрестив руки на груди.

— Что думаешь, Брайан?

— Я думаю, это сенсация, мистер Д. Вообще-то я думаю, что вы сами сенсация.

Он кивнул и подмигнул мне.

— Ну, тогда что там по поводу отстранения от занятий, девушка? — спросил он. — Ты сделала какие-то выводы?

— Да ерунда, — сказала Гретхен. Она низко опустила голову и воткнула вилку в таинственный черный холмик, а затем медленно ее вытащила.

— Ерунда? Они сказали, еще раз — и им придется тебя выгнать, — пробормотал мистер Д., нервно моргая за стеклами очков. На нем все еще был голубой фартук в цветочек с надписью «Поцелуй повара». Он был маленького роста и выглядел неврастеником, его веки подергивались. Недавно он решил сбрить усы, которые носил четырнадцать лет. Лицо его без них выглядело голым, даже если вы никогда не видели его в усах. Вот уже два года он был вдовцом и сбрил усы, чтобы выглядеть моложе, привлекательнее, поскольку его жена, мама Гретхен, умерла от рака легких. У Гретхен была лучшая на свете мама. В смысле, она была такая милая, и с ней всегда было весело, она курила и играла с нами в видеоигры; не знаю, я рос, мечтая, чтобы моя мама была такой. Кухня пахла мамой Гретхен. Старые желтые обои таили в себе напоминание о ее «Вирджиния слимс» с ментолом, и я надеялся, что их никогда не переклеят.

— Я же сказала, это больше не повторится, пап, обещаю, — сказала Гретхен, взяла его за руку и в подтверждение пожала ее.

— Это она говорила в прошлый раз и в позапрошлый, — вступила Джессика. Джессика была известная шлюха, но супер, межгалактически сексуальна. Про нее говорили, что она заигрывает с парнями своих подруг, понимаете, о чем я. Я видел пару раз, как она это делает на вечеринках, которые она устраивала, когда мистер Д. уезжал по делам из города. На одной из таких вечеринок я подслушал, как она говорила другой девчонке: «Блин, он такой урод, даже не знает, как трахаться».

То есть, как я понял, Джессика точно знала, как трахаться, и с тех пор меня посещали очень подробные фантазии о том, как она, ну понимаете, обучает меня. К тому же она целовалась со всеми без разбору, и ей было все равно с кем спать, что меня и пленило. Ходили слухи, что она наградила гонореей Марка Эстевеса, который от этого чуть не умер. На самом деле получилось так, что Марк Эстевес встречался с Кэти Кэмден, и Джессика решила, что ей нравится Марк, и пообжималась с ним на какой-то вечеринке, а через несколько недель Марк подхватил моноклеоз от девчонки по имени Триша и потерял чуть ли не десять килограммов, и даже лежал в больнице, так что все обвинили Джессику и стали называть ее проституткой и пробылдью. Но это не имело никакого значения, потому что, как я сказал, Джессика была секси. Она была на год старше, маленького роста, как Гретхен, но худенькая. Она была секси, потому что была миниатюрная, с огромными зелеными глазами, горящими, как у кошки, и острым подбородком, как у сексуальной принцессы эльфов. Парни считали ее очень сексуальной. Мужчины считали ее очень сексуальной. Я считал ее безумно сексуальной. Я много мастурбировал, думая о ней. Она была одной из тех немногих девчонок в округе, которые просто давали, ну или так она говорила, а не заставляли тебя умолять об этом, а потом вели себя, как будто вы на них женились, или плакали. Ну или так говорили. Или так она говорила Гретхен. Еще она говорила, что любит секс и не стыдится этого. В другой раз она сказала Гретхен, что стала бы проституткой, если бы могла. Ходили слухи, что она каждый день на всякий случай бреет но-

ги. А еще у нее была тайна — или то, что она считала тайной, — она продавала травку своему боссу. С ним она тоже переспала. Дважды. Его звали Кэффи, он был женат и имел троих детей, красивых белокурых мальчиков, которые, как сказала Джессика, однажды станут ее добычей. Все это она рассказывала Гретхен. До недавнего времени Джесс была членом французского общества и футбольной команды поддержки, и потом внезапно бросила все, во что вписалась, и стала покупать траву у наших приятелей и продавать ее всем взрослым, которых знала. Худшим из всего этого было то, что она не хотела иметь со мной дела, как бы я ни старался, даже когда я был сантиметрах в тридцати за тем же столом. Я делал все, чтобы она заметила меня, и в конце концов сдался и решил, что, может, просто буду обожать ее издалека.

— Еще имитейсти, Брайан? — спросил мистер Д.

— Нет, все круто, мистер Д.

— Я только хочу сказать, что мама никогда бы не смирилась с ужасным поведением Гретхен, — объявила Джессика, кивая. — Она совершенно безнадежна.

— Отвали, — прошипела Гретхен.

— Речь, — отчеканил мистер Д, — Следи за своей речью.

— Я все, — сказала Гретхен, медленно вставая. Я не шелохнулся.

— А как насчет ужина, — спросил мистер Д.

— Я съем что-нибудь потом.

— Уж в этом я не сомневаюсь, — сказала Джессика.

— Отвали, пизда! — прокричала Гретхен.

— Речь, — прошептал мистер Д.

— Сама отвали, — ответила Джессика. — Комментарий твой не имеет смысла, прошмандовка.

— Речь! Давайте уважать друг друга. Гретхен, я хочу, чтобы ты знала, я серьезно. Чтобы больше никаких неприятностей в школе, ты поняла меня?

— Да, — сказала Гретхен. — Пошли, Брайан.

Пока мистер Д. наклонял голову, соскребал с тарелки свой фальшивый гамбургер, Гретхен показала Джессике средний палец, а та лишь улыбнулась в ответ. Они смотрели друг на друга и смеялись, и я почувствовал укол грусти, подумав о своем старшем брате. Мы не говорили с ним уже недели три, так во всяком случае казалось.

Потом я поднялся вслед за Гретхен в ее комнату и улегся там на кровати, а она приступила к домашнему заданию по химии, сидя на полу скрестив ноги. Я обожал запах ее комнаты, похожий на ваниль, пусть даже там был самый настоящий бардак: повсюду разбросана одежда, туфли, сапоги, тетрадные листы с названиями песен для новых коллекций, недоделанные домашние задания, ботинки без шнурков, кассеты с альбомами, сломанные кассеты, пузырек с блестящим лаком для ногтей, брошенный вытекать возле кровати. Друг напротив друга висели постер Ramones и постер Misfits, и еще был постер с двумя прелестными котятами, глаза которых рукой Гретхен были перечеркнуты крестами, а ножи и пули окружали их кольцом пламени и страха. На другой стене висели всевозможные фотки — команды по математике, вечеринок старшей сестры, ее с Ким, ее с мамой, стройной и красивой, и, как я говорил, самой славной на свете женщиной — и все фотки были прикреплены скотчем или прямо приклеены на стену. Еще там была какая угодно дребедень из ужастиков, типа масок и фальшивых ножей мясника, и видеокассеты со всеми на свете фильмами ужасов, включая раритетного «Дракулу» 72-го года, которого она заказа-

ла из-под прилавка в Фангории. Лучшим в ее комнате была кровать, огромная, белая, мягкая, пахнущая чем-то вроде детской пудры и типа самой Гретхен. Будь у меня такой шанс, я бы наверняка переспал с ее подушкой, буквально.

Я подумал, а не спросить ли ее прямо сейчас, ну типа просто выпалить «ладно, так ты хочешь пойти со мной на танцы или нет?» — но не мог, потому как кишка все еще была тонка. Я повернулся на бок и уставился на нее — ее милое круглое лицо, маленькие уши, крошечные надутые губы, бормотавшие слова, пока она читала про себя, — и чем дольше и дольше я смотрел, тем больше и больше я понимал, как сильно, сильно она нравилась мне, не так, как другие девчонки, знаете, вроде Ким или Джессики, я ведь знал, что они нравились мне только потому, что были секси, ну, и я мог просто смотреть на них и воображать, как я их деру. Гретхен мне нравилась типа как личность, и меня убивало, что я ничего не могу сказать, и в этот момент она взглянула на меня и сказала: «Что, что еще?», забеспокоившись вдруг, как она выглядит, разглаживая на себе белую школьную блузку и убирая с лица выбившиеся светлые пряди. «Что?» — снова спросила она. «Что такое?»

— Ничего. Отлично выглядишь.

В секунду лицо ее сделалось ярко-красным, и она засмузилась и показала мне средний палец. «Ладно, хватит пялиться на меня, ты, урод».

— Я не пялился. Я просто, знаешь, смотрел на тебя.

— Так, а не пора ли тебе домой? У тебя домашнего задания нет? — сказала она, выпрямляясь и вытягивая ноги. Тайком я стал разглядывать ее мягкое, пышное бедро, поднимая взгляд выше, туда, где начиналась плиссированная юбка, ища, ища это темное, темное место... но она скрестила ноги и снова заговорила.

— Ну, так ты идешь?

— Я думал, может, я просто скажу всем учителям, что мои родители разводятся и я слишком... эээ... *скорблю* или как там.

— Скорбишь? Это когда кто-нибудь умирает, придурок.

— Ну что угодно. Расстроен или что там еще.

— А ты расстроен? — спросила она.

— Не думаю. Наверное, я мог бы даже порадоваться этому.

— Почему?

— Потому что оба они блин несчастные люди и, может быть, будет лучше, если он уйдет.

— Может быть, — сказала она, глядя в тетрадь. — Круто, что ты не злишься на него.

— Да уж.

— Ты злишься?

— Не знаю, может быть, буду, потом.

Я сполз с кровати и сел рядом. Я слышал ее дыхание и свое дыхание и весь был какой-то ватный и я попытался сглотнуть, но во рту было сухо и у меня типа вставал и я повернулся и уставился на ее пышную грудь и я видел ее лифчик в цветочек сквозь застегнутую на пуговицы блузку и не знал, следует ли мне попытаться взять ее за руку не спрашивая, и в этот момент ввалилась Джессика, на хрен разрушив блин мой гребаный единственный шанс.

— Что тут происходит, развратники? — спросила она, и, едва войдя, закурила. — Легкий петтинг? Уси-пуси-чмок-чмок?

— Отвали, — сказала Гретхен, вставая и выдергивая у сестры из рук пачку сигарет. Она вытащила одну и глубоко затянулась

— Слушайте, — прошептала Джессика, закрывая дверь. — Окажите-ка мне услугу, маленькие развратники.

— Что? Что еще? — раздраженно спросила Гретхен. — Мы заняты.

— Может кто-нибудь из вас мне коробок вымутить?

— Коробок чего?

— Чего? Травы, дурак, — сказала Джессика смеясь и покачивая головой.

— А, ну да, конечно, травы, — сказал я. — Хорошо, не проблема.

— Не проблема? — хрюкнула Гретхен. — И где же ты собираешься достать коробок, мистер задница?

— Не беспокойся, — сказал я. — Я достану.

— Да он блин даже не знает что такое коробок, — сказала Гретхен.

— Правда? — спросила Джессика, нависая надо мной. — Ты что, издеваешься надо мной?

— Я в курсе дела, — сказал я и притворился, что очень увлечен чтением журнала.

— Спасибо. В смысле спасибо нет, лузеры, — сказала Джессика, закрывая дверь и трясая головой. Я повернулся к Гретхен, и она странно посмотрела на меня, как будто я был идиотом, и это не было смешно, и мне это не понравилось, так что я схватил пальто и сказал: «Увидимся, лузеры», хотя она была одна, и я подумал, что лишился на хрен своего шанса.

Потом я ехал в автобусе и как-то очень странно испугался, потому что автобус был совсем пустой, и я стал беспокоиться, будет ли кто-нибудь дома, когда я приду, и мама уже спала, а старший брат ушел, я думал, может, пойти поговорить с сестренкой, но она бы подумала, что я под кайфом или еще чего, так что вместо этого я спустился в подвал и увидел там спящего на диване папу, и ни о чем ни с кем так и не поговорил. Я сел на кровать и подумал, какого черта я делаю, и что я должен делать, и затем в голову мне пришла грандиозная идея:

Я запишу для Гретхен кассету с коллекцией песен. И она втрескается в меня. И вот тогда она в меня втрескается.

ПЯТНАДЦАТЬ

Единственным моим другом помимо Гретхен и Ким был парень по имени Род, черный и даже вполне возможно гей, не скажу точно. Зато я точно знал, что у него была самая большая коллекция пластинок из всех и что он свихнулся на музыке. Я познакомился с ним на занятиях по химии в начале года, потому что он сел рядом, и сразу можно было сказать, что он не такой, как остальные черные ребята в школе. Он нервничал, скрещивал руки на груди, и глаза его бегали по комнате. Всегда выглядел как испуганный кролик. Одевался во все белое: белые брюки и белая рубашка на пуговицах, и все время эта белая кофта. И вел себя как белый, черные таких называют «Орео» — знаете, типа черный снаружи, но белый внутри — потому что он ходил на занятия и тусовался со всеми этими белыми заучками, увлекавшимися всякими ролевыми играми типа Dungeons and Dragons, а еще оставался после школы позаниматься в кружке юных ученых. Он был мне типа приятеля, с которым я подвисал после занятий, когда других чуваков не было поблизости. В нем что-

то было — наверное, то, что он был еще большим придурком, чем я.

Когда я встретил его впервые, он сел рядом и сказал: «Я люблю гулять один по кладбищу ночью».

— Чего? — спросил я.

— Я привидение. *Ты один меня видишь*, — прошептал он, страшный, как привидение.

— Круто, — сказал я.

— Ты думаешь, это бред? Что я гуляю ночью по кладбищу? Что я считаю себя *призраком*? — снова прошептал он призрачным голосом.

— Нет, — сказал я. — Мне кажется, я не прочь с тобой потусоваться.

На следующий день после школы мы пошли к нему домой, и стало понятно, почему он, будучи черным, превратился в белого. У его мамы были длинные, черные, распрямленные волосы, а папа носил очень чистый деловой костюм и галстук, и все они говорили на этом идеальном белом английском, и их вид превращал моего отца в настоящего плебея с вечно грязными руками, который за обеденным столом то и дело употреблял слова типа «урод». В общем, эти люди ужинали ровно в шесть и без всяких ругательств — или микки-маусничанья, как говорил мой папа. У Рода была идеальная семья, и когда он меня им представил, видно было, как у его мамы засветились глаза. Вот значит, ее мальчик подружился с белым. Ничто не сделало бы ее счастливее.

В основном мы с Родом занимались тем, что слушали записи. Иногда мы ходили в торговый центр или галерею видеоигр, но чаще всего просто бродили по музыкальным магазинам в поисках какого-нибудь старого винила. По субботам мы ходили на блошинный рынок, и он искал какой-нибудь неизвестный соул-альбом Кертиса Мэйфилда или ABCO «Роллинг Стоунс», а я — китайские звезды и ножи-бабочки. Род свихнулся на всевозможной музыке: поп, R&B, рок, даже джаз — что для старшекласника было уж совсем ни в какие ворота. В смысле, я догадывался, что все это имело какое-то отношение к его папе, у которого была гигантская коллекция. Ее было видно сразу, как толькоходишь в гостиную — гостиную, как из телесериала, с белыми занавесками и желтой мебелью, и все это в идеальной чистоте, диванные подушки в полиэтилене и ажурные подставки абсолютно подо всем — и там, на деревянных полках по всей комнате, как в библиотеке, стояли сотни и сотни пластинок — блюз, регтайм, современный джаз, бебоп, соул, — и его папа как правило сидел в своем мягком красном кресле в кофте и черных тапочках, куря трубку и кивая головой, слушая Дона Черри. И Род обычно входил и говорил, что нашел какой-нибудь двойной альбом Марвина Гея, и они с папой хлопали друг друга по рукам, а затем нежно, как родители новорожденного, вынимали пластинку из конверта и водружали ее на проигрыватель. Род садился на диван, а я просто стоял, раздумывая: *И кто же все-таки такие эти люди?* и затем начиналась музыка — песня типа *Underdog* или *Living for the City* — музыка, которую я прежде никогда не слышал, и вот после нескольких нот эти песни, такие простые, чистые и радостные, растапливали мое сердце. И я, тупой белый парень, безразличный ко всему, я пел их, одну за другой, возвращаясь домой в автобусе.

Однажды мы вошли в дом, и папа Рода, который настаивал, чтобы я звал его Берт, сидя в своем красном кресле в черных тапочках, вдруг сказал: «Мальчики, мальчики, послушайте», и игла сразу же коснулась маленьких виниловых ребрышек пластинки, и заиграла песня *Time after Time* Чета Бейкера, странный знакомый голос, показавшийся мне женским, и я спросил: «Вот это да, что это за женщина?», и папа Рода покачал головой и засмеялся, и сказал: «Это Чет Бейкер, сынок, трубач», и я сказал: «Звучит жутковато», и папа Рода сказал Роду: «Это была первая песня, под которую мы с твоей мамой занимались любовью», и я подумал, странно как-то, что он это говорит, но промолчал. Я просто слушал, и

чем дальше я слышал этот призрачный, тихий, ночной голос, тем больше я думал о Гретхен, о том, как целовал бы ее под такую вот песню, и потом она закончилась, а мы все стояли вокруг и молчали, и папа Рода сказал: «Вот так должен чувствовать себя человек после хорошей песни. Обновленным», и я сказал: «Понимаю, Берт, что вы имеете в виду», и мы пошли в комнату Рода, все еще как будто слушаая.

Единственной пластинкой, которую я мог слушать подряд раз за разом, была *Appetite for Destruction*, Guns n' Roses. Если что-то было не так, эта пластинка могла все исправить. Я всегда мог положиться на нее. Что бы ни случилось, она поднимала мой дух. Аппетит к разрушению. Guns n' Roses. Это была она. Это была моя пластинка. *It's So Easy*, *Nightrain*, *Out ta Get Me*, затем классика типа *Paradise City*, *Welcome to the Jungle* и, вероятно, величайшая песня всех времен *Sweet Child o'Mine*. О чем была эта песня? Я обожал ее с такой силой, что иногда мне хотелось пробить дыру в стене. Если мы с Гретхен ехали в машине и если магнитола не была сломана — что случалось раз в десять миллионов лет, — и если вдруг начиналась эта песня, я заставлял Гретхен останавливаться, чтобы послушать ее, не отвлекаясь на шум мотора или проезжающие мимо машины. Она всегда останавливалась, думаю, она понимала меня. Там есть такое место, где песня типа замедляется — «Куда мы теперь идем? Куда мы теперь идем? Куда мы теперь идем?» — и я даже не знал, о чем Аксель там говорит, но если я был в машине с Гретхен, или еще лучше — один дома, внизу, в своей комнате, я замирал и делал погромче или просто стоял и исполнял в воздухе гитарные партии. В машине я пытался заставить Гретхен подпевать, но поскольку это не был панк, она не поддавалась, однажды правда она пропела «Куда мы теперь идем? Куда мы теперь идем?», но заставить ее сделать что-нибудь еще было практически невозможно, когда дело касалось Guns n' Roses.

Когда я принес пластинку к Роду, чтобы он послушал, он только выкатил глаза и затряс головой. Впервые я поставил для него свою пластинку, а он, скрестив руки на груди, поднял брови и засмеялся.

— Фигня, — вот и все, что он сказал.

— Что? Но как это может не нравиться? — спросил я.

— Но это такая фигня, — сказал он.

— Фигня? Это Стиви Уандер фигня.

— Серьезно. Да я в любой момент поменяю это на Стиви, — пробормотал он, вставая, чтобы выключить проигрыватель.

— Чувак, ты должен прослушать целиком. Там в конце. Все становится спокойным и милым и все такое.

Он встал и подошел к огромному проигрывателю из красного дерева и поднес руку к игле, и я подумал: *Если он только тронет эту иглу, я надеру ему задницу и может быть, белые и черные не могут быть друзьями и если он выключит эту гребаную пластинку, я больше не буду с ним разговаривать*, и тогда Слэш начал свое соло, и песня стала расти, и Род подождал немного, закрыв глаза, и вслушался, и сел обратно на кровать. Мы вместе дослушали песню, и когда она закончилась, он кивнул и сказал: «Песня что надо. Я был неправ. Настоящий кайф».

— А я что говорил.

Он вручил мне обратно пластинку, аккуратно вставив ее в конверт.

— Слушай, мне нужно составить коллекцию песен для одной девчонки. Поможешь мне выбрать какие-нибудь клевые песни, которые она никогда не слышала?

— А почему ты хочешь собрать песни, которые она не слышала?

— Потому что она так делает для меня. Ставит песни, которые я никогда не слышал, понимаешь.

Род нахмурился, скрестив руки на груди.

— Да не будь ты уродом, — сказал он. — Это же все равно как писать чужое любовное письмо.

— Вовсе нет.

— Я тебе не помощник. Если тебе нравится эта девчонка, ты должен сам выбрать песни, которые ты хочешь дать ей послушать.

— Но я же выберу гребаные рок-песни. А мне нужны сексуальные песни типа той херни, что твой отец слушает. Вроде Чета Бейкера и всякого такого.

— Даже не думай. Я в этом не участвую.

— Ты меня раком ставишь, Род. Ты отнимаешь у меня последний шанс на любовь.

— Да нет, это сам его у себя отнимаешь, — сказал он, и я понял, что с этого момента я остаюсь один.

ШЕСТНАДЦАТЬ

Именно в этот странный период моей жизни у меня начались постоянные свирепые эрекции без особой причины — иногда прямо на уроке или в школьном коридоре, — и они были столь болезненными, что мне приходилось сразу бежать в уборную и мастурбировать, иначе у меня дико болел живот. Я не шучу. Включить меня могло что угодно. Я мастурбировал без причины, думая о ком угодно, о любой виденной мной когда-либо девчонке. Однажды после уроков я смотрел «Звездный путь», и как только на экране появилась какая-то инопланетянка с голубой кожей и в облегающих брючках, мне пришлось пойти спустить. Это начинало надоедать. Если урок вела учительница — любая, тощая, жирная, красивая, страшная, — у меня вставал, даже когда она просто ко мне обращалась. Если бы она сказала: «Ну и что ты думаешь, Брайан?», я бы наверняка ответил: «Я думаю, у меня стоит, так что мне придется выйти и поработать над этим». Хуже всего было на математике, где я сидел прямо рядом со столом миссис Дэниэлз. Однажды на уроке она разлила свои духи — «Белая фантазия», — и мне пришлось выбежать из класса прямо во время теста, который я в результате провалил, потому что кончил практически в штаны.

Единственное, от чего я тогда кончал романтически, это от кабельного телевидения, в смысле, специального канала после полуночи по пятницам, где показывали все это софт-порно, типа «Эммануэль 6» и «Эммануэль 8», или «Любовник леди Чаттерлей», всю эту скучную дребедень. Купить какой-нибудь порно-журнал мне не хватало смелости, так что в моем распоряжении были только кабельное телевидение и мамины модные журналы, типа «Космо», на которых, если я был недостаточно аккуратен, оставался подозрительный сгиб.

И еще был этот парень из «Эвергрин-видео» в нескольких кварталах от моего дома, который позволял мне брать в прокат ужастики с пометкой «от восемнадцати». Он был толстый, с сальным белым лбом и большими коричневыми очками, и кажется, он всегда ел, когда я входил. «Как эта "Резня на вечеринке"?» — спрашивал я, держа в руках коробку от кассеты, всю в кровавых пятнах и фотографиях прекрасных студенток в розовом белье, зашедшихся в крике.

— Эта так себе, — говорил он, облизывая пальцы после какого-нибудь жареного цып-

ленка. — Вот та, что рядом, «Королева мертвых», вот там есть немного фронтальной обнаженки. Девчоночка в сцене в душе — пальчики оближешь. У меня чуть замедленная перемотка на ней не сгорела.

— А вот это? — спросил я, указывая на копию «Проклятия доктора Фэнга».

— Это почти настоящее порно.

— Правда? — сказал я и понес кассету к кассе.

В этом фильме, как полагаю, испанском, с английскими субтитрами, доктор Фэнг — ученый в очках с толстыми стеклами, азиатской бородкой и в белом лабораторном халате, и он изобретает такой луч, который заставляет девушек заниматься с ним сексом. Я чуть не взорвался в первые же десять минут, серьезно.

В общем, в школе примерно в это время я стал подписывать все свои контрольные работы «Доктор Фэнг», и, поскольку я еще ни разу в жизни не трахался, я думал, может, это придаст мне какую-то индивидуальность. Знаете, я думал, вот чего мне не хватает — яркой индивидуальности. Я попросил Гретхен и Ким называть меня доктором Фэнгом, и они только рассмеялись. И все же, по-моему, я стал представлять себя эдаким злодеем, который может заставить женщин влюбиться в себя, но мгновенно, как тот парень из подросткового фильма «Чарльз в ответе», где он типа моргнет и — *опа!* лифчики расстегнуты. Я представлял, что знаю некое слово, тайную фразу, вроде «Сезам!» или «Активировать!», и я типа прошепчу ее, и женщины, вроде тех, на которых я влюбленно смотрел в секции плакатов в отделе подарков в торговом центре, все загорелые, все в желтых открытых купальниках, вдруг перестанут принимать свои пенные ванны или мыть свои вишневые «ламборджини» или что там они еще делают, и превратятся в моих беспомощных сексуальных рабынь, исполняя самые безумные мои желания, которые представляли бы собой все виды петтинга, поскольку это все, чем мне довелось заниматься. Гретхен, казалось, и понятия не имела, что интересовала меня, и вообще говорить могла только о Тони Дегане. Я не представлял, как составить для нее коллекцию песен, которая, типа, очаровала бы ее, так что я решил отложить приглашение на выпускной вечер и стал ждать, не очарует ли моя персона сердца еще пары-тройки ни о чем не подозревающих дам.

На занятиях школьного оркестра, которые, как я говорил, оказывались для меня всего лишь еще одним поводом для смущения, были только эти нескладные девчонки из Макколи. Еще там были совершенно заторможенные музыканты. Но среди всех этих ужасающих бифокально-очковых типов нашлась одна девушка, совершенно прекрасная: Сьюзи Ли Силер. Притворяясь, что играю на ксилофоне, я сидел позади Сьюзи Ли Силер — кларнет, брюнетка, высокая, очень высокая, и в свои семнадцать уже прекрасно осведомленная в вопросах секса, что можно было вывести из того, что домой она не ходила пешком, а ездила на пассажирском сиденье какого-нибудь проржавевшего «камаро» или «файерберда», положив ноги на приборную панель — *на приборную панель!* — что для меня означало, что она и длинноволосый владелец автомобиля уже занимались этим, потому что, — *да ладно, посмотри, ее ноги на приборной панели,* — и на занятиях, сидя за ней, я смотрел, как переkreщиваются тонкие ляпочки ее бюстгалтера, просвечивающие сквозь форменную белую блузку, и нашептывал: «Доктор Фэнг, Доктор Фэнг, ты под чарами доктора Фэнга», зная, что как только Сьюзи Ли обернется и моргнет — всего лишь разочек, — она навеки окажется во власти злых, развратных чар ужасного доктора из почти порнофильма.

У меня не было знакомых девчонок, кроме Ким и Гретхен, и как я говорил, у меня никогда не было настоящей подружки, поэтому, чтобы занять то время, когда я не смотрел ужастики, не подвисал с Родом и не дробил на фотки Сьюзи Ли из школьного альбома, который спер у младшей сестры Элис, *а Сьюзи Ли состояла во французском клубе и волейбольной команде, и там был один снимок, где она подпрыгивает, чтобы ударить по мячу, и*

ее голые длинные ноги, как лезвия волшебных ножниц, разрезают воздух и мое сердце, о, мое сердце, чик, чик, — в общем, чтобы занять время, я спросил у мамы, можно ли мне начать снова подстригать соседские газоны, как прежде, и она сказала, что можно, лишь бы это не мешало учебе; так я и сделал, я стал стричь газоны, качая головой в наушниках под Mötley Crüe или Guns n' Roses, или Slayer.

В конце квартала, за поворотом, жила девчонка на год младше меня по имени Керри Стипл, которую все называли шлюхой, потому что родители посадили ее на противозачаточные таблетки в восьмом классе, и все знали, что она на таблетках, потому что однажды на уроке домоводства упаковка выпала у нее из сумочки — так рассказывала Ким, — и из-за того, что она уронила таблетки, многие стали думать о ней плохо, потому что казалось, будто Керри вроде как хвастается, а еще ходили слухи, что до того, как она стала принимать таблетки, ее уже два раза обрюхатили, что мне казалось полной ерундой, поскольку никаких детей у нее не было, но это просто чтобы дать вам понять, как много мне было известно об абортах и презервативах, и таблетках, и обо всех этих штуках, связанных с сексом. Кэрри Стипл обычно сидела на желтом пластмассовом садовом стуле прямо на лужайке перед домом и наблюдала, как я стрижу соседский газон, и на ней не было ничего, кроме ярко-желтого открытого купальника, хоть был уже типа октябрь, и она была такая юная, младше меня, и не слишком развитая — в смысле, грудь у нее была плоская, как разделочная доска, и единственное в ней, что имело хоть какую-то форму, был ее огромный покатый лоб. Плечи ее всегда были усыпаны ярко-красными веснушками. Волосы каштановые, грязные, длинные и какие-то свалывшиеся. Она все время сидела на своем желтом стуле, в фиолетовых очках от солнца, слушая какую-нибудь Полу Абдул или Мадонну, или кого там еще, постукивая в такт ногой, и если честно, вот это ее сидение пугало меня до чертиков. Однажды, когда я смотрел на нее, она не положила ногу на ногу, как обычно, и я увидел мягкие складки ее половых губ, плотно облегаемые желтой тканью, и едва заметную линию черных волосиков, и почувствовал одновременно тошноту и возбуждение. В тот раз, я помню, газонокосилка наехала на камень или что-то в этом роде и внезапно дернулась вперед, и в ушах моих орала «Металлика», и я поднял глаза, и Керри Стипл сидела на стуле в своем крошечном желтом купальнике, наклонившись вперед и упершись локтями в колени, и она глядела прямо на меня, и мне показалось, что губы ее шевелятся, и я сказал громко, вслух: «Чего?», выключая газонокосилку, и она откинула с лица свои свалывшиеся волосы и сказала: «Сними очки», и я не понял, что она говорит, и она снова сказала: «Давай, сними очки», и я сказал: «Мне работать нужно», и включил газонокосилку, и закончил с лужайкой Фостеров, ни разу не посмотрев больше в ее сторону.

Где-то дня через три до меня дошло: я как раз сдавал тест по химии и, конечно, подписался уже как *доктор Фэнг*, и вот тогда я стал прокручивать в голове это мгновение снова и снова — Керри смотрит на меня и говорит: «Сними очки», — и где бы я ни был и что бы ни делал, в школе, или дома, или лежа в постели, или за ужином, когда мама просила передать ей еще картофельного пюре, или когда меня вызывали к доске, или в душе, или на улице, я все время представлял Керри — ее плоскую грудь, ее свалывшиеся волосы, — Керри, которая произносит: «Сними очки. Сними очки». В тот момент могло случиться все что угодно. Могло случиться все что угодно, но я струсил. Я струсил, а ведь это мог быть именно он, мой главный шанс, а я проебал его. Я проебал свой главный шанс, и теперь никто никогда не займется сексом со мной — ни Керри Стипл, ни уж тем более Гретхен, — но в следующий раз я разработаю детальный план и клянусь, что бы ни случилось, я сделаю это, что бы ни случилось, я должен приблизиться к сексу, пока меня не прикончили какая-нибудь ядерная война или советская радиация.

СЕМНАДЦАТЬ

Примерный список чумовых песен для Гретхен:

1. Я тебя не забуду / I Won't Forget You (Poison)
2. У каждой розы есть шипы / Every Rose Has its Thorn (снова Poison)
3. Дом, милый дом / Home Sweet Home (Mötley Crüe)
4. Не бойся смерти / Don't Fear the Reaper (Blue Oyster Cult)
5. Хочется заняться любовью / Feel Like Making Love (Bad Company)
6. Свободная птица / Freebird (Lynrd Skynrd, лучшая песня всех времен для петтинга)
7. Каждому свой путь / Separate Ways (Journey)
8. Королева-ракета / Rocket Queen (GNR)
9. Терпение / Patience (GNR)
10. Мое милое дитя / Sweet Child o' Mine (GNR)

ВОСЕМНАДЦАТЬ

В школе без всякой на то причины мне на голову из ниоткуда свалилось хреново яйцо. Я сидел на унитазе в туалетной кабинке на втором этаже, третий урок только начался, и мне стало плохо, потому что за завтраком я залил свои хлопья молоком, чего мне делать не следовало, поскольку я не переношу лактозу, но Тим сидел за столом, поглощая свой завтрак, а рядом стоял пятилитровый кувшин с молоком, и молоко так хорошо смотрелось с его хлопьями по сравнению с простой блин водой, которую я обычно использовал, что я налил молока в свои — и не то чтобы чуть-чуть, а конкретно, — и к третьему уроку меня всего скрутило и все такое, и когда я спросил разрешения у брата Гитлера — так же известного как брат Палуч — выйти в туалет, он сказал: конечно, поскольку, должно быть, было видно, какой я весь зеленый и потный, хотя обычно он никого не выпускал в туалет, что, по-моему, полное безумие, потому что — и что блин тебе делать? В штаны срать? Если ты на работе какой-нибудь, и тебе надо опорожниться, тебя же выпустят, по правилам, мать его, распорядка.

В туалете пахло хвоей и сигаретами, и я сидел в самой дальней от входа кабинке, потому что меня такие вещи напрягали. Я не любил срать, когда кто-нибудь сидит в соседней кабинке. Обычно я замирал, выжидая, пока не останусь один. Мне не нравилось слышать, как срут другие, и не нравилось, когда другие слышат, как сру я. Почему? Ну уж не знаю. Обычный, мать его, этикет, наверное. Итак, я выбрал дальнюю от входа кабинку — в смысле, в туалете никого не было, но просто на всякий случай, вдруг кто-нибудь зайдет отлить. Я зашел в кабинку, стянул штаны, потом, вспомнив, вытер черное сиденье туалетной бумагой и уселся. Нет, я блин не присел на корточки, я сел. Почему? Да потому что у меня всю жизнь были подобные проблемы, и это блин ну очень утомительно — сидеть всю жизнь на корточках. Так что я уселся и стал ждать, потому что обычно все это с час накапливалось, прежде чем выстрелить из меня, и я стал рассматривать кабинку изнутри. Стены были из тусклого зеленого мрамора, кафельный пол — зеленовато-синий, вполне чистый. Один из кранов протекал. Было довольно тихо, поскольку все были на уроках, и я стал читать надписи на стенах.

*Все сегодня плохо, как мое правописание
Приходи сюда сосать мой член ежедневно в 1.30
Коллин Чандлер не дает.*

Я сидел, пытаюсь вывести некую фразу, начинающуюся словами: *в случае пожара, эвакуируйте свои кишки и погладьте свой*, когда тяжелая дверь распахнулась и, спотыкаясь, ввалились две пары ног. По тому, как они смеялись и пихали друг друга, можно было сказать, что это чуваки постарше; им вообще было поебать, слышит их кто-нибудь или нет. Раздался щелчок зажигалки — кто-то зажег сигарету. Кто-то пернул, затем засмеялся и кого-то пихнул. Затем кто-то опустил на пол, мне было слышно. Я услышал, как скрипят резиновые подошвы его туфель и как он дышит, и как колени его касаются пола, и затем он свистнул и сказал: «Макданна, чувак, да здесь кто-то гадит», и тут же в голове у меня промелькнул образ этого Макданна, этого кроманьонца из команды по борьбе, которого года два назад я застал стаскивающим штаны с какого-то пидора в школьной раздевалке. Этот парень, Джон Макданна, был огромный, под два метра, с квадратными плечами, квадратным подбородком и, вероятно, такими же квадратными мозгами, и лицо его пряталось под одной темной сплошной бровью. В тот момент все, что я вспомнил, — это лицо того парня — беличье, в оспинах и в гигантских очках, — когда Джон прижал его к шкафчику, сорвав с него сначала штаны, а затем заношенное белое белье. Это была просто какая-то Книга Джунглей, типа «кто тут самый сильный», и Джон Макданна хохотал, как самая настоящая гиена.

— Есть тут кто? — услышал я чей-то голос и все тот же гогот гиены. Я уже начал нервничать и решил натянуть брюки, хоть желудок мой и был ни к черту, и затем входная дверь открылась и то ли кто-то вошел, то ли вышел, и я снова услышал тот же голос, который медленно, с идиотским смехом сказал: «Кто-то здесь блин срет», и я застегнул брюки и услышал, как снова открылась дверь, и как кто-то из них засмеялся, потом другой, и потом скрипнули туфли, и слышно было, как кто-то стоит по ту сторону двери, очень близко, и затем я почувствовал, как что-то ударило меня по голове. Стало больно лишь на одну короткую секунду — легкий ожог оттого, что бросили с такой силой, — и затем новое открытие, как будто я истекаю кровью, но это не кровь, это яичный желток, стекающий по лицу и шее за воротник, и кусочки скорлупы в волосах, — и я даже не встал и не сказал ни слова. Я вытащил из волос скорлупу и подождал, пока они уйдут. Я снова услышал скрип туфель, и дверь наконец захлопнулась, и я открыл кабинку и подошел к зеркалу, и это заставило меня задуматься: они знали, что это я, или это мог быть кто угодно и, *вообще, кто это в школу блин приносит яйца?* Что это за люди, которые так поступают? Ответ: Джон блин Макданна. Я знал наверняка, что это был он, или по крайней мере, он в этом участвовал. Но почему? Почему они вообще суетились? Что вырастает из таких вот ублюдков? Бот так наверняка ворчала бы Гретхен. Нет, серьезно.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Ходить с Гретхен в торговый центр было ужасно увлекательно, потому что иногда она подворовывала. В основном мы просто прогуливались, строя глазки скромным домашним мамочками и бабушкам с окраин, но почти так же часто, когда Гретхен жаловалась на то, как жестока корпоративная Америка к бедным и несчастным странам третьего мира — что обычно совпадало по времени с прослушиванием в больших количествах Minor Threat или Dead Kennedys, — она хватала меня за руку и тащила в «Колз», огромный универмаг для среднего класса, с намерением спереть что-нибудь во имя революции и международного равенства.

— Ты просто бездумный потребитель, да? — прошептала она однажды, когда мы пробирались между стоек с ярко-розовыми и зелеными купальниками в отделе для дошкольников.

— Я не потребитель, — сказал я. — Я ничего не покупаю.

— Ничего не покупаешь? — ответила она, толкая меня.

— У меня нет денег.

— А как насчет фильмов? Ты фильмы в прокат берешь? — крикнула она, пихая меня на стойку с детскими нейлоновыми колготками.

— Ну и? — сказал я. — Это же в прокат.

— Ну ладно, а одежда? Ты же одежду покупаешь?

— Нет, — сказал я. — Мне мама это дерьмо покупает.

— Ну а музыка? Пластинки и кассеты ты ведь покупаешь?

— Ага, — сказал я.

— Вот, эти люди пытаются управлять тобой! — крикнула она, снова хватая меня за руку. Она протащила меня через отдел для девочек, заполненный тертыми джинсами и разноцветными футболками, цвет за цветом пролетающими мимо. — Они хотят, чтобы ты покупал и ни о чем не думал.

— Круто, — сказал я. — Чем меньше мне надо думать о всякой херне, тем лучше.

— Но это значит, что они блин управляют тобой. ОНИ говорят тебе, какой фильм брать в прокате. ОНИ говорят тебе, какие пластинки покупать. ОНИ говорят тебе, что носить. И ты как полное дерьмо тратишь деньги на все эти тупые вещи, которые даже не приносят тебе счастья. Как вот это, — она схватила белый кружевной прозрачный комбидрес, — ты думаешь, девчонкам нравится носить это?

— Ну не знаю. Может, сексуальным девчонкам, — сказал я, и она снова схватила меня за руку.

— Ты что, ничего не слышал про классовую борьбу? Ты что, вообще об этом не думаешь? — спросила она

— Каждый день у меня по восемь уроков. Я там обдумываюсь до чертиков.

— Ты же рабочий класс, и они пытаются управлять тобой, чтобы ты их не сверг, — прошептала Гретхен, как будто ОНИ подслушивали из-за угла, прямо из-за стойки с уцененными красными пуховиками.

— Меня это не волнует, — сказал я. — Я просто пытаюсь блин закончить эту чертову школу и не сойти блин с ума.

— Вот так они и завладевают тобой, — сказала она. — Сначала у тебя нет времени волноваться об этом из-за школы, потом ты устраиваешься на работу, заводешь жену, детей и просто продолжаешь покупать и покупать, и никогда не задаешься вопросом, почему блин ты такой несчастный?

— Я знаю, почему я несчастный, — сказал я, уставившись на длинные, блестящие, чувственные пластиковые ноги обнаженных манекенов. — Мне нужно перепихнуться.

— И это все блин, о чем ты думаешь? — спросила она, и я посмотрел на нее, мы стояли посреди отдела нижнего белья, где кругом были сексуальные бюстгалтеры и сексуальные трусики, и я взглянул на всю эту безбрежную, бесконечную красоту, на ряды и ряды кружев и шелка, и крохотных нежных цветочков, и подвязок и чулок и, едва ли о чем-нибудь думая, кивнул.

— Да, я с уверенностью заявляю, это все, о чем я думаю, — сказал я, и она снова потащила меня куда-то. — Что? Куда мы? — спросил я, и мы остановились перед последней стойкой с огромными белыми лифчиками и огромными серыми трусами, и она сказала: «Отдел для жирных», и указала на упаковку колготок, украшенную затененным фото тучной модели, со вкусом снятой со спины, и названием бренда: «Точно в пору».

Я уставился на упаковку и типа содрогнулся, думая, что вот такие жуткие серые чулки носят пенсионеры, и собрался что-то сказать, пошутить как-нибудь, но Гретхен остановила меня и сказала: «Видишь? Видишь, как они унижают тебя? "Точно впору"?», и я взглянул на нее под мигающим флуоресцентным светом, на ее розовые волосы, мягкие и уже не такие яркие, и на секунду мне показалось, что я понял, о чем она говорит, потому что когда она начала запихивать под резинку своей кожаной куртки пухлые серые упаковки, я обернулся, чтобы убедиться, что никто не наблюдает за нами, и выбежал следом за ней, и даже когда мы уже удирали, сидя в «эскорте», я все еще думал об этом и по-прежнему хранил молчание.

ДВАДЦАТЬ

«Люди-кроты» и другие фильмы про монстров — вот что мы с папой иногда смотрели вместе, без необходимости что-либо говорить. Например, однажды я пришел домой поздно, и папа уже спал на диване, и лицо его было бело-синим, потому что внизу было темно, но телевизор работал, и были слышны звуки сирен и перестрелки, не знаю, что он там смотрел — наверное, «Хантер», это был его сериал, с этим чуваком, гребаным Фредом Драером, потому что ему нравилось, что этот Фред Драер прежде играл за «Питтсбург стилерс», а теперь вот снимается в кино, — и я стал осторожно пробираться в свою комнату, и папа всхрапнул и потом сел и сказал: «Эй, Брайан. Брайан, это ты?», и мигом нацепил очки, притворяясь, будто он вовсе не спал.

— Да, пап, это я.

— Ты где был весь вечер? — спросил он, улыбаясь, и я сказал: У Гретхен... С Гретхен.

— С Гретхен, значит?

Он сел, снял очки, потер лицо и снова надел их, опять улыбаясь.

— Угадай, что сегодня по кабельному? — спросил он. — В полночь?

— Не знаю, — сказал я.

— «Люди-кроты».

— «Люди-кроты»? Обожаю этот фильм.

Это был такой странный фантастический фильм пятидесятых, наверное, один из моих любимейших. Там про этих ученых, которые взбираются на Гималаи или на другие какие-то горы где-то в Азии, что ли, и открывают этот тайный лаз к подземной цивилизации, которая живет что-то типа сотни миль под землей вот уже вроде тысячи лет. И это словно бы мир таких прекрасных бледных египтян — они все так одеваются, в шлемы, как у фараонов, в мужские платья с ремнями и пряжками или как они называются — и все типа альбиносы, потому что не видели солнца, никогда типа, и они правят миром. Но еще там есть эти другие люди, чудовища, люди-кроты — они совсем не похожи на кротов, скорее на ящериц, но и не ящерицы — они такие черные и с чешуей, и у них большие белые глаза, маленькие узкие рты и огромные, огромные четырехпалые клешни, и их принуждают работать на шахтах или в пещерах и служить альбиносам. В общем, чудовища-то как раз хорошие люди, а те люди, что кажутся хорошими — плохие. Еще там один молодой ученый находит сексуальную девчонку, которая выглядит нормально, с темными волосами и обычным цветом кожи, которую все считают уродиной, потому что она не альбиноска, и этот ученый и нормальная девчонка влюбляются друг в дружку, и ученый помогает людям-кротам восстать, и там еще эта схватка и землетрясение, и каким-то образом туда вниз проникает солнечный свет, отчего все альбиносы офигевают, и вот в общем все, что я помню. Я смотрел этот фильм несколько раз, когда был совсем маленький, вместе с папой,

когда его показывали в специальной ночной программе по субботам, в которой всегда были старые черно-белые фильмы про монстров. Это было нашей с папой фишкой. Мы каждую неделю смотрели эти фильмы про монстров, и как давно это было?

Я взглянул на отца и улыбнулся.

— Да, вот та часть, где чудовища помогают ученым, очень мне нравится.

— Знаю. Так что, посмотришь? — спросил он, широко улыбаясь и кивая. — Или тебе домашнее задание надо делать, или что-нибудь такое?

— Нет, посмотрю, — сказал я. Бросив пальто в свою комнату, я уселся в мягкое зеленое кресло рядом с диваном и стал наблюдать, как Хантер задерживает подозреваемого, перелетая через капот машины и приземляясь на кучу картонных коробок.

— И что, пап, сколько ты еще планируешь здесь спать? — спросил я.

— Не знаю, — сказал он, смотря прямо перед собой. — Я мешаю тебе?

— Да нет. Я просто... Я, наверное, беспокоюсь за маму и все такое.

— Позволь мне самому беспокоиться об этом, — сказал он. — У нас проблемы. Мы их решим. Обещаю.

Я повернулся и посмотрел на него. Выглядел он не слишком обнадеживающе. Через щеку его тянулся длинный красный след от подушки, и на нем все еще была его рабочая одежда, потому что мама, видимо, перестала стирать его вещи. Он переключил канал и вытянул ноги, и я заметил, что носки у него серые и грязные. Я собрался было сказать что-то, но решил — не стоит. Я просто смотрел, как на фоне мрачной пещеры под тревожную музыку ползут титры.

— Итак, встречайте людей-котов, — сказал папа. — На них всегда можно положиться.

— Это точно, — ответил я.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Это, конечно, идиотизм, но после школы мы с Гретхен частенько где-нибудь ели, не смотря на то, что у нее была серьезная проблема лишнего веса. Это блин было чистое безумие. Типа я прекрасно понимал, что мы делаем, но не хотел, чтобы она перестала быть толстой, а то бы она прекратила со мной тусоваться. Не знаю. Обычно мы ходили в «Снэквилл Джанкшен», забегаловку на углу 111-й и Западного, что ли, посреди которой стояла огромная обитая линолеумом стойка в форме полукруга, с рельсами от игрушечного поезда. Еда твоя выезжала в корзине, водруженной на крышу вагончика. Эта была детская кафешка, но мы с Гретхен очень ее любили — ее и еще «Рейнбоу Коун», но туда можно было ходить только весной. В «Снэквилл Джанкшен» Гретхен все время брала одно и то же: сосиску с чили и «грин ривер», этот ярко-зеленый лимонад. Еще ей там разрешали курить, что для нее было очень существенно, ведь ясно, что она несовершеннолетняя. Я же обычно брал жареный сыр или ванильный молочный коктейль, и если я брал ванильный молочный коктейль, я знал, что мне будет плохо, потому что, как я уже говорил, я не переносил молоко, но я все равно его брал, хрен знает почему.

Сегодня я ел пиццу с картошкой фри и молочным коктейлем, так что понос мне был обеспечен. Гретхен выглядела прелестно — иногда ей это удавалось, а иногда нет, в зависимости, видимо, от настроения. Ее волосы были подняты вверх и скручены в два маленьких рожка, как у синички, и на лице у нее совсем не было косметики, и оно было милое и чистое, и щеки такие розовые, и она вылизывала чили из своего хот-дога с картошкой фри, сгребая и быстро забрасывая все в рот, такая была у нее манера, и послеполуденное

солнце сияло как стоваттная лампочка у меня на груди, проникая сквозь окно позади нее, славно озаряя ее волосы, делая их мягкими и белыми. Она молчала, мы просто ели вместе, это было так мило, и я подумал: *И что в этом такого уж неправильного?*

— Слушай, что сегодня случилось, — сказала она, и я кивнул. — Я, значит, в раздевалке после физкультуры, сижу на этой мокрой деревянной скамейке и переодеваюсь блин со скоростью света. Я обычно блузку оставляю застегнутой, чтобы сразу натянуть ее, знаешь, не особо чего демонстрируя, так? И вот я значит сижу там и смотрю, не идет ли кто по коридору, чтобы шорты стянуть и успеть переодеться до того, как кто-нибудь отпустит комментарий по поводу моих гребаных жирных ляжек, понимаешь?

— У тебя не жирные ляжки, — соврал я.

— Меньше всего я люблю свои ноги.

— Правда, что ли?

— Когда я была маленькая, папа называл меня *мисс Пышка, мисс Пышка-Глупышка*.

— Прелесть какая.

— Да. Он не пытался подавлять меня или еще там чего. В общем, я натягиваю юбку а потом стаскиваю шорты и начинаю надевать носки, а ноги у меня блин все волосатые, а там так душно, и угадай что. Появляется Стейси Бенсен. Блядь. Стейси блядь Бенсен. И я, значит, думаю: *Блин, надеюсь, она меня не заметит*, понимаешь? И я стараюсь не смотреть, но не могу удержаться. Стейси блядь Бенсен сидит там на соседней скамейке, и оба ее глаза сине-черные, и голова ее гребаная вся в огромных белых бинтах, а на макушке лысое пятно.

— Ух ты, ну ты ее и отпиздила.

— Да уж. Но я к чему все это: она переодевалась, так? И плечики у нее были совсем голые и бледные и все такое, и в руках она держала блузку, и блузку эту чертову она прижала к лицу, и хрен знает почему, она плакала.

— Просто плакала?

— Да, не перебивай. Сидит она там в одном только блин черном лифчике, лицо в белых бинтах, и плачет, и лифчик у нее такой — блестящий черный атлас, полная дрянь.

— А ты разве не носишь один и тот же лифчик с восьмого класса? — спросил я. — Тот, в голубой цветочек?

— Да, — сказала она кивая. — Да ты слушай, вот она, значит, Стейси Бенсен, лицо закрыто ладонями, рыдает. И не знаю, я только раскрыла рот, чтобы сказать что-нибудь, но черт, я не знала, что сказать, потому что, ну, Стейси Бенсен такая стройная и уверенная блин в себе и у нее такие идеальные длинные ноги, как у модели, которая нижнее белье рекламирует.

— Да, она что надо, — сказал я.

— Да не в этом дело. Она вся такая милая. Как она говорит, как улыбается — она милая.

— Н-да, — сказал я.

— Даже с фонарем под глазом и с чертовыми бинтами, она все равно такая милая.

— Наверное, — сказал я.

— Для меня радостью было просто на нее смотреть и воображать, как это — быть Стейси блядь Бенсен, хоть на минутку. Ты когда-нибудь думал об этом?

— Ну не Стейси Бенсен. Винсом Нейлом из Mötley Crüe, обычно я представляю себя им.

— Ну вот, я смотрела на нее и думала: *Ну как можно быть такой хорошенькой?* И знаешь, она наверняка уже занималась сексом, один или два раза, или даже несколько раз.

— Ты откуда знаешь? — спросил я.

— Она всегда так во всем уверена. И она никогда не задает вопросов, и не стесняется, и выставляет свое тело в раздевалке. Я слышала, она флиртует с учителями направо. В общем, я смотрела на нее и думала, она *когда-нибудь чувствует себя уродиной?* И как нарочно, она снова начинает плакать.

— Ну и?

— «Ты в порядке?» — спрашиваю. А она все плачет и плачет. «Ты уверена?» — снова спрашиваю, и тогда она говорит — только послушай, — «Похоже, я блин беременна».

— Правда? — спросил я. — Так и сказала?

— Правда, — сказала Гретхен. — И я спрашиваю, ну не знаю, может, учителя позвать, и она говорит: «Оставь меня блин в покое», ну и я быстро надеваю туфли, чтобы уйти, и снова слышу, как она плачет, и я оборачиваюсь и вижу, как Стейси поднимает голову, — вот тут-то и начинается самое странное, — и выглядит она, как церковная открытка, с серебряными слезинками в ковшике ладоней и как будто все слезинки хором произносят: ПОМОГИ МНЕ, ГРЕТХЕН, и я делаю шаг в ее сторону, и пытаюсь сообразить, что блин сказать, но Стейси кричит: «Оставь блин меня в покое!» А я хочу сказать: ты такая красивая, но я знаю, что, сказанное вслух, это прозвучит по-лесбиянски, хотя я ведь совсем другое имею в виду.

— Понимаю, — сказал я.

— Вот. Так что я посидела минутку, а потом встала и меня аж зашатало. Голова закружилась, и я вспомнила, что даже переодеться не закончила. Она такая была красивая, даже когда плакала — даже еще красивее, — что я забыла блин переодеться! Что ты обо всем этом думаешь?

— Думаю, быть девчонкой — это просто безумие какое-то.

— Да уж, — сказала она. — Да уж. — Она доела хот-дог, вытерла уголки губ белой салфеточкой и сказала: — Ну что, хочешь проехать мимо ее дома?

ДВАДЦАТЬ ДВА

Ну вот, теперь мы знали невероятную прекрасную тайну, неизвестную больше никому. Стейси Бенсен беременна. Не кто иной, как Стейси Бенсен, с этими ее значками *Вместе с Богом*, воздержанием от выпивки и многочисленными брошюрами *«Матери против вожделения в пьяном виде»*. В общем, тем вечером мы проехали мимо ее дома не меньше трех раз, каждый раз сбрасывая скорость и вглядываясь. Из конца в конец квартала и обратно. Всякий раз у дома Гретхен сбрасывала скорость. Почему? Ну не знаю, может быть, надеюсь увидеть быстрый взгляд, трепетание занавесок, насупленные брови в окне, какое-нибудь послание, какой-нибудь признак жизни, хоть что-нибудь. Честно, понятия не имею. Стейси Бенсен была единственной девчонкой, о которой мы наверняка знали, что ее трахнули. Во всяком случае единственной из наших ровесниц. В смысле, конечно, мы о таком слышали, по телевизору видели, но это — это по-настоящему имело значение. Мы снова замедлили скорость у ее дома. У Стейси Бенсен был большой квадратный дом, выстроенный из белого кирпича, раза в два больше моего или Гретхен. Над крыльцом был милый желтый навес, а позади — бассейн, в это время года уже накрытый. На подъездной дорожке, позади новенького черного седана, стоял чертов красный «мустанг»-кабриолет Стейси. Перед домом разбит крохотный садик, окрашенный в осенние бурые и тускло-зеленые

тона и охраняемый разнообразными цементными зверюшками: улыбаясь, два синих кролика сидят на задних лапах, маленький эльф играет на мандолине, белый лебедь изогнул шею, а огромный бурый олень прильнул мордой к земле. Я заметил зверей, когда мы проезжали мимо в последний раз, и улыбнулся.

— Вот черт, ты видишь всех этих животных перед домом? Это к чему? — спросил я.

— Типа она Белоснежка хренова, — прошептала Гретхен.

— Да, похоже.

— Мы должны что-то с ними сделать, — сказала Гретхен.

— Давай, — сказал я, и все, до чего мы додумались — это остановиться перед домом в четвертый раз, оставить машину, не глуша мотор, схватить кроликов, потом эльфа, потом лебедя, быстро выставить их всех на крыльцо, позвонить в дверь и вернуться в «эскорт», чтобы удрать на бешеной скорости.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

В гараже у Бобби Б. на полную громкость был включен АС/DC, а сам он отчаянно пытался завести свой фургон. Я наблюдал, сидя на капоте неисправного «шевроле», чей черный хромированный нос выглядывал из-под бежевого пыльного брезента. Было часов восемь вечера, все еще тепло, бабье лето и все такое, но быстро темнело. У Бобби Б. был рабочий фонарь, подвешенный к выступу гаража, и он отбрасывал на пустые белые стены длинные, странные тени.

— Так, чертово радио работает, — пробормотал Бобби Б., почесывая затылок. — Значит проблема не в электричестве. Может, генератор?

Фиолетовый фургон упирался передним краем в поднятую дверь жестяного гаража. Каштановые волосы Бобби Б. были всклокочены и свисали на лицо, руки он вытирал о серую рубашку с надписью «Мегадет», рукава которой были обрезаны с целью явить миру его бицепсы. Он взял отвертку и принялся тыкать ею в аккумулятор.

— Да заводись ты, блин! — крикнул он. — Заводись давай.

Я издал короткий смешок, и он посмотрел на меня через плечо.

— Эй, чувак, ты над чем смеешься? — спросил он с обидой и угрозой.

— Ни над чем. Прости, — сказал я.

— Ладно блин, хватит ухмыляться, иди сюда и поддержи отвертку.

Я соскочил с капота «шевроле», взял у него отвертку и прижал контактный провод к аккумулятору.

— Вот так и держи, чтобы фары горели. Хорошо, — сказал он, увидев, что фары снова зажглись. — Теперь блин прижми его.

Он залез на водительское сиденье, снова вытер руки о серую рубашку и включил зажигание. Послышалось странное механическое щелканье, и Бобби Б. стал материться.

— Чувак, ты ее держишь? — крикнул он.

— Да.

— Ну и что за черт? — сказал он, качая головой. — Давай еще разок.

Я с усилием нажал на отвертку, и от нее отлетела искра, когда он нажал на газ, поворачивая ключ, и затем — фрррр — гигантский мотор взревел, возвращаясь к жизни, задро-

жал прямо передо мной, и его ремни и лопасти завертелись с головокружительной скоростью.

— Да, черт возьми! — крикнул Бобби Б. — Похоже, сегодня я в конце концов подцеплю какую-нибудь телочку! — Он выпрыгнул из фургона, взъерошил мои грязные волосы и сказал: — Тебя куда-нибудь подбросить, чувак? Я ведь у тебя в долгу.

— Да нет, все круто, приятель, — сказал я. — Слушай, — и я снова уселся на капот. — Слушай. Вот, скажем, тебе нравится девчонка, значит, но ты не уверен, что нравишься ей. Что можно сделать, чтобы, ну, понравиться ей?

— Что ж, — начал Бобби Б. и взял паузу — открыл маленький красный холодильник в углу гаража, вытащил оттуда банку с лимонадом, щелкнул колечком, сделал жадный глоток а затем и осушил банку целиком. Банку он смял и выбросил через открытую дверь гаража. — Брайан Освальд, ты ни хера не можешь сделать.

— Чего?

— Чем больше тебе девчонка нравится, тем меньше нравишься ей ты. Наукой блин доказано.

— А как насчет тебя и Ким?

— А я о чем говорю, чувачок? Если я становлюсь милым и веду себя круто, и говорю всякие слова, и прихожу вовремя, она ведет себя так блин, как будто я ей неинтересен. А вот если я веду себя как полный урод, тогда она мне блин начинает названивать. Это идиотизм, потому что она действительно мне нравится и все такое, но когда я говорю ей всю эту романтическую поебень, она выходит из себя и говорит, что ей нужно блин побыть одной и все такое. Так что я веду себя так, как будто мне насрать. Это все так Господом задумано, — сказал он, кивая.

— Seriously?

— Да что я блин знаю? — улыбнулся он. — Я только хочу сказать, что если бы мне нравилась телка, которой я не нравился бы, не знаю... Я бы на всякий случай вел себя как урод.

— А, — пробормотал я. — Ну спасибо, Бобби.

— Приходи еще, чувачок. Удачи тебе с этим дерьмом. Слушай, мне пора валить. Я с дамкой встречаюсь.

Я спрыгнул с капота, а Бобби Б. забрался в свой фургон, орущий *Hell's Bells* так громко, что чуть колонки не отваливались. Я проводил взглядом фургон, который на секунду задержался, затем фары его вспыхнули, и он сорвался с места, оставив на дороге след от шин и исчезнув в темноте. Я вспомнил, что он сказал, и крепко задумался. Я никогда не смог бы вести себя как урод, по крайней мере, не с Гретхен, так что, наверное, я был обречен, обречен быть влюбленным в девчонку, которая в меня не влюблена. Но это ничего, пока я могу делать все, что могу. Так что я перешел через улицу и направился в свою комнату, и взял все свои пластинки и кассеты, нашел под кроватью пустую пленку и стал записывать ее, коллекцию, знаете, совершенно игнорируя то, что только что сказал Бобби Б. Где-то через час у меня все было готово, и я уставился на этот кусочек пластмассы, и выломал клапаны, чтобы нельзя было ничего записать поверх, и когда я все это проделал, то решил, что Бобби Б. был совершенно прав и ничто на свете не заставит меня отдать ей эту кассету, зная, что она чувствует. Как и всегда, я решил, что буду ждать и надеяться, что в следующие несколько недель что-нибудь в моей жизни изменится к лучшему.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Охуенные идеи для кунфуистских боевиков, в которых я мог бы сниматься:

1. Подросток помогает спасти старика-ниндзя, который учит его искусству ниндзя, а он шатается по школе, поколачивая других ребят, пока наконец не узнает, что истинная тайна ниндзя скрыта в одной из видеоигр.

Или

2. Подросток получает в наследство такие волшебные нунчаки от древнего общества таинственных злодеев и должен научиться использовать их, чтобы победить странных замаскированных убийц, которые собираются получить власть над миром.

Или

3. Перед смертью отец вручает своему сыну такую таинственную книгу «Путь самурая», и мальчик изучает боевые искусства ниндзя, а затем спасает команду лыжниц от советских террористов, которые хотят сорвать олимпиаду. Он влюбляется в одну из лыжниц, скорее всего, шведку.

Да, и я заказал через журнал «Ниндзя» две китайские звездочки и набор нунчаков и все еще не получил эту хрень. Прошло уже четыре недели — зачем это кому-то понадобилось удерживать меня от осуществления мечты стать таинственным убийцей? Я вас спрашиваю, брат Дорбус, почему вы считаете это нормальным — стоять у меня на пути? Да, вы рассказываете мне на уроке по истории религии, что такое духовность, и это поможет мне укрепить мой дух, если меня когда-нибудь захватят и станут пытаться бесчисленные безликие враги, но даже вы, принуждающий нас смотреть от начала до конца фильм «Десять заповедей», не уймете мою бессмертную ярость и жажду бесконечного отмщения ниндзя. Вы вполне можете стать Нумеро Уно в списке жертв, брат Дорбус, и если не Нумеро Уно, то по крайней мере, Нумеро Два.

А Нумеро Уно? Джон блядь Макданна. Я видел его в кафе и в коридоре после уроков. Он оказался крупнее, чем я его запомнил, в своей красно-коричневой с оранжевым спортивной куртке он продвигался между старшекласниками, как хренова арийская горная гряда, окруженный двумя качками с лицами хорьков, в таких же спортивных куртках. Я стоял у своего шкафчика, и он прошел мимо, и я услышал этот громкий смех дикой гиены, когда он пихнул одного из своих прыгун, и я поднял взгляд от книг и посмотрел ему прямо в глаза, и он только ухмыльнулся, как будто знал, что я знал, что это был он, и как будто знал, что я ни хрена не могу с этим поделаться, и он только смотрел на меня, кивая, пока не исчез в конце коридора.

Трудно было не фантазировать: как я заказываю китайские звездочки и нунчаки, спрыгиваю с дерева темной, ветреной ночью, ломаю его колени с размаху или что-нибудь еще пожестче в стиле кун-фу, оставляя его беспомощно визжать от боли. Я произнес торжественную клятву ниндзя, что так или иначе, Джон Макданна, так и или иначе однажды ты свое получишь.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Приятельствовать в школе с Родом было занятие не из популярных, потому что он был не только черным, но и заучкой. Больше всего ему за это доставалось, наверное, от черных же. Однажды между седьмым и шестым уроком его избил два черных здоровяка, Деррик Холмс и Майк Портер, старшекласники с крепкими шеями и в куртках школьной футбольной команды. За то, как они сказали, что кожа у него такая светлая. «Эй ты, белый шоколад», — сказал один из них, выбивая из рук Рода учебники по химии. Это случилось в

третьем часу, в конце коридора на втором этаже, так что никого, кроме других качков, сбегавших с уроков пораньше, и уборщиков, укрывшихся покурить под лестницей, поблизости не было.

— Ты чего такой белый, парень? — со смехом спросил Деррик Холмс. Он был огромный, с широченной грудью и руками и лицом, как у быка.

— Похоже, мамаша твоя согрешила, — сказал второй, Майк Портер, — худой и долговязый, самоуверенность которого в любой момент готова была испариться, — и прижал Рода к шкафчику, сжимая его шею. — Считаешь себя лучше всех нас, а?

Майк сорвал с Рода галстук на застёжке и сплюнул.

— Ходишь тут с чертовыми белыми. — Он щелкнул Рода по виску и засмеялся.

Род был не из тех, кто дает сдачи. Он просто закрыл глаза и позволил Деррику Холмсу вывалить себе на голову мусор из пластикового ведра.

— Давай, вали к своим белым приятелям, Орео.

Я спросил его об этом в субботу, когда мы в автобусе направлялись на блошинный рынок. Род искал пластинку Velvet Underground, а я — парня из Чайнатауна, который продавал кнопочные ножи и ножи-бабочки, штуки, которые было запрещено продавать в магазинах кун-фу. Я неделями пристально разглядывал один серебряный нож, инкрустированный жемчугом. Убежден, что Роду было нужно как раз такое оружие, а не еще одна старая пластинка какой-то группы, о которой, кроме его папы, никто даже не слышал.

— Чего же ты сдачи не дал? — спросил я его. — Ты мог бы что-нибудь сделать.

— Ты не понимаешь. Даже если бы я дал сдачи, они бы не въехали.

— Не въехали? Да кому какая разница, въехали бы они или нет? Если кто-то бьет тебя, ты сам должен ему въехать, приятель.

— Мы с папой думаем иначе. Его все время достают. Он говорит, что они просто хотят, чтобы ты вел себя, как животное, знаешь. Но если ты ведешь себя как животное, ты ничем не лучше их.

— Ага, — сказал я. — Ничего в этом не понимаю. Я знаю только, что если кто-нибудь выбьет барахло у меня из рук, я стану драться.

— Может быть, поэтому к тебе никто и не приебывается.

— Очень может быть, — сказал я. — Слушай, ты думаешь пригласить кого-нибудь на выпускной вечер? Скоро уже.

— Кого? Кого я могу пригласить? — сказал он, трясая головой. — Кроме тебя я общаюсь только с мамой и папой. И никого из вас приглашать не собираюсь.

В конце концов мы остановились у ларька со всевозможными идиотскими иностранными ужасиками. Продавец был высокий и худой, каштановые волосы собраны в длинный хвост.

— Ну что, ребята, хотите чего-нибудь страшненького, возьмите вот это — итальянское, — сказал он, пододвигая ко мне кассету с фильмом Лучио Фульчи «По ту сторону».

— Я это уже видел. Мусор, — сказал я.

— Ладно, а как насчет «Злого мертвеца»?

— Слушай, да ему уже лет десять. Есть у тебя что-нибудь типа неизвестное?

— А «Святого» видел, из пятидесятих?

— Да ну, — сказал я. — Я же спрашиваю о серьезных ужасах.

— Ладно, хорошо, как насчет этого, — спросил он, протягивая мне кассету без фирменной надписи. — Это записано с восьмимиллиметровки.

Я взял кассету и прочел: «Лев против тигра».

— Это еще что за хрень? — спросил я.

— Пять баксов — и узнаешь, — сказал он. У меня было пять баксов, которые я планировал потратить на нож, но «Лев против Тигра»! Как я мог устоять?

Мы вернулись к Роду, заперли дверь его комнаты, вставили кассету и стали ждать. Возник черный экран.

ТО, ЧТО ВИДИТЕ — ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ СЪЕМКА: К СОЖАЛЕНИЮ, ВО ВРЕМЯ СЪЕМОК КОРОТКОМЕТРАЖНОГО ФИЛЬМА С УЧАСТИЕМ ЦИРКА ВЕРХОВЕНА В ФИНЛЯНДИИ НАША СЪЕМОЧНАЯ ГРУППА СТАЛА СВИДЕТЕЛЕМ ЭТОГО УЖАСНОГО НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ.

Затем на экране возникло черно-белое изображение льва, бросающегося на прутья клетки. Крупный человек в черном трико стегает животное плеткой, видимо, пытаясь заставить его исполнять трюки. Он оборачивается и закрывает дверь клетки. Камера следит за ним, пока он улыбается, говорит что-то неразборчиво и поигрывает мускулами. Он открывает дверь другой клетки, откуда выводит за ошейник великолепного тигра. Затем где-то за кадром, лев, каким-то образом покинув клетку, набрасывается на мужчину со спины. Мужчина резко поворачивается, хватая мощную лапу у самой шеи. Тигр устремляется вперед, с рыком и шипением щелкая когтями у самой головы льва. Лев дергается назад, затем прыгает вперед, и пасть его погружается в шею тигра. Тигр вырывается и вонзает тяжелую лапу в львиное горло и затем мгновенно, одним движением, вонзает гигантские челюсти в шею льва и безжалостно рвет ее. Раздается выстрел, тигр отступает, медленно возвращается в клетку и больше не двигается. За кадром два оператора помогают дрессировщику подняться, а лев лежит неподвижно, и черный глаз его дергается, пока наконец не становится ясно, что оба зверя мертвы.

— Вот черт, — прошептал я. — Это было сильно.

— Да уж.

— Прямо как в старшей школе на хрен.

— Нет, как во всем мире на хрен.

— Да. Черт, — сказал я. — Слушай, можно я сортиром воспользуюсь?

— Конечно, — сказал он.

Я выбрался из его комнаты и спустился вниз в туалет, закрыл дверь, затем через вторую дверь вышел в гостиную. Я не знал, что делаю. Это просто происходило, и я просто делал это. Стараясь не шуметь, я встал на колени перед сотнями и сотнями пластинок, нервно разыскивая Чета Бейкера. Я нашел ее, вытащил и открыл конверт. Зачем? Не знаю. Думаю, что я собирался ее украсть. Зачем? Серьезно, понятия не имею. В смысле, я мог бы сказать, что хотел подарить ее Гретхен, но опять-таки не знаю. Может, я просто завидовал его папе и все такое, но я не уверен. Я точно помню, что огляделся, чтобы убедиться, что его родителей нет поблизости, и увидел Рода, который молча стоял, просто наблюдая за мной, не говоря ни слова.

— Что ты делаешь? — спросил Род.

Я закрыл глаза и почувствовал, что сердце в моей груди упало, как молоток.

— Не знаю, прости. Просто смотрю.

— Зачем?

Я взглянул на него, и мне показалось, что он вот-вот заплачет. Лицо его потемнело, и

глаза заблестели.

— Род... извини.

— Я бы дал ее тебе, если бы ты попросил.

— О Господи, прости.

— Мне кажется, ты должен уйти.

— Хорошо, — сказал я. — Прости.

Он распахнул входную дверь и посмотрел на меня.

— Черт, я думал, что ты мой друг.

— Так и есть, — сказал я, даже в тот момент понимая, как тупо это звучит.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Да, я был скотиной. Самой настоящей скотиной. Всю ночь я просидел на кровати, чувствуя себя полным дерьмом, и мне хотелось плакать — но я не стал, — и я думал позвонить Роду и извиниться, но, не знаю почему, не мог этого сделать. Я просто сидел на кровати, заваленный подушками. Хуй знает по какой причине, я просто не мог этого сделать; я не мог сказать, как я сожалею, потому что мне было чертовски стыдно и все такое. Я включил кассету с коллекцией песен, составленной для меня Гретхен примерно год назад, «Дела плохи», и первая песня там была Lemonheads, когда они еще были панками, и называлась она «Заебанный», где пелось: «Заебало, не хочу этого слышать». Следующая песня была той же группы под названием «Ненавидь своих друзей», и там пелось: «Когда у тебя проблемы, которые не решить, этого достаточно, чтобы возненавидеть своих друзей». Я перемотал эту песню на начало и слушал ее снова и снова и снова всю ночь, трясясь и подергиваясь в своей постели, как какой-нибудь эпилептик.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

У Гретхен мы иногда занимались тем, что обыскивали все комнаты в доме, вроде как шпионя. Занимались мы этим вроде бы довольно часто. Нам обычно становилось скучно, и мы шарили в комнатах ее сестры или родителей в поисках вещиц, над которыми можно было посмеяться или даже их умыкнуть. Мы шерстили одежду ее папы в поисках денег, или карманную сумочку сестры, где находили всякое глупое барахло, вроде презервативов и любовных писем. Как правило, мы начинали с комнаты ее родителей, лежа на полу и осматривая пол под кроватью, идеально заправленной, с розовыми подушками, с туго натянутой без единой складочки белой простынею с одной стороны и совершенно смятой и разобранной там, где спал ее отец, что я находил грустным и нелепым: почему он до сих пор спит на одной половине кровати?

— Ух ты, взгляни-ка, — Гретхен вытащила свадебный фотоальбом своих родителей и улыбнулась. Он был уже раскрыт на странице с фотографией мамы в день ее свадьбы. Фото было очень милое, но мне сразу же стало грустно.

— Теперь моя мама призрак. Но она была красивая. Правда?

— Да уж, — согласился я.

На фото мама Гретхен смеялась, лишь чуть-чуть приоткрыв рот, и ее смех был слышен так явственно, такой тонкий, мелкий, в конце концов она всегда извинялась, поднося тыльную сторону ладони ко рту, чтобы приглушить свое счастье. Уставившись на фото-

графию, я чувствовал себя так неловко, так грустно. В комнате почти не было вещей ее мамы, разве что одна или две картинки, думаю, так повелось с тех пор, как она умерла.

— Ты все еще жутко по ней скучаешь? — спросил я.

— Да, — сказала она.

На фотографии мама Гретхен была в длинной белой вуали тончайшего кружева, полностью скрывающей лицо, и ее темные глаза — мягкие тени — увлажнили вуаль слезами. Она выглядела как крошечный прекрасный ангел, вся в белом, она сидела за столом, покрытым белой пластиковой скатертью, кротко позируя на металлическом складном стуле, а за ее спиной, мрачно глядя в пол, стояли отец в темном костюме и мать в бледно-голубом. Мама Гретхен улыбалась в камеру призрачной, сказочной улыбкой, типа той, что теперь можно увидеть на губах Джессики, и ее безукоризненные пальцы тянулись к глазам, чтобы смахнуть крохотные искрящиеся слезы, всегда, всегда, тыльной стороной ладони. Как сказала Гретхен, она была как призрак, потусторонняя, знаете, такая у нее была красота, такая милая, такая драгоценная, что было больно смотреть на нее, зная, что все это так быстротечно. Гретхен совсем не была похожа на маму. Скорее на папу, наверное, невысокого роста и в теле. Я перевел взгляд с фото на Гретхен. В тот момент ее руки и ноги были изрисованы черными чернилами, надписи гласили: «Я политический заключенный», а на лбу прорывались черные необъяснимые угри. И все же в ней было что-то от мамы — может, смех или этот взгляд, а может, беда.

Затем мы отправились в комнату Джессики. На ее белом деревянном комод, с тех пор как ей исполнилось семь, стояла фотография Джона Денвера в рамке. Чудовищно любительская, но очень смешная. Джон на ней держал гитару и пел. Джессика обожала Джона Денвера. Однажды родители взяли обеих девочек на его концерт. Гретхен никогда ничего о нем не рассказывала, кроме того, что после концерта папа на руках отнес ее в постельку.

Комната Джессики находилась напротив комнаты Гретхен: вся белая и розовая, с фотографиями подруг из команды поддержки, гербариями, плюшевыми мишками и прочим девчачьим барахлом. Комната эта была для сестер большим чертовым яблоком раздора. Поскольку Джессика родилась первой, ей отдали большую комнату. Но дело было не в размерах помещения — огромный дуб поднимался прямо за окном. По стволу этого дуба Джессика ускользала ночью из дома, с тех пор как ей исполнилось пятнадцать.

— Итак? — сказал я.

— Итак, — сказала Гретхен. Она стащила из комода тюбик перламутровой помады и быстро покрасила губы. Гретхен с минуту оглядывалась, раздумывая, а Джон Денвер беспомощно улыбался, и его простое улыбающееся лицо и гитара, и длинные волосы выглядели настолько не к месту, что у Гретхен, показалось, созрел некий план.

— Что ты собираешься делать? — спросил я.

Гретхен быстро вытащила из рамки фотографию Джона Денвера, положила ее на комод лицом вниз и очень осторожно, едва касаясь уголков, засунула в рамку фотографию смеющейся мамы.

— И что теперь? — спросил я.

— Давай покатаем маму, — сказала она, и я кивнул, не зная, что ответить.

Под песню «Испанские бомбы» Клэшей шестеренки мотора неохотно заворочались, и Гретхен наконец удалось завести машину. Она вытащила из сумки фотографию и водрузила ее на панель, и вот на стекле появилось призрачное отражение ее мамы.

— Жутковато немного, — сказал я.

— Можешь не ехать, — возразила она, и я снова кивнул, не говоря ни слова.

Гретхен ткнула ручкой магнитола и перемотала на «Прямо в ад», прибавляя звуку и трогаясь с места. Магнитола зашипела, потом заглохла. Затем издала жалобный щелкающий звук и низко загудела. Гретхен выключила звук и сказала: «Еб твою мать».

В тишине мы ехали по округе, и я озирался по сторонам. Светило предзакатное солнце, и листья на деревьях начинали терять свою зелень, сдаваясь на милость осени, сквозь них торчали клочки синего неба. Дети играли в футбол на своих лужайках, и то и дело с криком выбегали на улицу.

— Очень по-американски, — рассмеялась Гретхен. — Все они будущие насильники.

Почтальон, насвистывая, развозил почту, колеса его почтовой тележки крутились, но одно как-то вихляло. Мы его знали. У него были короткие седые волосы, и он носил шорты аж до самой зимы. Однажды мы видели, как он курит, сидя на чьем-то крыльце. Как-то несколько недель почтальоном был черный парень, но потом кто-то что-то сказал, и теперь почту развозил этот белый старик, который курит у людей на крыльце. *Чертюв южный район*, подумал я. Гретхен прикурила было сигарету, но замерла, улыбаясь фотографии. Она выбросила зажженную сигарету в окно и стала рассказывать маме о том, что мелькало за стеклами машины.

— Сегодня по-настоящему солнечный день, — сказала она фотографии, — и этот хренов почтальон стоит, облокотившись на чей-то забор.

Спустя какое-то время включилось радио, закрутилась кассета и Момма Касс из the Mamas and the Papas запела *Dream a Little Dream of Me*.

— Черт, вот это здорово, — сказал я и не мог побороть ощущение, что это голос ее мамы раздаётся с фотографии, но говорить о таких вещах довольно странно, если только это не происходит с самим тобой и буквально сию секунду.

Как и всегда, мы ездили кругами без всякой цели и вскоре обнаружили, что подъезжаем к дому Стейси Бенсен. У двухэтажки из белого кирпича тормоза завизжали и машина остановилась.

— Что мы здесь делаем? — спросил я.

— Подожди-ка минутку, — сказала Гретхен. — И ты, мам.

Она выпрыгнула из машины, подбежала к садику Стейси Бенсен, взяла двух голубых кроликов, потом эльфа, потом лебедя и снова водрузила их на переднее крыльцо. На этот раз она положила кроликов одного на другого, а эльфа под лебедя, как будто они устроили тут групповуху. Кивнув, позвонила в дверь и побежала к машине, задыхаясь и смеясь.

— Да, чувиха, у тебя точно что-то с головой, — сказал я.

Иногда мы убивали время во Дворце Йогурта, где работала сестра Гретхен Джессика, мы просили дать нам попробовать то одно, то другое, глаза на настоящих покупателей, пока Джесс не выставляла нас вон. Гретхен обычно орала: «Я американка! Я имею право делать все, что мне, черт возьми, нравится!», затем сбивала подставку с соломинками, и, громко крича, мы убегали.

Когда мы вошли, Джесс вздохнула, а затем увидела, что у Гретхен в руках фотография мамы в рамке. Джессика стояла за стойкой в яркорозовом фартуке, розовой блузке и белом розовом берете Дворца Йогурта и только покачала головой. Она ничего не могла с нами сделать. Она работала там одна до семи, когда приходил Кэффи, тот самый босс, с которым она крутила.

— Какого черта ты делаешь? — спросила Джесс, скрещивая руки на груди.

— Тусуюсь с мамой и Брайаном, — сказала Гретхен, подмигивая.

— Это даже не смешно. Если папа это увидит, он с ума сойдет. Ничего получше вы придумать не можете?

— Нет, совсем ничего, — сказал я.

— Это моя любимая, — Гретхен вручила фотографию сестре. — Разве она не выглядит так, будто рано умрет?

Джессика уставилась на фото, коснулась тонкого стекла и кивнула.

— Да, наверное.

— Взгляни на бабушку с дедушкой. Думаешь, они когда-нибудь выглядели счастливыми?

— Вряд ли. Ух ты, посмотри на ее глаза, — сказала Джессика. — Она так сильно смеется, что плачет.

— У тебя такая же улыбка, — сказала Гретхен, отбирая фотографию. Джессика покраснела, не знаю, может, она хотела сказать что-нибудь милое, но сказала только:

— Ну что, ребята, хотите чего-нибудь поесть?

— Да, — сказал Гретхен. — Я возьму малиновое для мамы и шоколадно-ванильное для себя.

— А ты, Брайан? — спросила Джесс.

— Нет, все круто, — сказал я. — Я не ем мороженое.

Джессика кивнула и стала наполнять два маленьких стаканчика, нажимая на рычаг, пока оба как следует не наполнились.

— Почему бы тебе не устроиться на новую работу, Гретхен? — спросила Джессика. — Вы, ребята, по-моему, чертовски скучаете.

— Я прекрасно провожу время со своей семьей, — ответила Гретхен, окуная ложку в стаканчик с малиновым мороженым.

— Ну и куда вы направляетесь? — спросила Джессика.

— Не знаю. Мы могли бы пойти что-нибудь створить из магазина.

— Будьте осторожны. Если вас арестуют, вам придется какое-то время посидеть без дела. Папа работает допоздна, а я только в семь освобождаюсь.

— Ладно, — сказала Гретхен. — Слушай, мы тут с Брайаном говорили. Сколько тебе было, когда ты потеряла девственность?

— Чего? — Джессика отступила, снова скреживая руки на груди.

— Сколько тебе было лет, когда кто-то сорвал твой цветочек?

— Почему ты спрашиваешь?

Во Дворце Йогурта не было посетителей, и вентиляторы шумно крутились над головой.

— Ладно, забудь, — сказала Гретхен.

— Нет, откуда тебе вообще знать, что я не девственница? — спросила Джессика.

— А мы видели у тебя в шкафу резинки.

— А-а!

— Ну и?

— Ну не знаю. Шестнадцать, наверное.

— С кем?

— Билл Пэрис.

— Парень на синем «камаро»?

Джессика кивнула:

— Ага, — а потом спросила: — Зачем тебе это?

— Ну не знаю. Просто нам было интересно. Для сравнения.

— Ну, ребята, а как у вас с этим делом?

Гретхен покраснела.

— Ну не знаю. В прошлом году.

— С кем?

— Со своей рукой, — вздохнула Гретхен.

— А как насчет тебя, Брайан Освальд? — спросила Джессика.

— Я еще не встретил подходящую девушку, — сказал я. — А что, есть предложения?

— Нет. — Она опустила глаза. — Ну это еще ничего не значит. Все мои знакомые, которые рано начали заниматься сексом, теперь в абсолютной жопе.

— Тебе не обязательно врать, — сказала Гретхен, глядя в потолок. — Мы в порядке. Правда.

— Это случится, и когда это случится, это будет прекрасно, потому что вы не стали спешить.

— Наверное, — Гретхен посмотрела на фотографию. — Мы с мамой и Брайаном собираемся пойти посмотреть на моряков. До встречи.

— Ладно, увидимся, — сказала Джесс.

— *Увидимсссяаааа*, — прошептала Гретхен призрачным голосом, поднимая мамину фотографию над головой и тряся ею. — И Джесс...

— Да?

— Спасибо, что не вела себя как вонючка.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

В тот пятничный вечер, идя на чью-то подвальную вечеринку, я решил что в этот раз я непременно должен объясниться с Гретхен. Это также подразумевало три вещи:

1. Я попытаюсь сказать Гретхен о своих чувствах, но, вероятнее всего, опять все проебу.
2. Если Бобби Б. придет с Ким, он даст кому-нибудь подзатыльник.
3. Что-нибудь случится, и мы с Гретхен к концу вечеринки так или иначе поссоримся.

Я слонялся по торговому центру, только чтобы не сидеть дома, потому что у мамы был выходной, так что я прохаживался с напыщенным видом, пристально разглядывая горячих цыпочек с голубыми тенями на веках и перламутровой помадой, в лакированных туфлях на высоких каблуках, в черных свитерах с высоким воротом и мини, мини юбках из джинсы, цыпочек, которые все работали в отделах одежды для таких же цыпочек; а также я был занят своей эрекцией, стоя напротив отдела с нижним бельем, разглядывая эти

красные и фиолетовые и черные лифчики и трусики, думая о том, что, поскольку на этих манекенах такие сексуальные трусики, наверное, не так уж и плохо было бы заняться этим с одним из них; а также я убивал время в галерее видеоигр «Замок Аладдина», проверяя, на месте ли мои очки, которые я набрал за неделю до этого.

Где-то между эрекцией и видеоиграми я набрал номер Гретхен из телефона-автомата и спросил, что она делает, а она спросила, не хочу ли я пойти на вечеринку к этой Эсме, и я сказал: «Почему бы и нет блин», и решил: *Вот. Вот оно.* До выпускного вечера оставались каких-нибудь две недели, и сегодня была пятница и все еще типа лето, тепло и ясно, и от этого ты чувствовал себя безбашенным, как будто ничто на свете тебя не волновало — то есть меня как раз волновало, но знаете, я вроде как пытался перехитрить сам себя. Я пошел купил флакон типа «Дракара», этого вонючего европейского одеколона, вылил его на себя, доехал на автобусе до Гретхен, и оттуда мы отправились вместе.

Ладно, вам когда-нибудь приходилось бывать на подвальных вечеринках? Я был на паре таких, с Гретхен. Там, как правило, громко. Обычно это происходит так: чьи-нибудь родители уезжают из города, кто-нибудь приглашает поиграть группу своих приятелей, кто-то из приглашенных зовет еще кого-нибудь, тот еще кого-нибудь, и в результате толпа человек в сто собирается в чьем-нибудь подвале послушать какую-нибудь дерьмовую панк-рок группу, перепевающую песни Ramones, и кто-то начинает беситься, кто-то — обжигаться, а кто-то с кем-то напрочь рвет отношения.

Как я говорил, панки обычно выводили меня из себя, со своими зелеными ирокезами, драными джинсами, английскими булавками, шипами и всяким таким дерьмом, потому что все это — маскарад. Фишка была в том, что все это должно выглядеть круто, то есть грязно и потрепано, но если вам когда-нибудь приходилось ждать, пока девчонка вырядится блин во все это, то вы знаете, как много времени на это уходит, потому что весь этот наряд на самом деле тщательно продуман. Было уже начало девятого, когда Гретхен спустилась, все волосы склеены какой-то дрянью, и мы направились к Эсме куда-то в пригород — кажется, Палос-Хиллс, — полчаса езды от города в юго-западном направлении.

— Ты знаешь, к кому мы едем? — спросила Гретхен.

— Догадываюсь, — ответил я.

— Догадываешься? Брайан Освальд, да эта девчонка блин влюблена в тебя, — со смехом сказала она.

Что было не совсем правдой. Я однажды потискал эту девчонку, Эсме, на какой-то вечеринке, но я так перенервничал, что, как последний идиот, все проебал. Когда она дала мне свой номер, чтобы я позвонил, я так и сделал. Но по телефону я чувствовал себя еще более неловко, чем вживую, так что я начал выпендриваться и сказал ей, что я вокалист в одной металлической группе. Когда она спросила, как называется группа, лучшее, что я смог придумать, было «Шомпол», и она сказала: «Круто», и спросила, не намечается ли у нас концерт, и я сказал: «Конечно», и тогда она спросила, можно ли прийти послушать, и я не знал, что мне блин делать, так что я просто перестал ей звонить.

— Может, ты споешь ей сегодня, Брайан, — ухмыльнулась Гретхен.

— Может, ты отъебешься со своими комментариями. Это, между прочим, были самые долгие отношения в моей жизни, — сказал я, надувшись.

Мы кружили по длинной, извилистой дороге, обсаженной по краям деревьями, пока наконец не нашли нужный дом. Мы припарковались у входа, я и Гретхен, ее розовые волосы подняты вверх иглами и блестят, на шее — черная удавка с шипами, серебряные цепи свисают с запястий, черная тушь и черная помада и перламутровые тени на веках. Она выглядела секси — не миловидно, а как порно-звезда, что ли, — но ей хотелось еще разок посмотреться в зеркало. Мы сидели в блистательном «эскорте», и Гретхен подправляла на

губах помаду, и больше всего на свете мне хотелось схватить ее и поцеловать; мне хотелось тискать и ласкать ее прямо в машине, но я не стал. Вместо этого я наблюдал, как она вытаскивает из сумочки бумажный платок, кладет между губ, а затем сминает его, отпечаток своих горячих губ, поцелуй, который, может, достался бы мне, не будь я таким слюнтяем. Но вот и все — я проебал неплохой шанс. Мы вышли из машины и направились к дому, а я засунул руки в карманы на хрен.

Что до этого пригородного дома: он был белый и большой — этажа три, кажется, — с гаражом на две машины плюс идеальный свежесезонный газон с навороченной встроенной системой орошения, которую я заметил сразу, потому что, эй, я ведь стриг газоны, а это был как раз тот самый пригород и все такое. Порядка двадцати паршивых панковских машин было припарковано у дома вдоль улицы, которая представляла собой замкнутое пространство, с обеих сторон окруженное этим толстым, черным, отливающим металлом, забором. Еще машин восемь было припарковано на подъездной дорожке, и какие-то ребята вытаскивали с задних сидений и из багажников усилители, гитары, ящики с пивом. Дверь гаража была поднята, и за парнем лет одиннадцати на вид — маленьким, тощим, прыщавым, с оранжевыми волосами — мы проследовали через гараж, мимо новенького черного «лексуса» в маленькую прихожую и дальше вниз, в недостроенный подвал.

Он оказался в точности таким же, как все остальные подвалы, в которых мне доводилось бывать: деревянный лестничный пролет, несколько одиноких лампочек, свисающих на проводах, и стиральная машина с сушилкой позади развешенных в линию простыней. Там уже тусовалось с полсотни человек, и было жарко — конкретно жарко, — хотя под потолком и крутилось несколько вентиляторов, воздуха от них не прибавлялось.

Как я уже сказал, я был знаком с хозяйкой вечеринки, Эсме. Я не знал, настоящее ли это имя, но всегда думал, что нет, она училась в Макколи и типа дружила с Гретхен, и у нее были волосы, покрашенные в красный цвет и постриженные под Челси — знаете, длинная челка, а все остальное выбрито. Еще она носила такие крутые кошачьи солнечные очки, думаю, потому что немножко косила. Как я говорил, я с ней однажды пообжимался, типа по воле случая. Мы были на какой-то вечеринке, около года назад, и сидели на диване, болтая о всяких группах, и она сказала, что ее первой пластинкой был *Appetite for Destruction* Guns n' Roses, и я сказал, что это моя самая любимая пластинка, и довольно-таки скоро мы перешли к поцелуям. Потом она хихикнула и сказала: «Тебя не Даррен зовут, нет?», и я сказал: «Нет, Брайан», и мы оба засмеялись, и она записала свое имя и телефон на тыльной стороне моей ладони, а потом, как я сказал, я позвонил ей и разнервничался и соврал. Тогда больше всего на свете мне хотелось потрогать ее грудь, потому что у нее была очень маленькая грудь, и она никогда не носила лифчик, а только очень облегчающие футболки, и это сводило меня на хрен с ума. Не знаю. Сейчас я думаю, что Эсме интересовалась только парнями из панк-групп, как обычно и бывает с такими девчонками. Я думал, что для того чтобы пробиться к сердцу такой вот телки, нужно быть кем-то, а я и близко не был. В смысле, блядь, я играл в школьном оркестре, если это о чем-нибудь вам говорит.

Вот и она, в точности такая, какой я ее запомнил: Эсме, сидящая на стиральной машине, пьющая пиво прямо из бутылки, с этой милой красной челкой, болтающая с Ким, которая пришла с Бобби Б, который, в свою очередь, напустил на себя, как обычно, скучающий вид. Все они помахали нам и улыбнулись, а Бобби Б. показал мне средний палец. Пока мы спускались, было слышно дребезжание гитары, вырывающееся из старых усилителей, и приглушенный далекий звук жестяных барабанов. Сначала я подумал, что кто-то вставил кассету в магнитофон со сломанными колонками, но когда мы спустились, я увидел, что это уже играют музыканты.

Группа называлась «Морлоки!» С восклицательным знаком и все такое. Это была группа того парня Джима, которого мы все знали, старшеклассника из государственной шко-

лы в Эвергрин-парк. Название «Морлоки!» они взяли из «Машины времени» Герберта Уэллса, я сам ее читал. Вообще-то они толком не умели играть и у них не было басиста — только вокалист, гитарист и барабанщик, — и настоящего оборудования у них тоже не было, и все равно, по-моему, они были группой, потому что, по-моему, группа — это не что иное, как идея, плохая или хорошая, и если у тебя есть идея, это уже только вопрос времени, будет у тебя группа или нет. Я представлял себя в металлической группе годами, и для меня это было почти такой же реальностью, как если бы это действительно случилось. У Джима была идея, и это были «Морлоки!», и он написал название «Морлоки!» на своей джинсовой куртке, и на рубашках, и даже на своих белых кедах черным маркером. Я всегда думал, что это круто, вот так повсюду писать название своей группы, несмотря даже на то, что едва ли кто-нибудь о них слышал. «Морлоки!» сыграли семь песен, одну за другой, три из них принадлежали Ramones, а остальные Джим написал об этой девчонке, Шерил Лэндри, которая застрелилась пару лет назад, песни с такими изысканными названиями, как «Крошка Рикошет» и «Я хочу быть твоей пулей!». В основном эти песни были конкретно плохие, совершенно неинтересные, но Джим с драйвом поливал пивом ребят, которые стояли поближе. Добрых десять минут я испытывал зависть, глядя, как они играют. Не потому, что они были хороши, а потому, что они были плохи, а людям все равно нравилось. Особенно девчонкам. Особенно Гретхен.

В общем, это типа разбило мне сердце, но я оглянулся и увидел Гретхен, которая держалась близко к тому углу, где они играли, и типа танцевала, закрыв глаза, как будто была одна, подняв руки над головой, и она не бесилась, как некоторые — в основном, парни, которые, имитируя карате, пихали друг друга; почти все они были моложе нас, со свежескрашенными волосами и цветными пятнами от краски на шеях, потому что никто не посоветовал им воспользоваться вазелином, или скейтеры в футболках своих любимых групп, типа Naked Raygun или Circle Jerks, с одной-единственной длинной прядью, свисающей на лицо. Все они были потные и смеялись, и усиленно танцевали. Я никогда не танцевал на таких подвальных вечеринках, потому что не знал, как это блин делается, так что я присоединился к Ким и Бобби Б. у стиральной машины, как обычно, просто наблюдая.

Как я уже сказал, вечеринка не была бы вечеринкой, если бы Бобби Б. не попытался устроить драку. Видите ли, Бобби Б. ненавидел панк-музыку. Он постоянно ворчал. «Где блин гитарные соло? Этим гребаным группам надо бы поучиться играть на своих инструментах», — говорил он обычно, ковыряясь в своем фургоне. Он пришел только из-за Ким, с которой снова помирился / поссорился. Панк-музыка была для них просто еще одним предметом спора, так я думаю. Я повернулся узнать, что Бобби Б. думает о «Морлоках!», и он снова показал мне фак, а затем опустил вниз большой палец, закатив глаза. «Хренов шум!» — прокричал он так громко, как только мог. Ким закрыла его рот рукой, покачав головой, но два качка с бритыми головами, блестящими от пота, успели это услышать. Эти ребята были правильные: нет наркотикам, нет курению — нет сексу? Не уверен насчет последнего. Они относились к тому типу людей, которые всегда ведут себя вызывающе, но никогда не получают за это по морде. Они были в одинаковых футболках «Minor Threat», что выглядело странно, и в штанах s&m с четырьмя сотнями молний, сходящими у армейских ботинок. Еще у них на затылках и на ладонях черным маркером был выведен «икс», чтобы ты знал, видимо, с кем имеешь дело. Типа быть панком недостаточно, так что им поневоле пришлось сколотить собственную группу внутри целой группы на хрен. Раздражали меня эти ребята. Ну и два этих качка обернулись и злобно посмотрели на Бобби Б., толкая друг друга локтями и скрещивая на груди руки; а Бобби Б., глядя на них, только рассмеялся. Он отодвинул руку Ким и встал, оттолкнувшись от стиральной машины и пригладив волосы, которые отрастали и из-за этого все время топорщились. «У вас что, с глазами проблемы?» — спросил он, указывая пальцем то на одного, то на второго. Я сидел прямо, не шевелясь и только наблюдая.

— Да нет, это у тебя проблемы, приятель, — сказал тот, что был повыше, снова злобно

взглянул на Бобби Б. и отвернулся, продолжая наблюдать за группой. Бобби Б. засмеялся, оглядываясь вокруг, и сунул руку в задний карман грязных джинсов. Вытащил правый кулак, надел кастет и стал его разрабатывать, с силой ударяя им по второй ладони. Сделав широкий шаг к тому, что был повыше, он обернулся на меня, а затем — БАЦ! — нанес ему быстрый удар в затылок. Парень осел, как будто у него разом перегорели все пробки; один удар — и все, он был в нокауте. Второй, намного ниже ростом, чем Бобби Б., сделал движение, будто собрался его ударить, но не сделал этого. Несколько незнакомых девчонки собрались вокруг лежащего парня, глаза которого закатились и подрагивали, а Бобби Б., подмигивая мне, вернулся на свою позицию к стиральной машине.

Такие драки случались на вечеринках не слишком часто, потому что в большинстве своем панки были слабаками. К ним придирались и их доставали в школе, так что большинство из них были паиньками. А Бобби Б., напротив, всю жизнь был хулиганом. Я считал его неплохим парнем, но на фоне всех этих занудных панков он вроде как превратился в отморозка. Ким и Бобби Б. начали ссориться, при этом она обиженно скрестила руки на груди, а он улыбался, пожимал плечами, качал головой, а затем закатил глаза и подмигнул мне. Как будто то, что он только что ударил кого-то кастетом в затылок, было просто одним из пунктов в программе вечера.

К тому моменту некоторые ребята уже стянули с себя футболки, потому что стало очень жарко; эти панки были совсем еще дети, тощие, еще даже без волос под мышками, но им было все равно, они бесились, танцевали, прыгали под крики Джима из «Морлоков!», бросающегося на гитариста, мулатика по имени Даррен, у которого, как говорили, очень богатые родители. Потом кое-кто повязал футболки вокруг лба, некоторые хлестали ими друг друга, а некоторые подбрасывали их в воздух, и тогда Гретхен, все еще с закрытыми глазами, стянула с себя футболку и бросила ее на пол, продолжая танцевать, и я никак не мог блин поверить в то, что вижу. Гретхен, черт возьми, раздевалась, и вот она уже танцевала в своем белом лифчике в синий цветочек, и я заметил, что отхожу от стены, чтобы лучше видеть. Но вокруг было столько людей, что невозможно что-либо разглядеть — что-либо кроме призрачных мягких лямочек ее лифчика, спускающихся по кремово-белой спине.

Я повернулся к Ким, чтобы понять, видит ли она это, но она уже целовалась взасос с Бобби Б., который засунул ей руку сзади в штаны, и мне было видно ее тонкое кружевное красное белье, и они вроде как трахались всухую, прямо там. Казалось, весь мир уже обнимается и целуется, прижавшись к гладким бетонным стенам, или сидя на ступеньках, или за вывешенными сушиться простынями. Эсме, проходя мимо меня, предложила бутылку будвайзера, и я сказал: «Да, черт возьми», и мгновенно осушил ее, и стал танцевать в одиночестве, и целую минуту чувствовал себя прекрасно в этом своем гребаном одиночестве. Когда я обернулся, Гретхен танцевала с каким-то чуваком — хрен знает кто такой — и я тут же остановился, и Джим из «Морлоков!» развернул микрофон к толпе на последней песне, *Rock'n'Roll Radio*, еще одной мелодии Ramones.

Вот, потом я увидел это. Я увидел, как этот парень — этот хрен знает кто с длинной скейтерской волосней и в мешковатых скейтерских джинсах, с узкой безволосой грудью и грязными паршивыми ручонками — обнимает Гретхен, целуя ее взасос, и как она активно отвечает на его поцелуй, и какие они оба потные, с закрытыми глазами, и он трогает ее грудь и все такое, и она просто позволяет ему, у всех на глазах. И казалось, все вокруг меня занимаются петтингом — Ким и Бобби Б., потом эта долговязая девчонка прильнула к какому-то новому чуваку, которого я и не видел никогда, и они практически ели губы друг другу — и я больше не мог этого выносить, так что я вытащил из холодильника бутылку пива и направился вверх по лестнице из подвала, через кухню и через заднюю дверь на улицу, чтобы выебать себя самостоятельно. По полной программе.

Я не знал, который час, но снаружи было довольно тихо, все еще очень тепло, и когда я

вышел через кухню, то обнаружил красивый серебряный бассейн, и если не считать звук бегущей через фильтр воды, здесь было тихо и уединенно и абсолютно пустынно. Чудесно пахло хлоркой, и я снова почувствовал себя мальчишкой в середине лета. Было слышно, как внизу, в подвале, Джим кричал: «Ладно, ладно, на этот раз эта песня последняя», и они начали играть *Last Caress*, песню Misfits, которая очень мне нравилась, только они ее извратили, но это ничего, уж больно хорошая была песня. Я взглянул вверх, уже появились звезды, и во всей округе стояла мертвенная мать ее тишина, и я подумал, а не прыгнуть ли в бассейн и не утопиться ли прямо здесь, но я не хотел умирать, так и не занявшись с кем-нибудь сексом, поэтому я открыл вторую бутылку и стал пить. Не знаю почему, я чуть не заплакал. Я подошел к шезлонгам и только тогда заметил, что в одном из них лежит Эсме в одном лишь белом полотенце, обернутом вокруг ее маленького тела. Глаза ее были закрыты, она курила. Внезапно она открыла глаза и заметила меня, и подскочила, испугавшись, наверное.

— Ты напугал меня, Брайан Освальд, — сказала она.

— Прости, — ответил я.

— Что ж, Брайан Освальд, сюда вообще-то нельзя, — сказала она.

— Прости, — сказал я.

— Не хочу, чтобы соседи, ну, узнали.

— Чувиха, у тебя же машин восемь на подъездной дорожке, — сказал я.

— Ты прав, Брайан Освальд, — сказала она и кивнула, а потом засмеялась. Она села, надела свои кошачьи очки и прикурила еще одну сигарету. Она была босиком, ноги ее были вытянуты. Ее плечики тоже были совершенно голые. На пальце ноги у нее было крошечное серебряное колечко, вот и все, собственно. Я уставился на него, и она это заметила, но мне было наплевать, она потянулась и взяла у меня пиво. Она сделала глоток и вернула мне его, и я сел на пластиковый стул напротив нее, дав себе обещание помалкивать, что бы ни случилось.

— И что же ты здесь делаешь, Брайан Освальд? — спросила она.

— Ничего, — сказал я.

— Тебе не нравятся вечеринки, Брайан Освальд?

— Ну не знаю. Слушай, ты чего все время меня по имени-фамилии называешь?

— Не знаю. Это забавно. У тебя забавное имя. Брайан Оссссвальд, Звучит как смешное имя.

— Да уж, точно.

— У твоей группы какие-нибудь концерты намечаются, Брайан Освальд? — спросила она, улыбаясь.

— У меня нет группы, — сказал я.

— Я знаю, — сказала она. — Брайан Оссссссвальд.

Я распрямился, нахмурившись.

— Уж кому-кому, а не тебе издеваться над именами.

— Почему, тебе что, мое имя не нравится? — спросила она, обороняясь, изгибая свои тонкие брови с подозрением.

— Нет, мне нравится, — сказал я. — Но оно довольно забавное.

Я взяла его из рассказа Сэлинджера.

— Ух ты, — сказал я. — Круто.

— Да уж. Я собираюсь заменить свое, когда мне стукнет восемнадцать, официально.

— Круто, — сказал я. — Я тоже подумывал сменить имя.

— На что?

— Винс Нейл, — сказал я, стараясь изо всех сил быть смешным.

— Ты очень смешной, Брайан Освальд, — сказала она, кивая и отпивая еще глоток из моей бутылки.

— То есть Винс Нейл, — поправил я.

— Хочешь знать мое настоящее имя? — спросила Эсме, наклоняясь ко мне. Я почувствовал ее запах: яблочный аромат ее волос, приглушенный сигаретным дымом, сладкий запах какого-то геля для душа на ее коже и даже ее пот, соленый, маленькие капельки вдоль шеи.

— Давай, — сказал я, придвигаясь еще ближе. Эсме поднесла маленькие розовые губы к моему уху, и я услышал и почувствовал ее дыхание.

— Глейдис, — пробормотала она, хихикая мне в шею. — Так зовут мою бабушку.

— Глейдис? — прошептал я. — Правда, что ли?

— Никому не говори, Брайан Освальд, — сказала она, и теперь мы смотрели друг на друга, и мы были очень близко, и я подумал, вот сейчас мы точно поцелуемся, но этого не произошло. Мы сидели рядом, наши ноги вытянуты, лицом к лицу, и мы были так близко друг от друга, что я мог видеть, как от дыхания шевелится ее нос. Затем она подошла и сделала самую восхитительную вещь на свете: она подошла и сняла очки и аккуратно сложила их, а потом, подавшись вперед и встав на цыпочки, она сделала то же самое с моими очками. Я опустил глаза и увидел свои очки и ее очки, аккуратно сложенные на подлокотнике шезлонга — почему-то немного влажного, — и затем она слегка поджала губы и сказала: «А теперь не смейся», и вытащила пластинку для зубов, маленькую, твердую, розовую, и положила ее рядом с очками.

— Теперь я готова, — сказала она, и я чуть не закричал. И мы начали обниматься и

...из ниоткуда мы обнимались и я чувствовал ее губы у своего рта и ее язык у своих зубов и мы наклонились вперед и нам было неудобно и когда она схватила меня за футболку...

...мягкий запах детской пудры от ее щек и сладкий персиковый сок в ее поцелуе и странная хлорка ее волос и бассейн и летний вкус ее рта и слюны...

...врммхххх, продолжал бассейнный фильтр и пела жара и цимбалы из *Last Caress* звенели и внизу кричали и маленькая собака где-то лаяла и влага и касанье губами губ...

...вот вот оно вот как это — нравится кому-то по-настоящему и мне по-настоящему нравится эта девочка и надеюсь я по-настоящему нравлюсь ей и надеюсь я делаю это правильно...

И Эсме заставила меня лечь на нее, и мы целовались, целовались по-настоящему, и я

чувствовал, как ее рука обвивает мою шею, и мы приближались к этому, как парочка кроликов, и тогда она остановилась и взглянула на меня, и один ее глаз, левый, действительно вроде как не поспевал за правым, и она вытянула губы в линию, и посмотрела очень серьезно, и сказала: «Ты с Гретхен?», и я сказал: «Я пришел с ней», и она сказала: «Нет, ты встречаешься с ней?», и я сказал: «Нет, мы просто друзья», и она сказала: «Если ты скажешь мне правду, обещаю, не буду злиться», и я подумал об этом секунду, и сказал: «Мы просто друзья», и она кивнула, и мы продолжили.

Спустя одну горячую минуту какой-то длинноволосый готический парень прошлепал через кухню, огляделся, кивнул и крикнул: «Бассейн!», затем стащил туфли и прыгнул в воду, даже не сняв свою черную робу. Через пару минут все эти потные панки срывали с себя остатки одежды и подсакивали в воздух, выполняя всякие трюки, — может, около шестидесяти людей бесились блин в бассейне, и кто-то кричал: «Марко!», и кто-то отвечал: «Поло», и девчонки на плечах у парней устраивали петушинные бои, и все снова целовались и обнимались, и Эсме сказала: «Хочешь пойти в дом?» Я кивнул, и мы встали, и кто-то показывал на нас пальцем, и только тогда я огляделся в поисках Гретхен, и не смог найти ее, и начал думать о самом плохом, типа она с этим скейтером, но затем она вышла, стряхивая пепел с сигареты в банку из-под пива, вроде как грустная. Должно быть, Эсме заметила, куда я смотрю, потому что она отпустила мою руку и сказала: «Иди поговори с ней, Брайан Освальд, если хочешь», и затем, вот так просто, исчезла в своем хреновом доме, и на этом все и закончилось.

Правда была в том, что я действительно хотел поговорить с Гретхен, но не знал, что сказать, и поэтому я пошел туда, где она стояла в одиночестве, прислонившись к крошечному сараю, который кто-то распахнул, чтобы стырить матрасы.

— Ну и что случилось с твоим приятелем? — спросил я, чувствуя себя полным дерьмом.

— Сказал, что ему на работу пора.

— Может, ты даже имя его спросила?

— Ага, — сказала она. — Его зовут Джереми. Он вон в ту школу ходит.

— О, да он богатенький, — сказал я.

— Тебе какая хрен разница? — спросила она.

— Никакой, — сказал я.

— Вот и прекрасно, — сказала она. — Слышала, что ты снова обжимался со своей шлюшкой?

— Она не шлюшка.

— Ну если ей пришлось соврать, что ты в рок-группе играешь, значит все-таки шлюшка.

— Ну у тебя тоже вроде не все как по маслу?

— Я знаю. Не думаю, что когда-нибудь еще увижу этого парня. Тоже мне огорчение.

— Не знаю, не знаю, — сказал я типа шепотом.

— Чего? — крикнула она.

— Не знаю, не знаю, — снова сказал я, на этот раз еще тише, и в этот самый момент мы с Гретхен стояли у бассейна, очень близко, очень близко, и пахло хлоркой и лосьоном для загара, и кто-то где-то курил траву — вон те парень с девчонкой на том краю бассейна, что ли, — и голубая ночь искрилась, и некоторые ребята полностью обнажились, и звезды отражались и текли по дну бассейна, и не знаю, я только сказал себе: *На хуй. На хуй. Почему не сейчас?* И мгновенно я задержал дыхание и схватил Гретхен за лицо обеими руками

и поцеловал ее, вонзив язык ей в рот на одно короткое мгновение, и почувствовал ее зубы и жвачку и язык, и она ударила меня в солнечное сплетение, затем вытерла рот рукой и снова ударила меня и сказала: «Ты что блядь напился, что ли, тоже?», и я сказал: «Нет». Из меня все еще выходил воздух, и я посмотрел на нее, и она все еще вытирала лицо, а затем сказала: «Что ж, тогда прекрати блядь тупить».

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Итак, у меня не было какой-то особенной песни, так что я был в дерьме. Потому теперь, все что мне оставалось — коллекция песен. Но чтобы коллекция была безупречной, ты должен показать, как ты крут, как интересен, не раскрывая при этом того секрета, что по уши влюблен в человека, для которого записываешь эту кассету. Во всяком случае, так говорила Гретхен.

— Вся фишка в том, чтобы не быть как на ладони, — предупредила она, рисуя черным маркером на коробке ухмыляющийся череп, из глазных отверстий которого, размером с блюдца, выглядывали ножи. Мы сидели в ее комнате, работая над нашими кассетами. Я пытался сделать для нее еще одну, но все равно получалось что-то чересчур сентиментальное, а она свою делала не для кого иного, как — вы уже догадались — Тони Дегана. Я наблюдал за ее работой и думал, сколько еще пройдет времени, прежде чем она закончит ее, подарит ему, и он в конце концов «испортит» Гретхен, в сексуальном смысле.

— В этом-то и проблема, — сказал я, глядя на нее, и возбуждение приклеилось ко мне, как вонь. — Я как на ладони.

— Какие ты песни выбрал?

— Не знаю. Не могу ничего хорошего придумать.

— Давай посмотрим, что ты уже записал, — сказала она. «У каждой розы есть шипы!» «Дом, милый дом!» Да что блин с тобой? Да какой девчонке это дерьмо понравится?

— Не знаю. Не могу придумать подходящей песни без того, чтобы не пустить розовые слюни.

— Для кого ты это делаешь-то? — спросила она, прищурившись.

— Для одной девчонки из школьного оркестра, — соврал я.

— Она что, шлюха?

— Нет, — сказал я. — Ей просто рок нравится.

— Вся фишка в том, чтобы показать ей, что ты крутой, и не быть каким-нибудь блин слюнтяем. Тогда это получается как бы секрет, что она тебе нравится.

— Ну, Тони Деган все равно узнает, что нравится тебе, — сказал я.

— Все нет, у меня свои методы.

— Какие это?

— Я записываю очень быстрые, очень громкие песни.

— И?

— И это не какая-нибудь любовь-морковь.

Гретхен нажала кнопку записи и начала новую песню, the Dead Kennedys, *Holiday in Cambodia*. У нее было несколько из London Callings, еще немного из раннего Black Flag — Wasted и так далее — и вся вторая часть *Operation Ivy*. Дверь комнаты распахнулась, и мы посмотрели на Ким, которая вошла, улыбаясь, в черной футболке «Misfits» и красной фла-

нелевой юбке. Ее герпес еще не прошел, и она явно постаралась скрыть его большим количеством косметики. Она прыгнула на кровать и резко ущипнула Гретхен за бок.

— Вы готовы идти, придурки? — спросила Ким.

— Похоже на то. Как ты сюда так быстро добралась? — в свою очередь спросила Гретхен.

— Знаешь этого парня с ирокезом, Майка, ну который в кинотеатре работает в торговом центре? Он меня подбросил.

— Да ты что? Он классный? — спросила Гретхен.

— Ну да. Ну, не знаю, он вроде пидор. Правда он, ну, потерся о мою ногу.

— Кажется, он милый.

— Я думала, может, он в кино может меня пустить без билета и все такое, но он там типа просто подметает. Ну так что, вы готовы или как?

— Ага.

— Я, наверное, домой пойду, — сказал я. Я встал и натянул свою джинсовую куртку.

— А что с тобой такое, детка? — спросила Ким.

— Что-то не хочется.

— Там Бобби и Тони ждут. Вы, ребята, можете посмотреть, как я отпизжу эту Лору, — сказала Ким.

— Зачем? Я думала, она нам нравится, — сказала Гретхен.

— Она мне нравилась, пока я не застала ее целующейся с этим говнюком Бобби.

— Я думал, вы, ребята, расстались и встречаетесь с другими и все такое, — сказал я.

— Ну да — в смысле, вроде как. Мы все еще вроде как встречаемся, но не разговариваем друг с другом. И я сказала Лоре, знаете, что мы с Бобби опять не разговариваем, и она такая типа: «Ну, ребята, вы должны поговорить. Все наладится» — а потом этот урод Бобби приходит и говорит мне, что он ее лапал в своем фургоне.

— Я думаю, вам двоим просто надо оставить друг друга в покое раз и навсегда, — сказала Гретхен, кивая, натягивая свои черные ботинки.

— Я бы так и сделала, если бы он не умел трахаться, но черт возьми... В смысле, знаешь, Бобби вроде как полный урод, но когда дело доходит до траха... я уже не знаю. Да, Тони Деган опять о тебе спрашивал.

Я снова уселся на пол, приготовившись слушать. Я стал перебирать записи Гретхен. Хотелось услышать, что скажет Ким, и какие, ну, у меня шансы, что ли.

— Он спрашивал обо мне? — спросила Гретхен шепотом.

— Да, спрашивал. Он сказал, что хочет снова тебя «увидеть». Как ты думаешь, что это может значить?

— Ну не знаю.

— Ты тут с ним обжималась по полной программе, на стоянке. А я-то думала, что ты, как все эти бибиситтеры, типа «я ненавижу парней, я храню свою девственность для Глена Данцига или Йена Маккеи» — и все такое дерьмо.

Я почувствовал, что сердце мое стало маленьким и съежилось, как птенец, которого бросили сгорать на солнце. Я повернулся и посмотрел на Гретхен, заливающуюся краской. Она так блин прелестно выглядела, краснея, что мне захотелось ударить кулаком в стену.

— Не знаю. Тони такой тихий, знаешь. Он очень нежный. Глядя на него, ни за что этого не скажешь, но он как ребенок. Он сказал мне, что иногда готовит для мамы, когда она устает, знаешь. Ну, не знаю в общем, не знаю.

— Ну и что? Что? Он же чудовищно сексуален.

— Не знаю. В смысле, он же, ну, он же расист. Это же полное дерьмо.

— Ну ты же ведь не черная, а? Какая тебе хрен разница?

— Нет, ну, в смысле...

— Какого тогда хрена? Он же прелесть, и он клевый, и он сказал, что втрескался в тебя. Я говорю, господи, Гретхен, я сама его выебу, если ты этого не сделаешь, придурочная.

— Наверное. Наверное, я типа боюсь.

— Господи, Гретхен, помнишь, ты была по-настоящему жирной? Помнишь, по выходным ты сидела дома и делала домашнее задание? Помнишь? Я вот помню. Ты же была настоящей занудой. Теперь ты отлично выглядишь, и у тебя есть сексуальный парень, который влюблен в тебя по уши, а ты ведешь себя, как полная уродка. В чем блин проблема-то?

— Ни в чем, — тихо сказала Гретхен.

— Прекрасно. Слушай, если там эта Лора, я надеру ее жирную задницу. И посмотрим, на чьей стороне будет Бобби. — Ким повернулась и уставилась на меня. — Ты идешь, Брайан?

— Не-а, — сказал я. Я взял свою кассету и, надувшись, засунул ее в карман.

— Ладно, увидимся. Ну пошли уже.

После этого я прошел мимо дома Рода. Я даже не поднялся и не постучал в дверь. Я только постоял и прошелся вдоль дома, и прислушался, и кто-то, может быть, папа Рода, слушал какой-то громкий, буйный джаз, и надрывалась труба, а затем вдруг стало очень тихо, и я решил, что обязан что-то сделать. Я не знал что, но что-то должен был. Все что у меня было — это гребаная коллекция песен, тайно составленная для Гретхен, и я положил кассету на его окно с освещенными из комнаты красными занавесками и постучал, убегая, прежде чем он смог меня заметить.

На следующий день после школы я приехал во Дворец Йогурта, где работала Джессика, сестра Гретхен, и сказал:

— Мне кажется, я влюблен в твою сестру.

— Да брось ты.

— Я серьезно.

— Да брось ты.

— Я хочу составить для нее коллекцию, и мне нужно знать, какая у нее любимая песня. Так какая песня у нее самая любимая?

Джессика посмотрела на меня, сощурила глаза и нахмурилась.

— Мне кажется, ты ей не нравишься, — сказала она, перегибаясь через стойку, чтобы хлопнуть меня по руке.

— Это я уже знаю. Но я, ну, хочу пригласить ее на выпускной вечер. Что мне делать?

— О Брайан, — сказала она, снова похлопывая меня по руке. — Ты ведь и понятия не имеешь, да?

— Видимо, нет, — сказал я.

— Единственное, что ты можешь сделать — это капитулировать прямо сейчас, — сказала она, убирая руку.

Тем вечером я снова пошел к Роду за помощью.

— Что? Что тебе нужно? — спросил он, стоя на крыльце, мрачно хмурясь.

— Мне нужна твоя помощь, Род.

— Что еще? Ты не под кайфом, нет?

— Нет, не в этом дело, приятель, — сказал я.

— Что тогда?

— Мне нужна идеальная песня.

— Чего?

— Идеальная песня: мне нужна идеальная песня.

Если бы я смог выбрать для Гретхен верную песню, если бы мы смогли припарковаться у кладбища и я смог бы выключить фары и вставить нужную кассету, тогда, может быть, ну, может быть, у меня появился бы шанс. Но Роду тоже не удавалось придумать верную песню. Мы сидели в позе лотоса посреди его комнаты, и вокруг нас были повсюду разбросаны всевозможные пластинки и кассеты.

— Как насчет *Come Sail Away*? — спросил он.

— Не годится, это же песня для официальных школьных балов.

— А как насчет *Surrender*? — спросил он.

— Слишком быстрое. Надо что-то поспокойнее.

— Как насчет чего-нибудь типа Элтона Джона? — снова спросил он.

— Он же пидор. Я не могу включить с этой девчонкой пидорскую музыку.

— Ну я тогда не знаю, — сказал Род. — Это безнадежно.

— Брось, не говори так. Ты единственный, кто в этом дерьме разбирается.

— Я даже не понимаю, почему я стараюсь для тебя. Ты пытался обокрасть меня.

— Видишь ли, Род, когда ты говоришь такое вот дерьмо, ты похож на слюнтяя. Я собирался взять ту пластинку, чтобы вот это сделать, но ты отказался помочь мне, помнишь?

— Но ты ведь даже не разговариваешь со мной в школе, — сказал Род. — Из-за этого я чувствую себя занудой.

— Господи, Род, ты и есть зануда. Ты сидишь один за столом в углу. Ты все время носишь этот красный свитер. Ты все время как будто хандришь, приятель.

— Я больше не хочу помогать тебе с этим, — сказал он.

— Я больше не хочу помогать тебе с этим, — повторил я, передразнивая его. — Прекрасно, но когда тебе стукнет типа восемнадцать и ты все еще будешь типа тусоваться в своей комнате, так никого и не трахнув, не приходи ко мне жаловаться, ладно? Я просто пытаюсь тебе помочь.

— Конечно, — сказал он.

— Род, я тоже не хочу, чтобы ты был занудой, приятель. Я не против тусоваться с тобой в школе, но ты же такой понурый.

— Я стараюсь не быть понурым.

— Но ты понурый. Слушай, Род, здесь нужен очень точный выстрел. Ты должен помочь мне с этой песней.

— Как когда ты пытался стащить пластинку у папы?

— Господи, да чего ты все время это поминаешь? — спросил я.

— Это типа наша любимая пластинка. Просто хочу, чтобы ты знал.

— Ты какой-то пидор. Тебе сколько лет, приятель? Ты говоришь блин, как ребенок.

— О, это потому, что я не крутой и не ругаюсь, чтобы показать это? Блядь это, на хуй то.

— Я знал, что не стоит тратить на тебя время, — сказал я и поднялся. Он протянул руку, делая мне знак остаться.

— Подожди минутку, только минутку. Как насчет инструменталки?

— Чего?

— Это сделает тебя крутым. Такая песня, знаешь, без слов, знаешь, как будто вы в кино или что-то в этом роде.

— Инструменталка?

— Ага.

— Ну и что ты задумал?

ТРИДЦАТЬ

В дальнем углу на стоянке «Хонтед Трейлз» в фургоне Бобби сидели мы — Тони Деган, Бобби Б. и я — и делили сорокадолларовый пакетик с травкой. Играл Aerosmith, *Sweet Emotion*, и я надеялся увидеть Гретхен, потому что в кармане у меня была новая, улучшенная Родом, версия моей коллекции, и я только ждал подходящего случая, чтобы вручить ей кассету, а она все не шла, и Бобби спросил, не хочу ли я освежиться в его фургоне. Песня, которую мы с Родом в конце концов выбрали, была *Sleepwalk*, такая песня из 50-х, Санто и Джонни, и я думал о ней, когда Тони Деган заговорил со мной.

— Ты тихоня, а, Брайан Освальд?

— Наверное, — сказал я.

— Ты где живешь?

— Эвергрин-парк, — сказал я.

— Да, я тоже, — сказал он. — Ты в последнее время не наблюдал ниггеров в округе?

— Не-а.

— А я да. Тусовались там, в парке, — сказал он.

— А, — сказал я.

— Черные, приятель, они ведь живут блядь, как животные.

— Правда? — спросил Бобби.

— Они живут блядь, как животные, и что самое страшное — они живут прямо рядом с тобой. Только недавно трое из них играли в баскетбол в Эвергрин-парк, как будто им там

принадлежит все, прыгая, срывая сетки. Не потерплю этого дерьма. Это блядь наш район. Отец мой не для того свою задницу всю жизнь надрывал, чтобы кучка каких-то ниггеров тут поселилась и стала продавать свой чертов крэк и рожать своих чертовых детей и ломиться по ночам в мой чертов дом. Только неделю назад кто-то спер велосипед моего братишки. Мой отец блядь заплатил за него, у него пособия ведь нет никакого. В общем, меня это дерьмо достало. Пойду сегодня вечером в парк, и если там эти ниггеры околачиваются, убедительно их отделаю, чтоб поняли, что лучше бы им на хуй свалить. И на хуй не показываться в Эвергрине.

— А как насчет копов? — спросил Бобби, прищуриваясь.

— Копы тоже от них не в восторге. Я знаю, что они на моей стороне, но у них связаны руки. Так что это между нами, договорились?

— Договорились, — сказал Бобби.

— А как насчет тебя, Брайан?

— Не думаю, Тони.

Я стал открывать дверь фургона, и Тони тут же выскочил, и когда я выбрался, то повернулся и наткнулся на Гретхен. Она стояла, оперевшись на «шевроле эль камино», припаркованный поблизости. Я улыбнулся и подумал, не стояла ли она там все это время в ожидании. Прежде чем я успел что-нибудь сказать, Тони Деган уже всю ей улыбался, и она улыбалась в ответ, и я почувствовал, как вес кассеты в моем кармане начинает стремиться к нулю, полностью исчезая, прямо вот так.

— Здравствуй, — сказал я.

— Привет, — сказала она, все еще глядя на Тони.

— Приветтики, — сказал Тони с легкой наркоманской ухмылкой.

— Ты там был с какой-нибудь девчонкой? — спросила его Гретхен, полу-улыбаясь, полухмурясь.

— Я с девчонками не тусуюсь, — сказал Тони. — От них с ума можно сойти, — засмеялся он. — И что, вот так вот ты здороваешься?

— Привет.

— Привет. Ты пришла увидеться со мной? — спросил Тони, подмигивая, а затем медленно, очень нежно взял ее за руку. Гретхен замерла. Он держал ее за руку и улыбался, пробегая пальцами по серебряным кольцам. От этого меня чуть не стошнило, но я не хотел уходить. Не знаю почему, но я хотел увидеть, как это все случится.

— Всего нет. Ну, я пришла с Ким. Она снова ищет эту Лору. По всей видимости, Лора обозвала ее трансвеститом.

— Лора уже свалила. Она на Бобби глаз положила.

— Ким знает. Она говорит, что надерет ей задницу, если увидит ее поблизости.

— Да? А вы жесткие девчонки, а? — засмеялся он.

— Ким да. А я — я так, за ней увязываюсь.

— Хочешь свалить? Покататься на фургоне Бобби? — спросил Тони, и я почувствовал, как пылает мое лицо. Я собирался просто стоять и наблюдать за всем этим. Я не собирался говорить ни слова. Почему? Потому что какое это имело значение? Какое это все вообще имело значение?

— Кто, я? — спросила Гретхен, широко улыбаясь.

— Да, ты. Хочешь куда-нибудь сходить?

— Ну не знаю, — она посмотрела на свои ботинки.

— О, да ты ломаешься, а? Ладно, что если мы пойдем перекусим где-нибудь, только я и ты? Как это тебе? — он переплел свои пальцы с ее и сжал ей руку.

— Типа в настоящий ресторан? Со столиками и все такое? — спросила она.

— Типа чего?

— Ну не знаю. «Дюкс»?

— Автомобильный? Там нет никаких столиков, — сказал он, улыбаясь.

— Это ничего.

— Значит договорились. У меня только десять баксов, так что не заказывай там лобстеров или еще что-нибудь такое.

— Ладно.

— Ладно. Никуда не уходи, я только возьму у Бобби ключи. — Тони отпустил ее руку и широким шагом направился назад, на угол стоянки, где курил Бобби Б.

— Хорошо, Тони, — вздохнула она кивая, стоя рядом со мной и меня не замечая. Кассета в кармане моей рубашки распалась на молекулы. «Хорошо, Тони».

ТРИДЦАТЬ ОДИН

Офигенные песни про дьявола, чтобы слушать, пока вонзаешь оружие в кого-нибудь, типа, не знаю, Тони блядь Дегана, предлагая сатане его душу.

1. Twist of Cain (Danzig)
2. Черная магия / Black Magic (Slayer)
3. Иисус-Спаситель / Jesus Saves (Slayer)
4. Число зверя / Number of the Beast (Iron Maiden)
5. Ори на дьявола / Shout at the Devil (Mötley Crüe)
6. Хелтер Скелтер / Helter Skelter (Beatles)
7. Дети зверя / Children of the Beast (Mötley Crüe)
8. Южные небеса / South of Heaven (Slayer)
9. Прыгни в огонь / Jump in the Fire (Metallica)
10. Мистер Кроули / Mr.Crowley (Ozzy)
11. Душа в огне / Soul on Fire (Danzig)
12. Позади кривого креста / Behind the Crooked Cross (Slayer)
13. Антихрист / The Anti-Christ (снова блин Slayer)

ТРИДЦАТЬ ДВА

О'кей, иногда смеха ради Ким и Гретхен вели все эти разговорчики, пока я сидел на заднем сиденье, и они из кожи вон лезли, только бы надо мной поиздеваться. После школы мы разъезжали по окрестностям, убивая время, если Ким не надо было на работу, и они

сидели впереди, а я сзади, и вели эти свои разговорчики и насмеялись над тем, какой я придурок, а я просто сидел и все это кушал. Почему? Потому что, ну, вы уже знаете, почему.

— Эй, Брайан, ты знаешь, что если ладонь у человека больше, чем лицо, значит у него рак? — и я подносил ладонь к лицу, чтобы измерить, и — БАЦ! — Ким хлопала меня по руке, и получалось, что я сам себе давал пощечину.

Или вообще откровенные оскорбления:

— Эй, Брайан, — говорила Ким. — Ты слышал, что в Германии делают такие машины, чтобы сексом с ними заниматься. Дрочильные машины?

— И?

— И вот. Наконец-то ты сможешь потрахаться, — смеялась она. — Понял? Ты же у нас девственник. И тебе, чтоб потрахаться, понадобится машина. — И она сильно пихнула меня ногой и, фыркнув, засмеялась.

— Пошла бы ты, шлюха, сососала, — сказал я.

— В общем так, — сказала Ким, поворачиваясь к Гретхен. — Я слышала, кто-то с кем-то в чьем-то фургоне делал какие-то гадости.

— Чего? — спросила Гретхен.

— Я слышала, кто-то с кем-то в чьем-то фургоне делал какие-то гадости.

— Не знаю, не знаю, — прошептала Гретхен.

— Бобби сказал, что он дал Тони ключи и вы двое испарились. Ну, что ты скажешь в свою защиту?

— Ничего. Не знаю.

— Ты становишься настоящей гребаной шлюхой.

— Нет. Никто... ну, никто на меня не смотрит так, как он.

— Чего?

— Больше никто так на меня не смотрит. Как будто хочет... ну не знаю, сорвать с меня одежду, что ли.

— Слушай, тебе надо как-нибудь пойти потусоваться в этот чертов «Замок Аладдина», знаешь, галерея видеоигр в торговом центре? Я должна была там встретиться с Бобби, и он, блин, как обычно, опаздывал, так что я там была одна-единственная девчонка, и можно было подумать, что я Хизер Локлир какая-нибудь — гребаные зануды.

— Он даже ничего не сказал. Он только посмотрел на меня, понимаешь. Так внимательно посмотрел, как в кино. Потом подошел и положил руку мне на лицо, вот так, — Гретхен нежно поднесла ладонь к щеке Ким. — А потом сказал: «Хочешь пойти куда-нибудь?», и я сказала: «Хорошо».

— Ты лучше будь начеку. Сама знаешь. Может, он просто хочет попользоваться твоей маленькой сладкой пизденкой.

Гретхен нервно распрямилась на жестком пластиком сиденье.

— Зачем? Зачем ты это сказала?

— Что?

— Вот что ты только что сказала? Ты зачем это сказала?

— Что? Я ничего не говорила. Я так — стебалась, — сказала Ким.

— Что ты сказала по поводу того, что он использует меня? Как ты могла сказать такое?

— Ну не знаю. Ну сказала, я же просто стебалась.

— Что? Что он использует меня, потому что я ему действительно нравлюсь?

— Нет, я имела в виду, что он, ну, пытался тебя...

— Ты не знаешь, что это такое, Ким. Не знаешь.

— Ну и черт с тобой. Снова здорово, — Ким опустила назад спинку сиденья и закатила глаза.

— Нет, это с тобой черт. Ты никогда не была жирной. Ты не знаешь, каково это. Парни ни за что не заговорят со мной, если только, знаешь, тебя нет случайно поблизости, знаешь, чтобы выяснить, есть у тебя кто-нибудь или нет, и попробовать трахнуть тебя или хоть как. Ты даже понятия не имеешь. Ты ни разу в жизни не чувствовала себя уродиной.

— Какого хуй? Я знаю, что это такое. Парни меня боятся!

— Ну это только потому, что тебе этого хочется. В смысле, тебе нравится, что парни боятся тебя. В смысле, я блин не просила, знаешь, чтоб меня рожали пятидесятого размера. На хуй. Не в этом дело даже. Так будет всегда, даже лет через сто так будет. Люди не любят уродливых людей. Это типа последний настоящий предрассудок.

— Да, уродливых и еще черных.

— Ну не знаю. Ты понимаешь, что я имею в виду, — сказала Гретхен.

— Все парни — гребаные придурки. Им только и хочется, что выебать кого-нибудь. Знаешь этого Майка, из торгового центра, с ирокезом? Он мне не звонит больше.

— Потому что под юбку тебе залез?

— Откуда мне знать блин. В смысле, блин, он же даже не крутой. Он такой типа увалень, понимаешь. Он даже не панк, только одевается так. Комиксы любит и всякое такое дерьмо. Я к чему — единственное, что есть в нем хорошего — так это его тачка. И это типа такая замена всему.

— У Бобби есть фургон, — сказала Гретхен.

— Но Бобби — полная задница. В смысле, он сказал этой чертовой Лоре, что она «девушка его мечты». Ты можешь в это поверить? Я же была первая женщина, которая, блядь, у него отсосала!

— Ну, она тоже, наверное, у него отсосала.

— Иногда мне хочется, чтобы на свете не существовало этих сраных парней, серьезно. Задницы сраные. Кроме тебя, Брайан, — сказала она, а потом, — нет, нет, включая тебя.

— Помнишь, мы как-то всем говорили, что прилетели из космоса? С планеты Нав-о-нод? — спросила Гретхен.

— Потому что Нав-о-нод — это Джон Донован наоборот, — сказала Ким.

— Я так была влюблена в Джона Донована.

— И я. Он теперь на «эль камино» разъезжает — говнюк.

Обе девчонки застонали, сморщившись. Я тоже засмеялся, вспомнив Джона Донована, высокого красивого блондина с густой тщательно уложенной шевелюрой, похожего на ведущего какой-нибудь телевикторины.

— Как тебя звали? — спросила Гретхен.

— Занаду. Как в песне Оливии Ньютон Джон.

— Слушай, так вот что нас погубило. Когда ты рассказала об этом миссис Пинчи в седьмом классе, она уже не могла воспринимать нас серьезно.

— А то, я же старалась. А как тебя звали?

— Я была Королева Фей, — с улыбкой сказала Гретхен.

— Вообще чушь какая-то.

— Знаю. В этом-то и была вся крутизна.

— Наверное.

— Помнишь, как мы Брайана до усрачки напугали?

Я выпрямился и просунул голову вперед.

— Что? Что вы там обо мне сказали?

— Помнишь, мы сказали тебе, что на нашей планете нет мужчин и что мы собираемся плодиться от тебя, чтобы продолжить наш род? — спросила Гретхен.

— Чувак, ты выбежал из комнаты и упал с лестницы. Я думала, ты сблюешь, — сказала Ким.

— Да уж, — сказал я. — Это было охуительно.

— Эй, Брайан, — спросила Ким. — Ты все еще сраный девственник?

— Он собирается вечно быть девственником. Даже если потеряет невинность, — ответила за меня Гретхен.

— Ты уверен, что ты не... ну, не пидор? — спросила Ким.

— Я не пидор, — сказал я.

— Он не пидор, — снова ответила Гретхен. — Он просто типа «Я буду жить у мамы в подвале и работать дворником всю оставшуюся жизнь».

— Черт, я же однажды застала Брайана, когда он мне поцелуйчики посылал, — сказала Ким. — Ты помнишь? — спросила она меня.

— Чего? Когда это? — спросил я.

— Пару лет назад, летом, классе в восьмом, когда мы палатки поставили у Гретхен во дворе. Помнишь, когда была вечеринка математической команды? — она повернулась к Гретхен и улыбнулась, — и твоя мама приготовила нам поп-корн и хот-доги, и твой папа пытался рассказывать нам всякие страшилки, и у него была расстегнута ширинка?

— Да, — сказала Гретхен с улыбкой.

— Ну, я проснулась посреди ночи и увидела, как Брайан уставился на меня и воображает, будто меня целует.

— Не было такого, — сказал я.

— И что ты ему сказала? — спросила Гретхен.

— Я сказала: хватить пошлить, урод.

— А он что? — спросила Гретхен.

— Он сказал, что просто тренируется. Он сказал, что в один прекрасный день я все осознаю и захочу с ним целоваться.

— Не было блин такого никогда, — снова сказал я. С минуту было тихо, и затем заговорила Гретхен.

— Лучше бы мы так и остались детьми. Черт.

— Да. Но блин, когда я думаю о Бобби и о его члене, я ни за что не хочу снова становиться ребенком.

— Наверное. Тебе это, наверное, проще. Но разве хоть иногда тебе не хочется снова стать маленькой?

— Нет, это был отстой. Я хочу быть сама по себе как можно скорее. И ты тоже. В смысле, надо же когда-нибудь вырасти, правда? Слушай, пока ты меня не высадила, можно я твою домашку по геометрии возьму?

— Да, я как раз все сделала, — Ким залезла в сумку к Гретхен, пошарила там и вытащила тетрадку по геометрии.

— Утром верну, ладно? — спросила она.

Мы подъехали к торговому центру «Чикаго ридж», прямо ко входу с кафешками, в одной из которых Ким работала, и она выскочила. «Увидимся», — сказала она Гретхен, затем повернулась ко мне и прижалась своей роскошной грудью к оконному стеклу. «Пока, любовничек», — сказала она, пыхтя и смеясь, выплюнула жвачку и исчезла за тяжелыми стеклянными дверьми.

— Ты пересядешь вперед? — спросила Гретхен.

— Нет, если ты будешь надо мной издеваться, — сказал я.

— Ну и сиди сзади, педик, — сказала она и со смехом завела машину.

ТРИДЦАТЬ ТРИ

После обеда мы с Гретхен по прежнему катались туда-сюда мимо дома Стейси Бенсен, не знаю, почему. Может, чтобы убить время, или потому что Гретхен все еще чувствовала себя виноватой за то, что разукрасила ей лицо, или наоборот, чтобы помучить ее — серьезно, не знаю. Было около половины четвертого, сразу после школы, и, проехав мимо три или четыре раза, Гретхен в результате припарковала машину и вышла. Я последовал за ней, понятия не имея, какого черта она затеяла. Гретхен подошла к цементному крыльцу и позвонила, и я удивленно посмотрел на нее и спросил: «Ты чего делаешь?», и Гретхен только пожала плечами да сдунула с лица упавшие пряди.

Вот так вот просто Стейси открыла дверь, все еще в школьной форме, идеально облегающей ее стройное тело, и в розовом свитере, волосы ее были убраны в конский хвост. Облокотившись на косяк, она пила диетическую колу, и не будь ее глаза все еще черно-синими, а нос в белой марлевой повязке, она бы наверняка выглядела что надо. Стейси курила, элегантно выпуская дым из уголка губ, и я подумал, что теперь вижу — взгляд, побитый, как и ее лицо, и убежденность в том, что она всегда будет лучше нас, вопреки всему. Наверное.

— Да? — сказала Стейси. — Брайан Освальд? Вы чего, ребята, хотите?

— Так вот где ты живешь, — сказала Гретхен, заглядывая в огромную прихожую, всю в серебре и зеркалах. Я подумал, что вопрос, в общем, странноватый, учитывая, сколько раз мы тут уже были.

— Да, — сказала Стейси, выдыхая дым.

— Мило, — сказала Гретхен.

— Да, очень, — сказал я и решил, что на этом мои попытки поговорить со Стейси Бенсен окончены.

— Да. Полагаю, здесь недурно, — сказала она. — Я видела, как вы вчера проезжали мимо. Чего вам надо?

— Ну не знаю. Просто зашли узнать, как ты.

— Ну с лицом у меня все еще полная жопа. Я думаю, ты меня чем-то заразила.

— Да, ну прости, — прошептала Гретхен. — Ну? Ты и в самом деле залетела?

Стейси посмотрела на Гретхен, затем на меня и выдохнула целое облако дыма.

— Тебе-то что?

— Не знаю, — сказала Гретхен, пожимая плечами. — Я думала блин, может, мы можем тебе чем-нибудь помочь.

— Я не беременна. У меня вчера начались месячные, — сказала Стейси, выдыхая. Она снова затянулась и кивнула сама себе.

— Ну, — сказала Гретхен, кивая в ответ. — Это же хорошо, да?

— Да. Теперь Марк Дейтон может идти и трахать, кого ему блядь угодно.

— Марк Дейтон? Парень из «Мариста»? Это он? — спросила Гретхен.

— Да. Ты его знаешь?

— Думаю, да, — сказала Гретхен. — Тот еще блядун.

— Да уж, — сказала Стейси.

Девчонки посмотрели друг на друга — Стейси со скрещенными руками, Гретхен кивая, вроде как говоря: *Может быть, ты и в порядке, может быть.*

— Ну, так это вы со зверями устроили? — спросила Стейси.

— Со зверями? — спросила Гретхен.

— С садовыми зверями, как будто они трахаются.

— А это. Да, это мы, — сказала Гретхен.

— Нафига?

— Ну не знаю, — прошептала она. — Подбодрить тебя, что ли.

— Меня это не подбодрило. Меня это вывело из себя.

— Прости, — сказала Гретхен.

— Да ладно. Это было довольно забавно.

— Да уж.

— Ну, ладно, спасибо, что зашли, что ли.

— Ага.

На секунду мы замерли на крыльце, под нарастающий хохот какой-то комедии. «*Чарльз в ответе*»? Она что, смотрела телевизор? Она так же одинока, как и мы, внезапно подумал я.

— Хотите зайти или что? — спросила Стейси, поддерживая повязку на носу. С краю на ней были видны крошечные пятнышки крови.

— Не знаю. Можно сигаретку стрельнуть? — спросила Гретхен.

Стейси кивнула, вытащила из кармана розового свитера пачку и протянула Гретхен. Гретхен нервно нащупала сигарету, засунула ее в рот, заметила, что она ментоловая, спро-

сила: «С ментолом?», на что Стейси кивнула, но Гретхен все равно прикурила.

— Брайан хочет? — спросила Стейси.

— Нет, он не курит, — сказала Гретхен.

— Нет, — сказал я. — Берегу здоровье, — сказал я и решил окончательно, что больше не произнесу ни слова.

— Ну, — прошептала Гретхен, снова кивая.

— Ну, — прошептала Стейси в ответ. — Ну. Ты когда-нибудь была в солярии?

— Кто, я? — спросила Гретхен. — Не-а.

— У меня внизу солярий. Хотите посмотреть?

— Ну не знаю. Не то что бы, — сказала Гретхен, пожимая плечами.

— Ну, может, хотите помочь мне печь печенье? Я обещала братишке, что испеку немного.

— Не, не знаю. Но спасибо, что спросила. Пойдем мы, наверное, Брайану домой надо.

— Ладно, — сказала она.

— Ладно.

— Увидимся, да?

— Да, увидимся, — сказала Гретхен, спускаясь по ступеням. Как только дверь закрылась, Гретхен схватила первого синего кролика, приставила его сзади вплотную к гному, как будто он его пялит, побежала к машине, завела ее и стала дудеть. Стейси Бенсен подошла к двери, держась за нос, и кивнула, глядя на бедных кролика и гнома, но в сад не вышла. Невозможно было сказать, смеется она или плачет.

После этого мы поехали к футбольному полю школы «Мариста», где, как сказала Гретхен, по всей вероятности, тренировался приятель Стейси Бенсен. На всех качках была красная футбольная форма, и все они делали упражнения и тренировали передачи, и после каждого движения шлепали друг друга по заднице. Мы с Гретхен сидели в «эскорте» и слушали треск холостых оборотов и шипение песни *Wasted*, *Black Flag* по радио.

— Ну и что мы здесь делаем? — наконец спросил я.

— Мы собираемся надрать этому парню задницу.

— Собираешься переехать его или что?

— Нет. Не знаю. Идеи есть?

— Нет.

— Можем чем-нибудь бросить в него и уехать.

— Типа чего?

— Как насчет кирпича?

— Ну не знаю. Может, обьедки какие-нибудь, типа чили?

— Нет, нет, я придумала, — сказала она. — Как тебе мешок с дерьмом?

— И где ты собираешься достать мешок с дерьмом?

— Ну не знаю, — сказала она. — Ты срать не хочешь?

— Не-а, — покачал я головой.

— Ну ладно, а как насчет мешка с мочой? Ты вообще писаешь?

— Могу пописать, — сказал я. — Да, точно могу пописать. Где возьмем мешок?

Мы подъехали к магазину на 103-й, купили самый большой пакет на молнии и вернулись обратно, припарковавшись у футбольного поля ровно на том же месте. Я подумал, что если сделаю это, Гретхен решит, что я типа крутой — знаете, что мне наплевать на то, что меня разукрасят и все такое, — и меня это устраивало, пока мы сидели на стоянке в школе «Мариста», и она сказала:

— Хорошо, давай писай.

— Прямо здесь?

— Да мне все равно.

— Я не стану ссать у тебя на глазах.

— Почему нет? — спросила она.

— Да пошла ты, — сказал я.

— Тогда давай там, за машинами.

— Ладно.

Я выпрыгнул из машины, взяв с собой большой пластиковый пакет. Пригнулся за чьим-то красным кабриолетом, расстегнул штаны, вытащил член и стал писать в пакет. Моча была горячая и воняла, и я, поморщившись, усмехнулся. Гретхен сидела в машине, наблюдая за всем в зеркало заднего вида. Я пописал, наполнив пакет наполовину, и быстро его застегнул. Пакет с мочой, горячий и запотевший изнутри, я понес обратно в машину и собрался уже сесть, как Гретхен сказала:

— Чувак, в машину ты с этим не сядешь, — и заперла дверь изнутри. Я остался стоять, держа в руках пакет и в недоумении тряся головой.

— Чувиха, — сказал я. — Я ведь этого не собирался делать. Ты меня заставила, так что открывай дверь.

— Смотри, смотри, тренировка заканчивается, — сказала она, указывая на поле. Вся футбольная команда собралась вместе, все уже сняли шлемы, волосы их были растрепаны, а красивые лица блестели от пота.

— Ты знаешь этого парня? — спросил я.

— Знаю, — сказала она.

— И как мы это сделаем?

— Мы подъедем, ты откроешь пакет и все на него выльешь.

— Я? — спросил я.

— Я же за рулем, — сказала она.

— Ладно, хрен с тобой, как хочешь, открывай дверь, — сказал я.

Гретхен отперла замок, и я уселся, держа пакет в вытянутой руке.

— Воняет, — сказала Гретхен.

— Да уж.

— Она ярко-желтая! — закричала она, зажимая нос и смеясь. — Почему она такая желтая?

— Ну не знаю. Я принимаю по утрам витамины, может, из-за этого.

— Господи, да положи ты это назад или куда-нибудь.

Я кивнул и пристроил пакет вниз, к ногам.

— Теперь что? — спросил я.

— Теперь ждем, — сказала она и сдала назад, к краю стоянки, где шла длинная цементная дорожка от раздевалки к машинам. Мы подождали, слушая одни и те же песни снова и снова, потому что кассета застряла в магнитоле, и их монотонность, на которую всегда можно было рассчитывать, была знакомой и успокаивающей. Минут через двадцать коричневая металлическая дверь раздевалки распахнулась, и из нее вывалилось пять или шесть футболистов, смеясь, фыркая, хлопая друг друга по рукам.

— Ладно, говори кто, — сказал я.

— Блондин, — сказала она. — С такой ухмылкой, как будто дерьма наелся.

— Откуда ты его знаешь?

— Он трахнул Ким, когда она была еще в команде поддержки, — прошептала Гретхен, и я сразу понял, что все это в большей степени было из-за Ким, чем из-за старушки Стейси Бенсен. Я посмотрел туда, где шагали футболисты — посвистывая и покрикивая, — и Гретхен наклонилась и указала, больно ухватив меня за плечо: «Вот он. Вот он, блядь».

Я тяжело сглотнул и схватил пакет с мочой.

Этот парень, Марк Дейтон, выглядел не таким уж говном, если не считать того, что он был высокий, светлый и красивый — девчонки от таких писают кипятком. Его мокрое лицо сияло, а на плечи было наброшено белое мягкое полотенце, которым он все еще вытирал волосы, обговаривая какую-то важную футбольную дребедень с другим качком, и оба они серьезно кивали, бормоча что-то вроде «32-29-26, марш?» и «повертеть, передать, первый вниз?».

Я открыл дверь, ухватился за ручку левой рукой, держа пакет с мочой правой, и ждал, ждал, ждал, пока Марк Дейтон не оказался в метре от «эскорта». Тогда я распахнул дверь, прокричал «Эй, блядун» — и швырнул пакет в грудь Марку Дейтону. Пакет подлетел прямо к нему, ударив его точно в шею, затем упал к его ногам, закрытый, даже не разорвавшись — просто горячий, чистый пакет с мочой. Я остро почувствовал весь идиотизм ситуации, внезапно осознав: *Я забыл открыть его. Я забыл открыть этот хренов пакет.*

— Что за черт? — спросил толстошейй чувак, стоявший рядом с Марком Дейтоном, сбрасывая с плеча спортивную сумку и устремляясь к машине, но Гретхен уже нажала на газ. Я не успел закрыть дверь и чуть не словил край чьей-то куртки, прежде чем мы умчались прочь со стоянки, как в каком-нибудь фильме с погонями.

— Прости, — сказал я некоторое время спустя. — Похоже, я забыл открыть пакет.

— Да ты просто идиот, — только и сказала Гретхен.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Ну, я выпил по паре пива с мистером Д. Как я уже говорил, я зашел, чтобы увидаться с Гретхен, до выпускного вечера оставалось всего дней пять, и я решил, что наконец, наконец, наконец приглашу ее. Мистер Д. открыл дверь и сказал: «Эй, Брайан, как поживаешь, приятель?», и в руке он держал банку пива «Бист» — лучшее в Милуоки, папа тоже любил его, — и я подумал, что он пьет уже какое-то время, потому что он забыл снять фартук типа «поцелуй повара» и улыбался немного слишком, и подмигивал мне, что ли. Втянув голову в плечи и уставившись на ботинки, я спросил:

— А, ммм, Гретхен дома?

— Брайан, девочек сегодня вечером не будет. Джесс на работе, а Гретхен где-то с Ким, — что, насколько я знал, было полной чушью, потому что Ким была на работе в «Орандж Джулиус», и что очевидно означало, что Гретхен либо тусуется в «Хонтед Трейлз» одна-одинешенька в надежде отсосать у Тони Дегана, либо занимается с ним, чем там она решила заняться, прижатая сверху его ручищами неандертальской гориллы.

— А, ну ладно, — сказал я. — Я позвоню ей попозже.

— Можешь подождать ее здесь.

— Да нет, не знаю, я могу домой пойти.

— Да ладно, приятель, почему бы тебе не зайти и не выпить со мной. Как тебе эта идея?

Ну что ж, нигде, ни разу за всю мою недолгую жизнь ни один взрослый не предложил мне с ним выпить гребаного пива. Это было так странно и так нелепо, что я не нашелся, что ответить, кроме как *ну, ммм, да, пожалуй*.

Кивнув, я вошел в дом за ним следом, и мы направились в кухню. Он выудил еще одну банку «Биста» из холодильника и вручил ее мне, вот так просто, как будто мы, я и он, регулярно выпивали вместе.

— Пстой минутку — тебе нужен бокал? — спросил он.

— Нет, из банки нормально, — сказал я, чувствуя себя страннее и неудобнее, чем когда-либо. Я последовал за ним к кухонному столу, и мы уселись друг напротив друга. Он стал приглаживать редящие волосы и странно мне улыбаться.

— Значит, только мы вдвоем. Только мужики, — вздохнул он. — Только мужики. Холостяки, — сказал он.

— Точно, — сказал я.

— Слушай, сколько вы с Гретхен уже знакомы? — спросил он, вроде как удивляясь собственному вопросу.

— С седьмого класса, — ответил я.

— Точно-точно, вы же были вместе в команде по математике, да?

— Да.

— Вперед, команда по математике! — проскандировал он. — Хорошее было время, а?

— Наверное.

— Вас, ребята, было не остановить, а? Вперед к победе!

— Точно, — сказал я.

— А что случилось с тем китайским мальчиком из вашей команды?

— Грегом? Он был филиппинец, — сказал я.

— Да, с тем мальчиком. Великолепный был мальчик. Так что с ним случилось?

— А, знаете, в старшей школе учится, — сказал я, делая большой глоток из банки.

— Да, в старшей школе, — сказал мистер Д. — Слушай, помнишь, вы вышли в полуфинал и мы все поехали в Спрингфилд?

— Ага.

— И миссис Д. всем вам сделала футболки с надписью «Победители полуфинала математической олимпиады», а вы не выиграли, но все равно все носили эти футболки?

— Да, забавно было.

— Да, — сказал мистер Д. — Забавно было. Помнишь, мы остановились на стоянке для грузовиков, и та маленькая девочка — как ее?

— Андреа?

— Андреа не хотела возвращаться в машину, потому что очень расстроилась из-за того, что вы проиграли.

— Да, — сказал я, — странная была девочка.

— Ну, это все ее родители, — сказал мистер Д. — Они от нее слишком многого требовали, понимаешь? А мы всегда хотели только, чтобы вы старались, верно?

— Верно.

— Эта бедная девочка, ну, она была, что, в седьмом классе? — спросил мистер Д.

— В седьмом, точно, — сказал я.

— И ее родители, наверное, очень сильно давили на нее, раз она так расстроилась.

— Точно, — сказал я.

— Ну и, — улыбнулся он, кивая, — миссис Д. успокоила ее и, хотя Андреа и была в седьмом классе, усадила ее к себе на колени, и мы поехали домой, и вы все с таким пониманием к этому отнеслись. Ты никому не рассказывал об этом, да ведь, Брайан?

Я никому никогда не рассказывал об этом дне. Не знаю почему, но только никогда и никому.

— Нет, — сказал я. — Никогда не рассказывал.

— Я не знал, что этот день станет одним из лучших моих воспоминаний, — продолжил он, по-прежнему улыбаясь и кивая. — Никогда не знаешь. В этом вся штука. Ты никогда не знаешь, какое время будет для тебя важным потом, когда пройдет.

— Да уж, — сказал я, чувствуя себя все более идиотски с каждой гребаной минутой. — Наверное.

— Поэтому не надо беспокоиться. Надо просто быть счастливым, когда можешь.

— Неплохо звучит, мистер Д., — сказал я. — Слушайте, я, наверное, домой пойду. Я позвоню Гретхен попозже.

— Брайан? — прошептал мистер Д., поднимая голову.

— Да?

— Ты хороший мальчик. На случай, если тебе никто никогда не говорил этого, — сказал он, и я чуть было прямо там блин не расплакался.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

Правда заключалась в том, что я был по уши влюблен в Гретхен и хотел пригласить ее на выпускной вечер, но я был слабак, и меня сильно смущало то, что я влюблен в нее, потому что она была толстой, и еще потому, что, ну, я знал, что даже не нравлюсь ей. И не только это, еще она была крупнее меня, физически, и еще потому что в глубине самой честной части своей души я знал две вещи: первое, она все еще влюблена в Тони Дегана, и второе, она может безо всякого труда надрать мне как следует задницу ровно за пять секунд.

Так что правда заключалась вот в чем: до выпускного вечера оставалось два дня, и я думал, что, возможно, пожалею, если пойду с Гретхен. С меня было достаточно того, что я

уже пережил в старшей школе, и, ну, вы знаете, все никак не мог приспособиться и все такое, и я боялся, что Гретхен может что-нибудь устроить во время танцев, знаете, например, сломать руку Эми Шефнер. Я не шучу — в смысле, она уже такие вещи делала.

В общем, когда мы с Гретхен катались в «эскорте», я сказал ей, что никого еще не пригласил на выпускной вечер. «Я скорее всего вообще не пойду», — сказал я, надеясь, что она что-нибудь ответит, типа *нет-нет, пригласи меня*, но вместо этого она сказала:

— Выпускной вечер — это самое шовинистическое мероприятие в мире. Это типа как «слушай, я купил тебе букетик на корсаж, а ты теперь мне минет сделай».

Я кивнул, хотя это было не совсем то, что я думал по этому поводу. Пару минут мы сидели в тишине, затем Гретхен вздохнула и посмотрела на меня.

— Я должна тебе что-то сказать, — сказала она.

— Что? — спросил я.

Она выключила Клэш, или что там играло, и мгновенно я заметил, что она собирается заплакать, и она попыталась улыбнуться и сказала:

— Я почти позволила Тони Дегану трахнуть себя.

— Что?

— Я почти позволила Тони Дегану трахнуть себя. Два дня назад. На заднем сиденье, — сказала она, оглядываясь через плечо. — Прямо перед его домом.

— Господи, Гретхен, ему же лет тридцать, — сказал я.

— Двадцать шесть, — сказала она, и я бы сказал, что она была не столько расстроена, сколько зла. — Дело в том, что это мне даже понравилось, — прошептала она. — Не то чтобы я знаю, конечно, он ведь у меня самый первый.

Я кивнул, потому что *а что я мог сказать?* Я ужасно переживал за нее и чертовски злился, потому что, ну, я ведь ходил тут с эрекцией каждые десять минут, и ей надо было только попросить.

— Поехали съедим что-нибудь, — сказала она. — Я плачú.

Так что мы направились к «Хонтед Трейлз». Когда мы припарковались на стоянке, я увидел, как панки и наркоши тусуются у своих тачек, неплохих, дерьмовых, фордов эскортов, эль камино, и абсолютно одинаковых фургонов, отличающихся разве что панковскими наклейками типа Operation Ivy или The Specials.

Я вышел из машины, чтобы купить в закулочной три хот-дога, и когда шел с едой обратно, услышал, как Гретхен заорала: «Говнюк!», и увидел, как она бежит — для своего веса поразительно быстро, — и там, там был Тони Деган, с растрепанными светлыми волосами и в футболке без рукавов с надписью «Мы тупые», и вместе с этой проблядьё, Эрикой Лейн, они вылезали с заднего сиденья фургона Бобби Б., смеясь, целуясь и радостно друг друга пощипывая, а Гретхен появилась перед ними из ниоткуда, и прежде чем кто-либо смог остановить ее, она уже молотила Эрику Лейн головой о капот фургона, а Тони оттаскивал ее, в то же время смеясь во все горло, и я подумал, а не подойти ли к Тони и не вмазать ли ему хорошенько, но знал, что никогда не осмелюсь, так что я помог оттащить Гретхен, и она толкнула меня, и я вывалил хот-доги себе на рубашку.

Гретхен пошла обратно к «эскорту» и завела его, а я сказал: «Почему тебе все время нужно вести себя по-идиотски?», и она посмотрела на меня и сказала: «Иди на хуй», и заплакала, и мне тоже захотелось плакать, но она нажала на газ и резко рванула с места.

До дома в тот день я добирался на трех автобусах, и вся рубашка у меня была измазана горчицей.

Я БЫЛ ПОДРОСТКОВЫМ ПОДРОСТКОМ МАРТ 1991

С этой женщиной покончено, потому что она не может лю-
бить мою душу

Paranoid,

Оззи Осборн, BLACK SABBATH

По ком звонит колокол,

Время идет вперед

For Whom the Bell Tolls,

Джеймс Хетфилд,

может, из Джона Донна?

METALLICA

ОДИН

На уроке по истории мы должны были сделать двадцатиминутный устный доклад на тему «Событие, изменившее Америку», так что мы выбрали бостонского душителя — это была идея Майка, с которым мы сидели за одной партой. Майк был обкурюш или наркот или «торчок» — как называла его моя худющая сестра — и, подобно мне, увлекался металлом и ужастиками. А также курил траву. У Майка были реально длинные рыжие волосы, которые он прятал под воротник форменной рубашки и завязывал резинкой на концах. Была еще пара чуваков типа него, которые пытались отрастить волосы подлиннее, но рано или поздно они капитулировали и оказывались вынуждены все под корень отрезать. Так с этим обстояли дела в католической школе. Можно было бы взъерепениться, ведь если посмотреть на изображения Иисуса — у него же длинные волосы, но никто бы этого не услышал. Только форменная рубашка, форменные туфли, галстуки, надлежащий вид. Под надлежащим видом имелось в виду, что ты должен быть гладко выбрит — никаких усов или бороды — и коротко стрижен. Но каким-то гребаным чудом Майку удавалось избегать брата Карди, солдафона, отвечающего за дисциплину, так долго, что будь он пойман сейчас, все бы пропало. Брат Карди либо добил бы его бесконечными отстранениями от уроков, либо обрезал бы его волосы прямо у себя в кабинете, не отходя от кассы.

Итак, когда Мисс Эйкен, наша новая — и отменная — учительница истории, заменившая брата Флэнегана в связи с его операцией на горле, написала на доске задание: *Заключительная работа: Событие, изменившее Америку*, мы с Майком взглянули друг на друга и разом решительно кивнули. Он вырвал из тетради листок, быстро нарисовал мощного мужика, который душит некоего комического персонажа огромной веревкой — веревка было больше их обоих, — и над их головами, кивая и подмигивая, накорябал пентаграмму. Показал все это мне, я кивнул, сам не знаю почему. Почему? Потому что он мне типа был другом и его рисунки я считал довольно потрясающими. В смысле, Майк был единственным чуваком, с которым в то время я тусовался.

Ах да, к тому моменту я попытался начисто забыть о Гретхен. Если она заходила за мной, я разговаривал с ней коротко, и если звала прогуляться, я говорил, что занят.

Я ежедневно подолгу тусовался с Майком. После уроков мы обычно без дела сидели у него в подвале и слушали старые металлические записи, типа раннего Sabbath еще с Оззи, Элиса Купера, Kiss. Еще, как я уже сказал, он увлекался серийными убийцами. У него была куча книг и фильмов про Чарльза Мэнсона и Джона Уэйна Гэси. Мы обычно болтали о маньяках и смотрели фильмы ужасов, а иногда он учил меня играть в Dungeons and Dragons, но я так и не въехал. Еще Майк был знаком с кучей девчонок, любого сорта. Девчонкам он, по-моему, конкретно нравился, в основном, наверное, потому что раскуривал их, но еще и потому, что у него была такая развязная манера общения, как будто ему все равно, нравится он им или нет, из-за чего, разумеется, нравился им еще больше. Так что в подвале у него бывали самые разные девчонки, и тогда он приглашал меня, и мы ставили какие-нибудь наркоманские записи типа «Стены» Pink Floyd's, и они курили травку — я вообще-то травку не курил, а старался надышаться вторяка — и девчонки начинали хихикать и иногда, иногда, если мне везло, мне доставалась одна из них. Майк был лучшим из моих друзей, потому что приглашал меня вот так, хотя позже он и признался, что это было частью его плана. Он сказал, что девчонки чувствуют себя более раскованно, если приходят вдвоем, и что ему всегда нужен второй — и я был просто счастлив, что мог быть этим самым вторым.

Все эти тусовки и наконец знакомства с девчонками подвели меня к очень важному решению. Я сказал предкам, что в качестве подарка на день рождения хочу получить линзы вместо очков в пластиковой оправе. Я обратился к папе, просто объяснив: «Ну знаешь, для

девчонок», и он сам отвел меня к окулисту. Контактные линзы практически преобразили меня. Они и еще то, что я больше не подвисал с Гретхен. Я больше не чувствовал себя таким уж лузером, и благодаря Майку я по крайней мере мог разговаривать с девчонками, которые мне нравились.

— Итак, ребята, Дейв Дюпре и Алекс? О каком историческом событии вы думаете? — спросила мисс Эйкен, как всегда секси, светлые волосы в каре, короткая белая юбка, полупрозрачная блузка, идеально облегающая великолепную грудь.

— Знаете, — промямлил Дейв Дюпре, почесывая свой гигантский лоб. Дейв был огромным парнем, по два метра и под сто килограммов весом, умный, но странный. Он весь как будто содрогался, когда мисс Эйкен спрашивала его о чем-нибудь. — Знаете, вероятно, война за независимость.

— Хорошо. Попытайтесь вложить в это личное отношение, — сказала мисс Эйкен с улыбкой. Она повернулась к нам с Майком и подмигнула.

— Майк Мэдден и Брайан Освальд? А вы что думаете?

— У нас есть кое-какие идеи, мисс Эйкен, — сказал Майк, кивая. — Хорошие идеи, о которых мы не хотим говорить пока, ну знаете, не обсудили между собой.

— Хорошо, — сказала она, быстро оборачиваясь, чтобы перехватить взгляд Билли Лаури, уставившегося на ее прекрасную, мармеладно-вкусную попу. — Давайте поделимся на исторические пары, и минут десять вы пообсуждаете, а потом я попрошу вас принять решение. Если будете хорошо себя вести, поиграем в «исторический риск».

Я обожал эту женщину до чертиков и едва ли мог объяснить почему. В смысле, во-первых, она была учительницей, но во-вторых, она была такая сексуальная и неподдельно милая. В течение всего шестого урока у меня стоял. Серьезно. В смысле, мисс Эйкен было года двадцать четыре, всего лишь на несколько лет больше, чем мне, она была маленькая сексуальная игривая блондинка, и все вроде как превращала в игру, знаете, с такими неуклюжими названиями, типа «исторические пары», это она сама придумала, и типа «исторический риск». Однажды она даже устроила такой обед, когда мы ели блюда разных народов — знаете, все эти безумные буритто и пасту, и солонину, и все такое. Однако, как и в случае с волосами Майка, я думал, что это только вопрос времени, и скоро святые братья учуют эти ее забавные странности и быстренько прикроют лавочку. Но не раньше, чем я уломаю ее заняться этим со мной, знаете, по крайней мере я искренне на это надеялся.

Мисс Эйкен медленно подошла к нашим с Майком партам, стоящим рядом. Взглянула на рисунок Майка, где один душит другого, и, закатив глаза, не удержалась от смеха.

— Вы двое, — сказала она. — Они просто обязаны позволить вам заниматься искусством.

Майк был слишком туп, чтобы изучать искусство, и он не стал бы, даже если б ему разрешили. Как умный он взял бы время для самостоятельных занятий вместо факультативов, не то что я — придурок, играющий в школьном оркестре. И все же все тетради Майка были изрисованы сотнями и сотнями странных греческих монстров, между записями у него были драконы и минотавры, и кентавры, и титаны, поражающие друг друга огромными мечами и грозными изогнутыми ножами.

— Неплохой рисунок. Он имеет отношение к вашему проекту? — спросила мисс Эйкен.

— Да, мэм, — сказал Майк. — Мы подумывали о том, чтобы, ну знаете, сделать что-нибудь о серийных убийцах, может быть.

— Серийных убийцах? О ком конкретно?

— Не знаем. Мы правда еще не обсуждали, — сказал он.

— Брайан, ты как относишься к проекту о серийных убийцах?

— Мне нравится, — сказал я.

— Что это с вами, грозные парни? — спросила она, имея в виду наш последний проект, когда нужно было изобразить какое-нибудь событие из американской истории, и у нас получилась очень кровавая живописная сцена, в которой два солдата на гражданской войне, южанин и северянин, резали друг друга на мелкие кусочки. Несмотря на всю кровь и кишки, мисс Эйкен сказала, что мы уловили настроение этого страшного конфликта. Так что, в принципе, мы имели успех.

— Ну не знаю, — сказал Майк. — Это жизнь типа, знаете, вещи, о которых никто не хочет говорить, смерть и все такое. Как брату Флэнегану, например, глотку вскрывают, — сказал Майк, изображая на себе, как вскрывают глотку брату Флэнегану. — Это же правда все.

— Ну, я от вас двоих многого ожидаю, если учитывать ваш предыдущий проект, — сказала мисс Эйкен со своей прекрасной ослепительной улыбкой. — Надеюсь, все будет так же правдиво.

— Круто, — сказал я, позаимствовав это выражение у Майка.

Мисс Эйкен обернулась было и двинулась к следующим партам, но остановилась и лишь подняла темную бровь, протянув миниатюрные пальчики к затылку Майка. Я почувствовал, как у меня отваливается челюсть. Я увидел, как Майк закрыл глаза, стиснул зубы и выдохнул: *бля*. Мисс Эйкен так легко, так нежно погладила его по затылку, запус- тив пальцы в густую шевелюру.

— Они ужасно длинные, — прошептала она, подмигивая ему.

— Да, мэм, — сказал Майк, все еще щурясь. Мисс Эйкен наклонилась к нам и улыбну- лась.

— Все в порядке, — прошептала она. — Я думаю, это правильно, когда вы сами выби- раете, как вам выглядеть. Это помогает выразить индивидуальность, знаете ли.

— Правда? — сказал Майк, изумленный и сконфуженный.

— И, кстати, у моего парня длинные волосы, — сказала она, и, не произнеся больше ни слова, повернулась и стала задавать вопросы следующей группе. Майк выпучил глаза, с улыбкой уставившись на меня.

— Чувак, — сказал он. — Однажды эта женщина будет моей.

— Вставай в очередь, — сказал я.

— Ну, что делать будем? — спросил Майк, закрашивая углы пентаграммы. В одну секун- ду пятиконечная звезда превратилась в козлиную голову с рогами и оттопыренными ушами и длинной узкой мордой и подбородком — символ группы *Venom*.

— Не знаю, а какие идеи? — спросил я.

— Чувак, как насчет того гребаного фильма? — сказал он.

Мы с Майком только что посмотрели фильм о бостонском душителе, с Тони Кертисом и Питером Фондой, по-моему. Он был целиком посвящен этой истории и тому, как население Америки был до смерти напугано. Я понятия не имел, как такое можно считать собы- тием, изменившим Америку.

Мисс Эйкен незаметно подошла к доске и один раз хлопнула в ладоши, что означало: *быстро все заткнулись*.

— Ну, ребята, кто уже выбрал? Есть добровольцы, которые хотят поделиться своими

мыслями? — спросила она, и Майк вот так просто вскинул руку, как будто молния сверкнула в небе.

— Да, Майк, что у вас?

— Мы собираемся делать доклад о бостонском душителе, как вам, мисс Эй? — торопливо и возбужденно выдохнул он.

Мисс Эйкен кивнула и тепло нам улыбнулась.

— И почему же вы, ребята, думаете, что бостонский душитель изменил Америку? — спросила она.

Я подумал, что вот нас и умыли, но Майк, в своем репертуаре, вальяжно сказал:

— Он сильно повлиял на наше чувство доверия и безопасности и... ммм... общности, — и мисс Эйкен только кивнула, видимо, под впечатлением. Она отметила нас в журнале, и то, что она поставила нам большой плюс, было лишь первой нашей ошибкой.

ДВА

Как раз в это время миссис Мэдден, мама Майка, завершила бракоразводный процесс. Она его проиграла, и однажды, когда мы были у них в кухне — Майк курил над раковиной, а я рисовал маркером ОЗЗИ на костяшках обеих рук, миссис Мэдден остановилась, посмотрела на нас, поставила корзину с бельем, пригладила волосы, глубоко вздохнула и сказала нам с Майком:

— Вот и все. Я сдаюсь и перестаю считать вас человеческими существами.

— Чего? — спросил Майк, тупо шурясь.

— Прекрасно. Хотите быть антисоциальными элементами — прекрасно. Хотите расти без каких-либо перспектив на будущее — меня это несколько не волнует.

— Ты о чем говоришь, мам? — спросил Майк, качая головой. Миссис Мэдден встала перед нами, распустила волосы, глубоко вздохнула и улыбнулась, но как-то злобно. Она была очень худая, высокая, с пушистыми светлыми волосами. Носила в основном брюки и курила больше Майка, наверное. Я нервничал, оттого что она вроде бы хочет получить ответы на вопросы, о которых я и понятия не имел. Как например, однажды, когда Майк обжимался с какой-то девчонкой в своей комнате, а я внизу играл в пул сам с собой, она с минуту смотрела на меня, а затем сказала: «Что ты собираешься делать со своей жизнью?» И, не думая, я ответил: «Я буду в музыкальной группе играть. Наверное», и она испустила быстрый резкий смешок, покачала головой и спросила: «Правда?» — а я только пожал плечами и продолжил играть в пул, и не знаю даже, видела ли она, как я случайно загнал восьмой шар в лузу следующим же ударом.

Миссис Мэдден открыла сумочку и нашарила свои «Вирджиния слимс», прикурила одну и наставила ее на Майка, а затем на меня.

— Вы двое — больше не моя проблема.

— Seriously? — спросил Майк.

— Seriously, — сказала она. — У меня есть бумажка от твоего отца, в которой сообщается, что наш брак расторгнут. Так что ты, — сказала она, указывая на Майка сигаретой, — больше для меня не существуешь.

— Круто, — сказал Майк. — И что это значит?

— Это значит, — сказала миссис Мэдден, нежно дергая Майка за длинные рыжие воло-

сы, — что я за вас двоих больше не отвечаю. Я прекращаю переделывать мужчин, — сказала она, исподволь усмехнувшись.

— И мы можем делать, что хотим? — спросил Майк, безумно ухмыляясь.

— Вы можете делать все, что хотите, — ответила она, кивая.

— Можем курить на первом этаже?

— Вы и так курите, — сказала она.

— И траву даже можем курить?

— Мне все равно, — сказала она, — если после этого вы не догадаетесь сесть за руль.

— Круто, — сказал Майк. — А телок можно приводить?

— Мне все равно, — снова сказала она. — Только никакого секса. Если кто-нибудь из вас кого-нибудь обрюхатит в моем доме, вы в секунду отсюда вылетите.

Она сказала это, глядя на меня, хотя я даже не был ее ребенком.

— И тусоваться можно допоздна? — снова спросил он. — Никакого комендантского часа?

— Мне все равно, что вы делаете. Вы двое больше не в моей компетенции, — и она снова потянула Майка за волосы и удалилась в полуподвал к стиральной машине.

— Невероятно, черт возьми, — сказал Майк.

— Да уж, — согласился я.

— Совершенно невероятно, — глаза его заблестели в предвкушении. — Я должен позвонить отцу и поблагодарить его.

— Что теперь? — спросил я.

— У нас блин теперь вечеринка. Нет-нет, оргия. Знаешь каких-нибудь девчонок, которые не откажутся от оргии? — спросил он меня.

— Не-а, — сказал я.

— Очень жаль.

— Ну, с чего начнем? — спросил я.

— Я иду вниз посидеть на диване и выдуть огромный косяк.

— Присоединяюсь, — сказал я и, вперед и с песней, как авангард королевского войска, мы спустились по деревянным ступеням в незаконченный цокольный этаж, представляющий собой длинный серый бетонный прямоугольник, пройдя коридором, забитым коробками, хламом и тряпьем. В полуподвале у них был вполне приличный бильярдный стол и два потертых дивана напротив старого телевизора. На одной из стен висел плакат с полногрудыми блондинками из рекламы ликера, а на противоположной — реклама альбома Tribute Ozзи. Поскольку комната Майка находилась здесь же, внизу, едва отделенная тонкой деревянной перегородкой, весь полуподвал пропах его сигаретами — весь: диваны, сукно бильярда, черные занавески, прикрывающие маленькие подвальные окна, свет сквозь которые не проникал по-любому.

Майк пробрался в свою комнату, пошарил под кроватью в поисках банки из-под крема для бритья, в которой ныкал дурь, вытащил маленькую пластиковую упаковку для сэндвичей, полную травы, и, усевшись на кровать, стал выбирать бошки. Он делал это так быстро, что к тому моменту, как я окончательно решился дунуть с ним вместе, он уже забивал трубку.

— Так, — сказал он, кивая, держа трубку у рта. — Это просто. Сначала поджигаешь и ждешь, пока начинает тлеть, так? Затем всасываешь как можно медленнее, не пытайся только проглотить, просто типа... вдыхаешь.

Он нашел синюю пластиковую зажигалку и поджег траву, которая начала потрескивать и издала сильный земляной запах. Я уже слышал этот запах прежде, и он всегда напоминал мне о Джессике, сестре Гретхен — в основном о ее куртке, такой вельветовой куртке с меховым воротником, — Джессика была единственная из моих знакомых, не считая Майка, кто курил напропалую. Майк с минуту подержал зажигалку над чашей трубки, затушил пламя, а затем медленно всосал дым, зажмуривая глаза. Он плотно сжал губы и улыбнулся, все еще с закрытыми глазами, а потом заговорил, не выдыхая.

— Так, — прошипел он, — Затем вот так удерживаешь в себе... — и он слегка кашлянул и выпустил гигантское облако голубоватого дыма. — Вот и все, — сказал он, кивая сам себе.

Он вручил мне трубку и зажигалку, и я сказал: «Без проблем», и сделал все, как он велел. Я почувствовал вкус смолы, обжигающей мне горло, небо и язык и проникающей глубже, ниже, ниже, ниже, в самые легкие, я удерживал в себе дым так долго, как только мог, и наконец резко выдохнул, улыбаясь точь-в-точь как Майк. Я закашлялся, глаза слезились. Майк похлопал меня по спине и засмеялся.

— Кашлять — кайф ломать, — сказал он, беря у меня трубку. Ничего особенного я не почувствовал. Глаза все еще слезились, а горло саднило. Майк снова затянулся и передал мне трубку. Я повторил, постаравшись в этот раз не закашляться, глаза мои вдруг стали тяжелыми, и я заморгал, чтобы смахнуть слезы, сам себе по-прежнему улыбаясь. Я почувствовал, как уши мои типа раскрываются, будто прежде они были заложены, и как язык становится горячим и большим и тяжелым. Майк встал и поставил Black Sabbath, и тут меня начало по-настоящему колбасить. Песня *War Pigs*, которую я знал наизусть, звучала теперь совсем иначе, разбитая на сотни частей, как симфония, каждый инструмент играл отдельно и умножался, голос Оззи был, что ли, теплее, как будто певец был моим приятелем и находился в одной со мной комнате. Майк снова сел на кровать и похлопал меня по спине.

— Ну что, плющит?

— Да, по-моему, — сказал я. — Похоже на то, — снова сказал я. — Это что надо, — сказал я. — Что надо.

— Хочешь, я позвоню девчонкам? — спросил Майк, подмигивая.

— Хорошо, — сказал я. — Спасибо тебе, Майк, за все. — Майк кивнул, снова похлопал меня по спине, снял трубку, набрал номер и сказал:

— Аманда? Это Майк. Ты ни за что не поверишь, что случилось, — и Аманда, залаченная блондинка-наркоманка и ее подружка Кэти О., вся в прыщах и, как следствие, с тонной косметики на лице, но все же прелестная в некоторых других отношениях, были на месте уже через десять секунд.

Короче, обратная сторона медали обнаружилась, когда два дня спустя Майк пришел из школы и заметил, что его мама убрала из дома все телефоны. Все телефоны исчезли. Он спросил ее, в чем дело, и она только пожала плечами и удалилась. На следующий день мы увидели, как какой-то чувак из телефонной компании устанавливает на кухне настоящий платный телефонный автомат, в смысле, привешивает его прямо блин к кухонной стене, как будто кухня Майка — это автобусная остановка или что-нибудь такое. Мы с Майком уставились на все это, и он сказал: «Это уже полное безумие», — и бедный монтажник только пожал плечами и сказал: «Извините», и продолжил работу. Майк покачал головой

и подошел к холодильнику, чтобы взять кусок замороженной пиццы и банку содовой, но вы только подумайте: дверь холодильника не открывалась. Он дернул ее раз, два, а затем опустил взгляд и обнаружил замок. На двери холодильника висел хренов замок.

— Поверить не могу, — сказал Майк, закрывая лицо руками. — Да она с катушек съехала.

— Это, — сказал я, указывая на золотой замочек, — самая страшная вещь из всех, что я видел, — потому что, пока развод не был оформлен, или как там это делается, и пока миссис Мэдден не сошла окончательно с ума, всегда можно было зайти к Майку и найти у него что-нибудь в холодильнике, обычно замороженную пиццу и содовую, и мы ели, стоя над раковиной, без тарелок, так что нам не приходилось их мыть, но теперь, теперь все было кончено.

— Что она себе думает? — спросил он, качая головой.

— Понятия не имею, — сказал я, потому что и впрямь не имел понятия, и я задумался о своих маме и папе — который вот уже полгода спал на диване внизу — и о том, какие странные пытки мне еще уготованы.

— Мам! — прорычал Майк. — Что это еще за хрень?

Миссис Мэдден появилась из спальни в нежно-голубом халатике и с голубым полотенцем на голове, непонимающе моргая.

— Да, сосед?

— Что все это дерьмо значит? — прокричал он, размахивая руками.

— Все это дерьмо — мое дерьмо, — сказала она с улыбкой и вытащила сигарету из пачки «Вирджиния слимс».

Я отступил на шаг и стал наблюдать.

— Если хочешь пользоваться телефоном, придется найти работу, чтобы платить за это. То же самое относится и к еде.

— Ничего себе, — вслух пробормотал я.

— Черт возьми, — сказал Майк. — Ты сошла с ума.

— Вовсе нет, — сказала она. — Это самое разумное, что я сделала за последние девятнадцать лет.

— Ну, а Молли и Пити? — спросил он.

— Все, кто едут, должны оплатить проезд, — ответила она, кивая, развернулась и исчезла в спальне.

— Нет, серьезно, — сказал Майк. — Самый настоящий дурдом.

Это было безумие. Майк и его младший брат Пити, которому было только двенадцать, должны были сами покупать себе овощи или платить матери за еду. Первым делом, чтобы избежать поиска работы, Майк продал все пластинки, которые не слушал. Он думал, что, может, мама согласится хотя бы кормить его, но ничего не вышло. Честное слово. Старшая сестра Майка, Молли, девушка с широким круглым лицом, какие мне нравились — злое выражение, умный рот, знаете такой тип, девушка, которая смотрит на тебя так, как будто ты что-то из себя представляешь, а потом целуется с тобой только потому, что ей скучно, — в общем, Молли, на два года старше нас с Майком, девятнадцати лет, студентка, в общем, она пришла домой с работы из этого бара, «О'Райли», увидела у себя на кухне телефонную будку и замок на холодильнике и два дня спустя отбыла с менеджером группы Speedwagon — довольно известной, как мне кажется, в наших краях.

Это был еще один удар. Отъезд Молли, старшей сестры, практически доконал Майка. Она всегда покупала нам пиво и объясняла, что нравится девчонкам и как заставить их хотя бы задуматься о том, чтобы заняться с тобой сексом, начав со слов: «Чувствую, ты единственная, кому я могу довериться».

Теперь у него не было ни еды, ни телефона, ни пива, ни старшей сестры, которая помогла бы с этой напастью справиться. Конечно, он мог курить в подвале траву, но овчинка не стоила выделки, понимаете? Так что всего лишь за несколько часов ситуация превратилась из лучшей на свете в худшую. Вот так просто.

Майку становилось все хуже и хуже. Однажды вечером, через несколько недель после того, как миссис Мэдден сказала, что ей на нас наплевать, с нами сидели две девчонки, с которыми Майк познакомился в овощном магазине, когда покупал продукты. Покупал он только консервированные овощи. Девчонки были определенно из католической школы — из «Царицы Небесной», что в латинском квартале, — потому что они были такие чистенькие, не только их мягкие каштановые волосы, но как они разговаривали и курили — как очень вежливые иностранные кинозвезды, и даже как они клали ногу на ногу. В общем, мы раскурили трубку, и девчонки заторчали, и я поставил *I Can't Fight This Feeling Anymore*, песню Speedwagon, очень подходящую к настроению, потому что Майк и прежде ее использовал. Я был на диване с одной из девчонок, а Майк был в своей комнате. Я уже ощупывал ее грудь сквозь лифчик, и глаза у нее были закрыты, и звали ее Тереза, так мило, но я думал, как странно, что она закрыла глаза, как будто если она закроет глаза, то ей не придется исповедоваться в следующую субботу, или что там католички делают. В общем Майк внезапно вышел из комнаты и сказал: «Че за хрень ты тут слушаешь?».

И я сказал: «Что?», садясь ровно и убирая руку.

И тогда он сказал: «Ты вообще блин мое мнение принимаешь во внимание, приятель? Я же просил тебя больше не ставить эту пластинку».

И я сказал: «Не понимаю, это же отличная пластинка», — и он сказал: «Выключи эту хрень, если не хочешь заниматься петтингом на заднем дворе». Заниматься петтингом на заднем дворе я не хотел, потому что мне был известен секрет Майка: девчонка на диване, вероятнее всего, будет просто лежать и позволять тебе делать все, что хочется, в отличие, от, скажем, машины или заднего крыльца. К тому времени мне уже приходилось заниматься этим с десятком девчонок, но я все еще не мог сказать, что происходит у них в голове, когда они просто смотрят в потолок, думают ли они о домашнем задании, или представляют меня кем-то особенным типа Скотта Байо, но, как говорил Майк, если ты затащил ее на диван, полдела сделано.

— Черт, да что такого-то? — сказал я. Я встал и выключил пластинку, и поставил вместо нее Cream с Эриком Клэптоном, но настроение уже ушло. Когда я попытался расстегнуть Терезин лифчик, она остановила меня и спросила: «Здесь есть ванная?», и я кивнул и указал наверх, и она засела там на полчаса, пока не собралась уходить ее подружка, и они ушли, даже не спустившись сказать «пока» или «спасибо», или хоть что-нибудь.

ТРИ

Я влюбился в девчонку по имени Дори. Она жила по соседству с Майком и, впервые увидев ее, я втрескался так, что было совсем не до смеха. Вообще-то я никогда не влюблялся в девчонок сразу, а только присматривался, как с Гретхен, которая так долго была мне другом, что из этого вряд ли что-то могло получиться, и, ну, я не был блин особенно прихотлив. Майк говорил, надо брать, что дают, и так я и делал. Вокруг были тучи и тучи вполне

себе приличных девчонок, которым для полной дефлорации требовался какой-нибудь незаметный тихий одиночка, чтобы покончить с этим раз и навсегда и никогда больше не видеть этого придурка. Вот тут-то и появлялся я, хотя так ни разу и не довел начатое до конца. Моника Даллас: щупал по верх лифчика. Келли Мэдди: залез в трусы. Кэти Конопловски: не окончательная дефлорация, но очень близко.

Итак, впервые я увидел Дори в пятницу вечером, где-то через месяц после того, как мама Майка сошла с ума. Майку в конце концов пришлось пойти подыскать себе работу, в «Дибартола пицца», забегаловке недалеко от его дома, и раньше одиннадцати он теперь как правило домой не возвращался. В тот вечер мне пришлось ускользнуть из дому через окно спальни на первом этаже, вскочить на велосипед, доехать до Майка и спуститься вниз по ступенькам в подвал. Громко играл *Moonlight Drive*, Doors, слышно было даже с улицы. Когда я спустился, там была она — высокая девчонка сидела на диване рядом с Майком и курила косяк, на ней была футболка «Iron Maiden», прежде, очевидно, черная, но теперь, от долгого ношения, серая и потертая. Дори была высокая и худая, длинные сальные каштановые волосы. Бля. Ни у одной моей знакомой девчонки не было челки, все они носили этот ебанный хвост. В смысле, бля. Еще у нее был этот засос на шее, одна ярко-красная отметина у основания. Для меня это означало, что она трахается напропалую, ну не знаю. Она сидела там, в подвале у Майка, и собачилась с этим чувачком, Ларри, с чудовищными угрями на лице, она орала на него за то, что он пролил пиво на ее ботинок, и Ларри, покорный из-за прыщавой рожи, только кивал и извинялся, вытирая мысок ее черного ботинка. Затем, по ошибке, Ларри со своими чудовищными угрями взглянул на нее, улыбнулся и сказал: «Прости, чувиха».

— Я что, выгляжу как чувиха, ты, уебище? — спросила она.

Уебище? Подумал я. Кто, интересно, вообще употребляет слово «уебище»?

Девушка твоей мечты, подсказало мне сердце. Внезапно, и я знаю, что это идиотизм, мне привиделось, будто во сне: Дори встает с дивана, приглаживая каштановые волосы, расстегивает грязные синие джинсы и, в общем, я знаю, это странно, но я представил, как появляется волшебный золотой венец, этот волшебный золотой венец просто появляется, когда она расстегивает джинсы, как распускающийся бутон, ну, и в общем, все. Я спустился по ступенькам, махнул Майку, поприветствовал Ларри с чудовищными угрями и уселся прямо напротив Дори.

— Привет, — сказала она, быстро помахав рукой. — Я Дори.

— Дори? — спросил я.

— Точно, — сказала она, закатывая глаза.

— Моя соседка, — сказал Майк, передавая мне косяк. — С детства.

— Круто, — сказал я, глубоко затягиваясь.

— Когда мы были маленькие, мы устанавливали водяную горку между нашими лужайками, — сказал Майк. — Хорошее было времечко, — добавил он, кивая сам себе.

— А теперь мне приходится все время работать, бля, — сказала Дори. — И никаких тебе горок.

— Правда? Где работаешь? — спросил я и не закашлялся, выдыхая дым.

— У отца в ресторане, «Докис».

Я передал ей косяк, и на секунду наши руки соприкоснулись, о, всего лишь на мгновение.

— Рыбный ресторан? На Кедзи? — спросил я. — Как давно ты там работаешь?

— С детства. В ночную смену.

— В ночную смену? Ты же ребенок.

— Мне семнадцать, — сказала она.

— Нет, как ты можешь работать в ночную смену? — спросил я.

— Папе нужна была помощь, видишь ли, ему операцию сделали, а больше никого нет, вот я и прихожу по ночам помогать ему. К тому же, — сказала она, — этот парень Кен, повар, угощает меня травкой.

— Это он тебе шею изуродовал? — спросил Майк, по-братски так спросил.

Она опустила взгляд, затем подняла бровь и сказала:

— Не твое собачье дело.

— Сколько ему лет? — снова спросил Майк.

— Отъебись, — сказала она. — Двадцать пять.

Я посмотрел на нее и понял, что втрескался так, что совсем даже не до смеха. Мне захотелось спросить ее прямо там, а не могла бы она, может быть, подумать о том, чтобы стать моей подружкой, и мы могли бы даже подождать с сексом до свадьбы, но вместо этого я спросил:

— Так тебе нравится Iron Maiden?

— Да, их старые песни, когда они еще про волшебников и эльфов пели и про все такое. Хотя вот еще «Потерянные годы» неплохая песня.

Я был, черт меня побери, впечатлен. Я взглянул на нее и решил задать самый сложный вопрос из всех, что можно задать девчонке, а именно:

— Эй, Дори, а какую самую первую пластинку в жизни ты купила?

— Честно? — спросила она.

— Ага, — сказал я.

— New Kids on the Block.

— Правда, что ли?

— Правда.

Это означало, что она не врушка и не старается выглядеть крутой, поскольку New Kids on the Block был первым альбомом любой известной мне девчонки, и вопрос был только в том, признавались они в этом или нет. Я был полностью, абсолютно шокирован.

— Эти парни были секси, черт возьми, — сказала Дори.

— Ага, — сказал я, неизвестно зачем с этим соглашаясь. — Однажды я записал себе какой-то их клип с MTV и пытался научиться танцевать, как они.

— Не пиздишь? — спросил Майк.

— Пизжу, — сказал я. — Чтобы попытаться произвести на нее впечатление.

— Мне кажется, это так сексуально, — сказала она, усмехаясь. — Хотела бы я, чтобы какой-нибудь чувак научился танцевать, как New Kids, ради меня.

— Я все еще могу, если хочешь, — сказал я.

— Я подумаю, — парировала она, улыбаясь мне едва заметной улыбкой.

— Дай мне знать, — сказал я.

— Непременно, — ответила она, и это был только наш разговор, только между нами. Она посмотрела на меня пристально и спросила:

— А ты разве не носишь очки?

— У меня линзы.

— Я тебя раньше постоянно видела в торговом центре, в «Замке Аладдина», — сказала она.

— Правда?

— Я там работала рядом, где футболки разрисовывают.

— Ух ты, — сказал я. — Я был там однажды и разрисовал себе футболку.

— И что ты написал на ней?

— «Бесшабашная юность», — сказал я. — Это название группы, которую я пытался создать.

— А что, неплохое название.

— Знаю, — сказал я. — Поэтому я и написал его на футболке. Чтоб никто не спер.

— Отличная идея.

— Знаю. У меня было еще штуки три, с разными надписями, ну если, знаешь, мне когда-нибудь удастся собрать группу.

Дори улыбнулась и прищурилась, указывая на меня сигаретой, но не говоря ни слова, и я в ответ наставил на нее указательный палец. Что-то происходило между нами, но Дори сказала:

— Ну, думаю, мне пора линять.

— Серьезно? — сказал Майк.

— Да, я завтра весь день работаю.

— Как жалко, — сказал я, и сердце застучало у меня в ушах.

— Да уж, — сказала она.

Когда она встала, я увидел, какая на самом деле она высокая. Она одернула футболку «Iron Maiden», обтянув ею маленькую грудь.

— Приятно было познакомиться, — улыбнулась она как-то неловко. И стала подниматься по ступенькам, и ноги у нее были — закачаешься.

Я запаниковал и, вскакивая, сказал:

— Кажется, я забыл приковать велосипед.

— Чего? — спросил Майк.

— Кажется, я забыл приковать велосипед. Эй, — крикнул я, — я с тобой.

Майк посмотрел на меня и подмигнул, улыбаясь. Я проворно пошел вслед за ней, глядя, как покачивается ее сладкая задница, и вот мы вышли на улицу, и, нашарив пачку с сигаретами, я нервно предложил ей закурить. Я спросил:

— Слушай, у тебя есть парень или что-то в этом роде? — и она сказала:

— Нет. Не то что бы. А что? — и я сказал:

— Ну не знаю. Слушай, а что у тебя с шеей? — и она сказала:

— Да это просто один урод, — и я сказал:

— Я его знаю? — и она сказала:

— Черт, даже я его не знаю, — и я типа втрескался в нее прямо там, наверное.

ЧЕТЫРЕ

Родители Майка совершенно определенно разводились, и все бумажки уже определенно были подписаны, и его папа окончательно поставил на всем точку, когда пошел и купил новенький красный кабриолет «кадиллак» со всеми приблудами: кожаными сиденьями, большим хромированным бампером, автоматической крышей от солнца. Мы с Майком убивали время в торговом центре за новой игрой «Убей копа», а потом стояли на улице и ждали автобуса, бросая камнями в чаек, и тут увидели, как мимо проезжает его папа в красном кабриолете с какой-то блондинкой и как оба они смеются, будто знакомы всю жизнь. Папа Майка, высокий и лысеющий, был одет в аляповатую желтую шелковую рубашку в стиле семидесятых. Он заметил нас, притормозил и сказал: «Залезайте, чуваки, я вас подброшу». Я посмотрел на папу Майка и затем на бимбо, лет двадцати восьми, в красном непонятно чем с низким вырезом, оголяющим ее фальшивые сиськи. Майк весь покраснел и сказал: «Мама обещала заехать за мной», — что было полным враньем, и его папа кивнул и сказал: «Ну, чуваки, увидимся», и уехал.

Став свидетелем тому, как он отъезжает в своей новенькой машине с этой девчонкой, с которой Майк даже не был знаком, я почувствовал себя глупо и неловко, и одиноко, и спросил Майка: «Эй, приятель, ты в порядке?», а он лишь нахмурился и сказал: «Господи Боже. Я совсем не так представлял себе старшие классы», и я сказал: «Да уж. Черт», и затем, чтобы сказать что-нибудь, я добавил: «Может, зайти в библиотеку, посмотреть про этого чувака, бостонского душителя», и он сказал: «Может быть», но мы продолжали стоять, не говоря ни слова, в ожидании автобуса, и даже не засмеялись, когда показалась толпа старшеклассников, все как один одетых в эти глупые хреновы футболки с названием группы Color me Badd.

ПЯТЬ

Поскольку время пришло, я расскажу тебе, как по-настоящему заниматься петтингом, сказал Майк позже, когда мы сидели у него дома. Вот что тебе следует знать:

Правило №1. Для начала постарайся усадить ее на диван или кровать. Когда девчонки сидят на диване или кровати, с ними что-то происходит, сдаются они проще, что ли. Предварительно приберись в комнате и засунь подальше порно-журналы. Если ты у меня, как обычно и бывает, наведи порядок там, где ты планируешь заниматься петтингом. Вычисти пепельницы, а все барахло запихни под кровать. Когда ты готов приступить и она видит, как все прибрано, она сразу же смекает, чего ты ожидаешь, потому что это как тайное послание, и оно ее радует. Она сразу же смекает, что это для нее ты прибрался, и если она продинамит тебя, после того как ты потратил время и силы на уборку, немедленно шли ее, чувак, на хуй!

Правило №2. Никогда не забывай включить какую-нибудь музыку, потому что некоторых девчонок напрягают звуки, которые ты издаешь в процессе. И пусть песня будет длинная, что-нибудь из «Стены», типа *Wish You Were Here* или *Stairway to Heaven*, или что-нибудь из *Doors*, типа *Riders on the Storm* — в общем, что-нибудь, что не придется менять каждые две минуты! Мой выбор — *Planet Caravan*, *Black Sabbath*. Отличная песня, чтобы

накуриться, в результате чего мы приходим к:

Правило №3. Накури их как следует. Да, если у тебя нет покурить, ты можешь попытаться их напоить, но это способ ненадежный, потому что некоторые девчонки просто отключаются! Со мной такое случалось, чувак. К тому же, напившись, девчонка становится слезливой, и ну не знаю, я бы с большим удовольствием вставил накурившейся. Если девчонке надо нажраться перед трахом, немедленно шли ее на хуй!

Правило №4. Будь крутым. Если ты ведешь себя как придурок, то рассчитывать тебе не на что. Своди ее куда-нибудь поесть по возможности, может, недалеко от дома, только никакого лука! Будь готов заплатить, если она очень уж секси, или по крайней мере предложи заплатить, и если она говорит нет, прекрасно. Если она говорит да, значит она из тех, за кого тебе придется платить все время, а кому это по карману? Немедленно шли ее на хуй!

Правило №5. Испытай изобретенный мною сценарий: скажи ей, что твои родители переживают тяжелый развод (а так и есть), и тебе не с кем поговорить об этом (а так и есть), и тебе нужно поделиться с кем-нибудь своими мыслями, и пусть она сядет поудобнее, а ты скажи ей, что хочешь просто обнять ее. Затем начинай ласкать ее по полной программе. Если она скажет, что ей по фигу, расплачься и посмотри, не подействует ли это. Если нет, скажи, что скоро уезжаешь отсюда и хочешь поделиться с ней своим горем. Если она и после этого не согласна, немедленно шли ее на хуй, потому что это бессердечная женщина!

Правило №6. Еще заведи фургон или машину, чтобы заезжать за ней. Это производит на них впечатление, они думают, что ты перспективный! Вымой машину перед тем, как забрать ее. Пусть, когда она садится в машину, играет приличная музыка. Можешь записать целую кассету песен для петтинга. Если она садится и начинает ворчать, что машина у тебя старая, или что бензином дико воняет, ты знаешь, что делать. Вокруг сотни других девчонок — немедленно шли ее на хуй.

Правило №7. Перед тем как заехать за ней, почисти зубы, или если она заходит к тебе, почисти их непосредственно перед тем, как она позвонит в дверь. Спроси у любой девчонки, и она скажет тебе, какое это имеет для них значение! А если ей все равно, чем несет у тебя изо рта, немедленно шли ее на хуй!

Правило №8. Испытай еще один ход, изобретенный мною. Вообще-то не я это изобрел, так сделала эта чокнутая филиппинка Дениз, с которой я крутил шашни, пока она не переехала. Возьми несмываемый маркер и напиши ее имя на своей ладони. И все. Не говори об этом, ничего не говори, просто наблюдай, как это действует. Она увидит и будет думать об этом весь вечер, и даже если ты не слишком ей нравишься, она увидит, как сильно нравится тебе, и тебе даже не придется что-нибудь говорить. Если она на это не западает, друг мой, немедленно шли ее на хуй.

ШЕСТЬ

В небе сверкали фейерверки. Но я на них не смотрел. Я лежал на спине рядом с Дори,

глядя на ее улыбку, форму подбородка, на все. Старшая сестра Майка Молли прислала ему целый набор самых разнообразных петард из Индианы, где она тусовалась с менеджером группы Speedwagon, в которой, как выяснилось, не осталось никого из первоначального состава.

Был первый теплый день весны, где-то в начале апреля, обычный субботний вечер. Майк, я и Дори, и ее очень тихая подружка Эрин Макдугал, в которую Майк был влюблен еще с тех пор, как они вместе ходили в младшую школу, — милостивая, из ирландских католиков, блондинка с едва заметной грудью, — все мы валялись у Майка на заднем дворе, и он запускал петарды, по дюжине за раз, лежа на спине и поджигая их концом сигареты.

— Четвертое июля мой любимый праздник, — сказала Дори.

— Сегодня не четвертое июля, дурочка, — сказал я. — Сейчас только апрель.

— Все равно, — сказала она, улыбнувшись. И потом это случилось: она взяла меня за руку и держала ее и держала и дыхание мое остановилось. К тому моменту я уже не раз возился с девчонками, в смысле, я уже много раз делал это, так и не доведя ничего до конца, если вы понимаете, что я имею в виду. Если не понимаете — я имею в виду французские поцелуи и всевозможный петтинг; однажды я даже поцеловал промежность Кары Бертон, но вот, в общем-то, и все, чем к тому моменту я мог похвастаться. Но вот Дори наклонилась, взяла меня за руку, и, ну не знаю, это было лучше любого петтинга, наверное. Через мгновение она положила голову мне на грудь, и я почувствовал запах ее волос, которые пахли совсем иначе, чем у всех других девчонок, которых мне доводилось нюхать. Волосы Дори не пахли цветами и фруктами, клубничкой там хреновой или киви, странно и фальшиво. Это был очень ясный запах, как самое обыкновенное мыло, такой простой, естественный, даже слегка маслянистый.

— Когда я была маленькая, мой брат давал мне такие змейки, знаешь, глупые черные штучки, которые разбухают и становятся пухлыми, — сказала она, и я кивнул, вспомнив эти наиглупейшие фейерверки из всех, именно такие я бросал в свою маленькую сестру, — и я сидела у мамы на коленях, а папа устраивал из этого целое шоу и все такое.

— Когда я был маленький, я обжег палец, — сказал я. — О бенгальский огонь.

— Бенгальский огонь? — засмеялась она. — Но это даже не петарда!

— Знаю, это было очень глупо, — сказал я. — Я пытался удержать бенгальский огонь зубами, потому что так делал мой старший двоюродный брат, и я испугался и схватил его рукой, и обжег палец.

Я поднес указательный палец к ее лицу, и, нахмутив брови, указал на маленький ожог:

— Смотри, он похож на маленькое привидение.

Дори села и уставилась на мой палец. Прищурившись, она моргнула.

— Действительно, похоже на привидение, — сказала она.

А потом, без всякого предупреждения, она взяла и поцеловала мой палец в это самое место, и я чуть не расплакался, потому что не ожидал такого, и когда она это сделала, сердце мое чуть не выскочило из груди. Она закрыла глаза и снова положила голову мне на плечо. В это время Майк сгреб остатки фейерверков и распихал повсюду — за воротник, за манжеты грязной джинсовой куртки и по всем карманам. А потом, как полный придурок, изобразив полоумный взгляд, принялся размахивать зажженной сигаретой вокруг понатыканных всюду петард с опасно торчащими фитильками.

— Берегись человека-фейерверка, — забормотал он, как робот, и стал гоняться по двору за бедной Эрин Макдугал, с вытянутыми и негнущимися, как у монстра, руками, и бенгальскими огнями, торчащими из передних карманов. Эрин Макдугал завизжала от удо-

вольствия — первый звук, который она издала за весь вечер, — когда он обхватил ее за талию. Он вытащил бенгальские огни из кармана и помахал ими перед лицом Эрин: «Ты во власти человека-фейерверка! — прокричал он. — Ты в его власти!» — и она снова взвизгнула, захихикала и закрыла лицо ладонями. Майк подался вперед, припирая бедную Эрин к забору, и вдруг громко вскрикнул.

— Черт, — пробормотал он, тряся рукой. — Я, кажется, обжегся. — Он отбросил бенгальские огни и стал сосать палец, и сказал: — Черт, больно.

Эрин вдруг стала вся такая заботливая и сосредоточенная, взяла его за руку, поцеловала ее, и оба они засмеялись. Он посмотрел на меня и сказал, подмигивая:

— Кажется, мне стоит пойти в дом и промыть ожог, — и Эрин кивнула, и, все еще висая на нем, поплелась следом, а Майк задержался на мгновение, чтобы еще раз подмигнуть мне со своей наркоманской ухмылкой.

Дори села, поправила волосы и сказала:

Не хочешь посидеть со мной за столиком для пикника? — и я сказал: «Ладно», и последовал за ней к красному деревянному столику, который вместе с тем являлся и скамьей. Я сел с ней рядом, затаив дыхание, и наконец она повернулась и посмотрела на меня удивленно, как будто говоря: *ну вот, или и чего ты ждешь?* Я поцеловал ее нежно-нежно, касаясь ладонями ее волос. Хороший получился поцелуй. Может быть, самый лучший. Потому что она не прерывала меня. Мы начали целоваться, и она уже не хотела останавливаться. Стоило мне отпрянуть, чтобы сглотнуть, она атаковала меня, скользя язычком между моих губ или покусывала мне ухо.

— Ого, да ты отлично целуешься, — сказал я, задыхаясь.

— Ты, — прошептала она, — это ты, — как будто она поймала меня на чем-то. И мы начали снова и она рычала и прижимала меня к скамье, а затем внезапно сказала: «О черт, сколько сейчас времени?», и я взглянул на свои электронные часы и сказал: «Двенадцать тридцать» и она сказала: «О черт. Мне же утром на работу» и она встала и вытерла губы и снова напрыгнула на меня, целуя по третьему кругу.

Мы обошли дом, дважды остановившись поцеловаться, и оказались у ее крыльца, и она поцеловала меня в нос, один чмок, и я сказал: «Можно позвонить тебе? Это ничего?», и она сказала: «О'кей», взбежала по ступенькам, остановилась, сбегала вниз, еще раз поцеловала меня и сказала, широко улыбаясь: «Ничего не могу с собой поделатъ — люблю целоваться», затем снова взбежала на крыльцо и исчезла в доме.

Я ехал домой на велосипеде, как в тумане. Даже не помню, как добрался до дома. Каким-то образом я оказался в постели и улыбался, улыбался, улыбался.

СЕМЬ

Как я уже сказал, миссис Мэдден — худая и высокая, с пушистыми светлыми волосами (она была бы даже секси, не будь такой нервной и дерганой), короче, она демонстрировала наличие развода тем, что постоянно щеголяла в одной и той же полупрозрачной желтой ночной рубашке, которая начинала уже довольно заметно приходить в негодность. К тому же она стала намного больше курить, стреляя сигареты у Майка, чего раньше не случилось. И пить. Виски «Canadian Club». Мы как-то сидели у Майка и курили травку, было поздно, и я собирался улизнуть домой, и поднялся, и миссис Мэдден сидела на полу в гостиной, курила и пила свой «Canadian Club» прямо из горлышка, и смотрела какой-то древний сериал. Я думал об этом всю дорогу до дома. Когда я пришел, папа был распластан на диване, а наверху мама шила, строчила на швейной машинке — в два часа ночи. И я поду-

мал, что где-то чьи-то родители непременно должны быть счастливы.

Открою вам тайну: когда мне становилось не по себе из-за моих предков и когда казалось, что их расставание уже неизбежно и это только вопрос времени, потому что папа все еще спал на диване и совсем не было похоже на то, что у них что-то там налаживается, — вообще-то было очень похоже, что все становится только хуже, потому что папа теперь еще и сам стирал свои вещи, — в общем, когда мне становилось не по себе, я шел и брал в прокате какой-нибудь ужастик. Обычно что-нибудь старое и черно-белое, типа «Человека-волка», и всегда в прокате по соседству. В результате я стал появляться там не реже чем раз в две недели. Этот грузный парень с жирными от фаст-фуда пальцами закатывал глаза и бормотал: «Лон Чейни младший? Да он даже имя себе не заработал. Видел когда-нибудь «Призрак оперы», с его отцом? Вот это классика».

Я обычно отрицательно качал головой и приносил кассету домой, и смотрел ее внизу в полном одиночестве, а мой старший брат, Тим, спускался ко мне — одетый неизменно в тренировочные штаны и бейсболку или что-нибудь еще такое спортивное — и спрашивал, что я делаю и почему никогда не выхожу на улицу, и я говорил: «Да отстань ты от меня», и он говорил: «Ты мутируешь в настоящего пидора». Потом спускалась моя сестричка, Элис, как всегда надув губы, потому как думала, что если попадет в команду поддержки или что-нибудь в этом роде, то непременно кем-нибудь да станет, но в команду поддержки пока не попала, и на нее надвигалась вся эта мелодрама тоскливого существования в старших классах, или я не знаю что. Она говорила: «Я хочу посмотреть телевизор», и я говорил: «Не повезло тебе», и, если она пыталась отнять у меня пульт, ставил ей подножку и щелкал по лбу. Ни с кем из них я даже не разговаривал. Оба они казались мне незнакомцами, с которыми я иногда делю трапезу, наверное.

Когда все успокаивалось, я возвращался к просмотру своей кассеты, где Лон Чейни младший бежит босиком по болоту, заранее преисполненный чувством вины от того, кем ему еще предстоит стать, а в отдалении, в тени деревьев, стоит бедная англичанка, и я сидел, и кивал сам себе, потому что именно это я чувствовал почти постоянно: смятение, и жажду, и злость. Вскоре с работы домой возвращалась мама, всегда расстроенная, и начинала кричать, почему никто, кроме нее, не может приготовить ужин, и именно в один из таких вечеров, глядя на Лона Чейни младшего, я решил, что мне необходимо найти работу и как можно дольше не появляться дома.

ВОСЕМЬ

А отправился я во Дворец Йогурта, что на улице Пуласки. Как я уже сказал, мне нужна была работа, чтобы свалить из дома, вдобавок я решил, что попытаюсь начать копить на машину или фургон. На самом деле я недавно видел фургон с нарисованным на боку пауком, девчонке типа Дори наверняка понравилось бы, если бы у парня было подобное средство передвижения. В общем, однажды после школы я отправился во Дворец Йогурта и увидел там Джессику, и решил проверить, не поможет ли она мне. Она работала там года три и была уже чем-то типа помощника управляющего. Она стояла за стойкой в своем розовом фартучке и розовом берете. Едва заметив меня, она тут же затрясла головой.

— Тебе чего, Брайан Освальд? — спросила она, облачиваясь на стойку и хмурясь. Я пожал плечами, подошел к стойке и сказал.

— Я бы хотел заполнить заявление о трудоустройстве, пожалуйста.

— Чего? Это что, шутка такая? Тебя Гретхен подговорила?

— Я бы хотел заполнить заявление о трудоустройстве, пожалуйста.

— Отвали, — сказала она, показав средний палец.

— Нет. Пожалуйста, Джессика, мне нужна работа.

— Зачем?

— Мне нужно свалить из дома, — сказал я. — Мама все время сидит там и плачет, блин.

— Да? — спросила она, странно меня рассматривая, взвешивая мои слова, что ли.

— А еще, — сказал я, — а еще я коплю на фургон. Я хороший работник. И у меня куча свободного времени, ты же знаешь.

— Хорошо, ты можешь работать вечерами? — спросила она.

— Я могу работать когда угодно, — сказал я. — По вечерам, по выходным, когда угодно.

— Правда? — сказала она, кивая. — Ну, и когда ты готов приступить?

Вот так это оказалось легко.

Итак, на фургоне, том, на который я решил копить, была нарисована черная вдова, прямо на боку. Фургон был черный, и паук был черный, обведенный желтым, с белой паутиной по кругу. Я видел его припаркованным у дома того чувака, в двух кварталах от Майка. Я чуть не грохнулся с велосипеда, когда увидел на панели табличку ПРОДАЕТСЯ. Думаю, фургон был мне нужен потому, что, как говаривал Майк, фургон — главное украшение мужчины, ну после усов, разумеется. У Джеба Деррика были усы, светлые такие, и на стоянке «Хонтед Трейлз» у него на коленях всегда сидели девчонки. Как я уже говорил, не знаю почему, я не мог отрастить усы, чтобы спасти свою жизнь. Но я знал двух парней — настоящих шестерок в школе, — которые, приобретя фургоны, уже через несколько недель встречались с настоящими секс-бомбами, и даже если не секс-бомбами, то сиськи у них были что надо. Я бы довольствовался и страшненькой, если бы она заметила, какая песня играет в магнитоле. Но большинство девчонок не обращали на это внимания, по крайней мере из тех, что бывали у Майка. Они, кажется, были слишком озабочены своими прическами. Не знаю. Я думал, что если бы я сидел в машине с какой-нибудь девчонкой с жуткими угрями, но она бы сказала: «Это Black Sabbath с Оззи?» я бы закрыл глаза, представил бы себе милашку и благодарно бы ее поцеловал. Дори, ну, Дори знала разницу между старым Black Sabbath и новым Sabbath с Ронни Джеймсом Дио, полной херней. Это было одной из причин, почему она мне так нравилась. Она была высокая и хорошенькая и не боялась слушать тяжелую музыку.

За неделю работы во Дворце Йогурта я выучил, что они предлагают тридцать три разных вкуса, а не тридцать один, как в «Баскин Роббинс», хотя, если честно, я бы не смог сказать, что представляли собой эти два дополнительных вкуса, разве что мороженое «Супермен» было не чем иным, как обычным ванильным мороженым с красным, желтым и синим пищевыми красителями. Поскольку для меня это все было бесплатно — с целью предотвратить кражи, — я ставил над мороженым самые невероятные эксперименты разной степени безумия, например, смешивал ананасовое, вишневое и ромовое или съедал по семь шариков «ирландского крема», наслаждаясь ими прямо над урной, чтобы в случае чего поплевать, после чего был счастлив, что имеется стойка, на которую можно опереться. Еще там все время было полно худых ухоженных разведенных женщин в облегающих гимнастических костюмах и с волосами, собранными в хвост, которые заходили попробовать наш обезжиренный йогурт после занятий по фитнесу. Но самое замечательное во Дворце Йогурта было то, что там отсутствовал босс, потому что ему поставили диагноз «рассеянный склероз», а его сынок Кэффи фактически оставил лавочку на растерзание придурковатым подросткам типа Джессики Д. Работа была настолько хороша, что я даже

и не думал подворовывать, потому как, что, интересно, я делал бы, попадись я на этом, а попался бы я непременно, потому что, как и все подростки, был недостаточно хитер.

Самое потрясающее началось в пятницу вечером. В ту пятницу я впервые работал вечером один, потому что Джесс захотелось пойти на вечеринку, а я уже отработал неделю, и мне это вполне подходило, поскольку, ну, в кафе был магнитофон на две кассеты, и я сделал такую штуку — я попытался создать совершенную коллекцию рок-н-ролла, где все невероятные песни следовали бы одна за другой, например, *Surrender* от Cheap Trick переходила бы в *Too Young to Fall in Love* от Mötley Crüe, одна за другой, весь вечер, как будто меня должен был оценить какой-нибудь рок-гуру, или живая аудитория, или что-нибудь в этом роде. В ожидании посетителей я нырнул в кладовку, где стоял магнитофон, и включил следующую песню, прежде чем закончилась предыдущая, и *Paradise City* от Guns n'Roses перетекла в *Revolution* от the Beatles. Вероятно, никто, кроме меня, не заметил этого вечера пятницы; ни женатые пары с сопливыми детишками, которые роняли свои стаканчики с мороженым, прежде чем я успевал им их вручить, ни одинокие домохозяйки в желтых спортивных штанах, очевидно заполняющие пустоты в своих сердцах тройным карамельным мокко, ни даже подростки, пригласившие девчонок на свидание, неловкие и озабоченные тем, хватит ли им денег. И тогда в десять часов вечера, перед самым закрытием, я сделал вот что: я подмел и вымыл пол под песню Rolling Stones *Wild Horses*. Это, понимаете, должно было стать моей фишкой.

Еще эта работа позволяла мне усовершенствовать свои фантазии, в которых я оказывался за стойкой во Дворце Йогурта, и входила Дори и звучала песня Kiss *Beth* и каштановые волосы Дори развевались и она расстегивала молнию на джинсах и появлялся золотой венец и мы шли в кладовку и занимались там сексом, и я никогда не волновался о том, хорош я или нет, потому что это была всего лишь мечта. В общем, по настоящему мне нужен был не фургон и не побег из дома, а именно Дори. И все же на фургоне действительно был нарисован паук, и идите на хрен, если скажете, что уже слышали это, потому что это было просто офигительно.

Чувак, с которым я должен был работать в субботу вечером, Том, нехороший был человек. В первый же вечер нашей совместной работы, пустой, скучный вечер без единого посетителя, Том оглядел меня с ног до головы, как будто проверяя что-то, и спросил: «Слышь, брат, тайны хранить умеешь?»

Том выглядел как самый обыкновенный парень — среднего роста, среднего сложения, прыщи средней паршивости, серая изодранная бейсболка, всегда задом наперед. Манера разговора у него была странная, как будто он из негритянского гетто, что ли, хоть он и был еще белее меня. Не думаю, что он отличался сообразительностью. В смысле, я думаю, он был бы ничего, если бы не был таким тупым и жадным.

— Ёу, ты тайны хранить умеешь или нет? — повторил он свой вопрос.

— Полагаю, да, — сказал я.

— Тогда смотри, — сказал он, указывая на кассовый аппарат, — У меня система.

— Система?

— Система, — сказал он, кивая. — Идеальная.

— Правда?

— Смотри, — снова сказал он. — Когда люди входят, я их не пробиваю.

— Ну и?

— В смысле, я беру деньги, да, они платят, а я кладу деньги себе в карман.

— Какого хрена ты это делаешь?

— В каком смысле *какого хрена*? — спросил он. — Чтоб деньги делать.

— Тебе разве не платят за работу здесь?

— Ну да, но это ж фигня. А так на хату я иду с кэшем в кармане.

— Так, ладно, все круто, только не делай этого, когда я поблизости. Мне нужна эта работа.

— Чего, ты думаешь, мне эта работа не нужна? — спросил он.

Я усмехнулся и, отвернувшись, продолжил протирать стеклянные двери.

— Я тебя вопрос спросил, — сказал Том, наступая на меня.

— Ты *меня вопрос спросил*? — сказал я, передразнивая его. — Ты вообще откуда?

— А тебе какого хрена надо знать, откуда я? — пробормотал он, грозно глядя на меня.
— Из Оук Лон я.

— Оук Лон? — спросил я, качая головой. — Что, даже там темнокожие живут?

— Ёу, — сказал он, делая рукой странный гангстерский знак. — Ты должен уважение мне проявить. Говниться не надо тут, пол меня?

— Ну извини, — сказал я, отворачиваясь, чтобы не рассмеяться. — Удачи тебе с твоей системой.

Когда зашли единственные в тот вечер посетители — две пожилые женщины в одинаковых синих капорах, заказавшие самые маленькие стаканчики мятно-шоколадного мороженого из всего, что у нас было, — Том попытался применить свою «систему», взяв у них деньги и не выбив чека. Я встал позади него, решив, что не позволю ему все испортить.

— Ёу, Том, — сказал я, когда он потянулся за деньгами — жалкие полтора доллара. — Ты, брат, забыл чек выбить.

Он уставился на меня, моргая, затем повернулся к женщинам и сказал:

— Я выбью чек, когда возьму деньги.

— Ёу, Том, почему бы не заняться чеком сейчас? — спросил я.

— Ты пошел бы столы протер, — сказал он, все еще держа в руке доллар и два двадцатипятицентовика.

— Я уже протер. Давай помогу тебе, — сказал я и нажал на кнопку. Кассовый аппарат зажужжал и бикнул, и, взяв у Тома деньги, я положил их в соответствующие отделения.

— Тебе, сука, пиздец, — прошипел он.

Весь вечер я ждал, что он подойдет ко мне с ножом или кастетом или метлой даже, но он ничего не сделал. Мы закрыли кафе, закончили уборку, и когда он уже уходил, я сказал:

— Прости, Том. Я просто не хочу, чтобы меня вышвырнули с работы, — и он кивнул, и устремился к своей машине, золотому «Cutlass Supreme», на номерах которого было написано МИСТЕР ЛОВКАЧ.

На следующий день, придя на работу рано, я обнаружил, что меня уволили. Том позвонил Кэффи, сыну босса, и сказал, что застал меня за воровством, а также упомянул, что ему известно об интрижке между Кэффи и Джессикой, и на этом для меня все закончилось. Мечты о побеге из дома, мечты о фургоне с пауком, мечты о Дори — все пошло прахом.

Я поклялся, что если когда-нибудь узнаю, где живет этот Том, то как следует его отде- лаю, я поклялся чертову Богу, честное слово.

ДЕВЯТЬ

На парковке у «Север-Элевен» я снова поцеловал Дори. Мы ждали, пока Майк купит си- гареты, и Дори стояла у урны, изрисованной граффити навроде *отсоси у меня и я, 1988*, и в ночи горела большая красно-зеленая вывеска «Север-Элевен», и какая-то мамаша в длинном буром универсале орала на своих детей, и какой-то парень оставил в белом фур- гоне включенное радио, где Бадди Холли пела «Каждый день» под пошлое механическое пианино, и Дори стояла, облокотившись о стену «Север-Элевен» из красного кирпича, и на ней была голубая джинсовая куртка и синие джинсы, и футболка с надписью «Кастрируй и стерилизуй своих ублюдков», и ее темно-рыжие волосы казались очень прямыми — челка до самых бровей, — и она выцарапывала свое имя белым камнем на кирпиче, что не очень-то получалось, и она сосала апельсиновый леденец и подпевала Бадди Холли, и ко- гда наконец я поцеловал ее во второй раз, на вкус она была, как апельсин.

ДЕСЯТЬ

На этот раз я решил, что будет круто выбрить волосы на голове полосками — знаете, как у Брайана Босворта из Oklahoma Sooners — волосы на затылке длинные, а на висках короткие, и на висках выбрит какой-нибудь крутой узор. Я думал, что это может, знаете, сработать, может быть моей «фишкой», знаете, я мог бы стать парнем с выбритым на вис- ках узором. Босворта я увидел по телеку за несколько месяцев до этого, когда мой стар- ший брат Тим смотрел гомо-эротический футбол, — прическа была прикольная. В общем, я попросил Майка попробовать, а он отказался. В смысле, я даже дошел до аптеки и купил триммер за двадцать баксов, и вот я весь такой с триммером, и никто не соглашается по- мочь; я даже попросил миссис Мэдден, и она сказала, что сделает это за пятьдесят баксов. Вот так всегда: тебе приходит в голову отличная идея, а люди вокруг из кожи вон лезут, только бы ты ее не осуществил.

Как с разводом предков Майка: звучало это отлично, а на самом деле жизнь его стала — полное дерьмо. Ему приходилось все время работать в паршивой пиццерии, самому поку- пать себе еду, он не мог воспользоваться телефоном, целый месяц не видел свою сестру, и из-за всего этого со школой у него пошел полный пиздец. Он не успевал с домашним зада- нием, не готовился к контрольным и из хорошиста превратился в законченного двоечника. Я не мог ничего сделать, не мог даже ничего сказать, чтобы подбодрить его. Он посто- янно курил траву — перед уроками и после, и даже иногда на переменах — и он полно- стью, совершенно завалил последний тест по истории, и цыпочка мисс Эйкен попросила его остаться после уроков, и поинтересовалась что происходит, и он только покачал голо- вой, встал и вышел. Дерьмо, в общем.

Мы сидели у Майка, и он, как обычно, дулся, весь такой депрессивный, и не думаю, что вся эта подкурка особенно ему помогала, и в конце концов пришла Дори, так как я назва- нивал ей целый день, и, ну, я подумал, может, ей удастся вытащить Майка из постели. Она принесла из школьной библиотеки книжку про бостонского душителя и еще одну про американских серийных убийц, и я подумал: *Вот это девчонка*, и она планировала помочь нам с выпускной работой. Но Майк, он был в таком кошмарном настроении, он слушал и слушал песню Black Sabbath «Перемены» — очень слабую песню, надо сказать, там еще пианино, *пианино бля в песне Black Sabbath*, и Оззи что-то там бормотал про происходящие с ним перемены — а Майк только и делал, что лежал в постели, и я впервые долго-долго

разглядывал его комнату, где повсюду были трубки и боксерские груши и пошлые журналы, и Дори лишь покачала головой и сказала: «Майк, твоя семейная жизнь — полный пиздец», и он поднял голову и сказал: «Мне прекрасно это известно».

— Слушай, приятель, нам надо сделать этот проект, — сказал я.

— А кого это ебет? — спросил он и застонал. — Когда кругом сплошной пиздец.

— А как насчет Эрин Макдугал? — спросил я. — Вроде все не так уж плохо, а?

— Черт, — вздохнул он. — Это только вопрос времени, пока я проебу и это.

— Тебе нужно соскочить, приятель, — сказал я. — Давай, пошли в торговый центр или куда-нибудь.

— Просто оставь меня в покое! — крикнул он, зарываясь головой в подушки. Я потянул его за голую ногу, но он не пошевелился.

— Так, хватит, — сказала Дори, грустная, — если хочет быть несчастным, пусть будет. Мне в любом случае пора на работу.

Я проводил ее во двор и спросил:

— Дори, я тебе все еще буду нравиться, если постригусь, как Брайан Босворт?

— Как кто? — спросил она, прикуривая сигарету.

— Парень, футболист, с такими выбритыми полосками? Типа узоров.

— Думаю, это будет глупо выглядеть, — сказала она, качая головой. — Мне нравятся твои волосы и так. Очень милые.

— Да, наверное, — сказал я. — Просто такая у меня была тупая идея.

— Поцелуй меня, и я пойду, — сказала она, глядя на часы. Щелкнула тюбиком белой губной помады и быстро подправила губы.

— Тебе правда надо идти? — спросил я.

— Ага, меня обещали подбросить.

— О'кей, — я потянулся к ней и поцеловал ее крепко-крепко, держа за руки, мой язык скользил у нее во рту туда и обратно, она хихикала и наконец шлепнула на мою щеку большое белое клеймо поцелуя. Я проводил ее к фасаду дома, и к нам подъехал охуенный черный «файерберд» и замер у бордюра. Чувак за рулем — какой-то хрен в зеркальных очках от солнца, черной бандане и с пушистыми черными усами — подудел дважды, убавляя звук какого-то сального рока в колонках, которые по мощности сошли бы и для стадиона. Я стоял рядом с Дори, разинув рот.

— Позвони мне, — сказала Дори, исчезая в машине. Шины завизжали, когда они тронулись с места, и я сразу же стал производить в голове некие довольно сомнительные арифметические подсчеты:

— Волосы у меня были так себе, как бы мне ни льстила Дори. У меня вообще вид был — так себе. Ничего определенного.

— У меня больше не было работы, а следовательно, и денег.

— При таких условиях я могу позволить себе зазвать Дори в забегаловку, побаловать ее там одним дешевым салатиком и проследовать на автобусе в место проведения чудного романтического вечера, где можно с наслаждением наблюдать, как Майк затевает очередной скандал, а затем просто скулит, как больной щенок.

При таких исходных мне вообще не светило когда-либо заняться с ней этим — если, конечно, мне не удастся скопить немного денег — и все это выглядело довольно безнадеж-

но.

Пока

Пока

Пока произошедшие в один прекрасный день события, связанные с ебанутой игрой Dungeons and Dragons, все не изменили.

ОДИННАДЦАТЬ

В общем, в субботу во второй половине дня эти придурочные знакомые Майка, эти ребята, увлеченные Dungeons and Dragons, неожиданно позвонили ему и поинтересовались, может ли он продать им немного травы. Это была блестящая возможность, учитывая, что человек их было пять или шесть, и все они хотели поучаствовать. Почему? Ну не знаю, чтобы доказать свою крутизну, может быть. Заправлял у них всем этот мальчишка Питер Трейси. Майк учился с ним в младшей школе, и пару раз они сыграли в D&D, но вот уже несколько лет даже не разговаривали. Так что, когда мальчишка спросил: «Можешь сегодня принести? Это очень важно», Майк сказал: «Договорились», и быстро повесил трубку.

Идея заключалась в том, чтобы дать им совсем немного травы, достаточно, чтобы они слегка кайфанули, а остальное набить орегано — старый наркоманский трюк. Таким образом Майк продавал им чуть-чуть, а получал в пять раз больше. Это было просто, как все гениальное. Мы прыгнули в автобус и доехали до Оук Лон, где на тупиковой улице в ряд выстроились многоквартирные дома. Мы обошли дом, как проинструктировал нас главный ботан, и дважды постучали в заднюю дверь. Мама мальчика, очень смахивающая на Джун Кливер, с коротким каштановым каре, в синем платье и белом фартуке, улыбаясь, открыла дверь: «О, здравствуйте, мальчики, — засияла она. — Входите, входите».

— Спасибо, — сказал Майк, приглаживая волосы.

— Мы так давно не виделись, Майкл. Как твои родители?

— Шикарно, — сказал он. Мы прошли через кухню, улыбаясь и кивая миссис Трейси, пока она просила нас вытереть ноги. Сразу было видно, что она одна из этих женщин. Как я уже сказал, у нее были идеально уложенные каштановые волосы, бело-голубой фартук с оборками, и в руках она держала мыльную швабру. Мы с Майком извинились и вытерли ноги о коврик, и она сказала: «Мальчики в гостиной, играют».

— Отлично, — сказал Майк.

— Хотите повесить ваши пальто? — спросила миссис Трейси.

— Не, мы только на минутку, — сказал Майк.

— Нет-нет, я настаиваю, — сказала она и заставила нас снять пальто. Я оглядел кухню и заметил, как чиста, безукоризненна, совершенна в ней каждая поверхность, как аккуратно повешены у задней двери куртки всех ботанов, заметил синий льняной жакет миссис Трейси, ее красную сумочку, идеально расположенные на крючках, прибитых на разной высоте, и как все в этом вроде бы чуть ли не напевает; и я подумал о кухне Майка, где царит полный бардак и где в раковине вот уже несколько недель торчит подгнивший вилок латука, и о своей кухне, в которую вообще никто не заходит, потому что никому неохота есть дома. Мы прошли по коридору, мимо дурацких фотографий Питера Трейси в младенчестве — десятков, так как он был единственный ребенок в семье, — и уже глядя на них, можно было сказать, что он вырастет занудой: голова у него была огромная, раз в восемь больше, чем туловище, и в камеру он взирал холодно, недовольно, надменно. Мы прошли по коридору и вошли в гостиную, где пять или шесть полных ботанов играли в свою хреновую ролевуую игру, крича и бросая кубик и, как мне показалось, мысленно друг у друга от-

сасывая, что ли.

— Мой эльф атакует Злого Орка! — объявил рыжий очкарик, выкатывая горсть кубиков.

— Мой вор присоединяется к схватке! — выкрикнул другой придурок, хлопнув ладонью по деревянной столешнице. *Боже милосердный*, подумал я, *да эти парни еще большие зануды, чем я.*

Питер Трейси сидел во главе стола, на нем было что-то вроде черной мантии — да-да, черная блин мантия — причем с капюшоном, и он изображал Повелителя темниц: главного зануду, который ведет всю эту гребаную игру.

— О, но это ловушка! — сказал Питер со змеиной улыбкой, — ибо Орк этот — не Орк во все, а метаморфирующий демон!

Зануды задержали дыхание, возбужденные и потрясенные, и наконец один из них, пухлый и потный, подался вперед и произнес с заунывно-театральными интонациями: «Мой волшебник заклинает истины! Мы увидим, насколько могущественный враг этот метаморфирующий демон!»

— Ах, господа, — сказал Питер, поднимая голову и кивая в нашу сторону. — Кажется, у нас гости.

— Кто эти зловещие незнакомцы? — спросил толстяк, все с теми же заунывными нотками в голосе.

— Быть может, это дружественные путники! — крикнул рыжий.

— Быть может, это метаморфирующие демоны! — ответил толстяк.

— Ладно, без разницы, — сказал Майк, начиная нервничать. — Мы вам принесли, о'кей?

— Ах да. Но, быть может, для начала ты хотел бы воскресить своего персонажа, Гастона Рейнджера? Пару раундов погони за Орками? — спросил Питер Майка, пододвигая свободный стул к столу.

— Спасибо, не надо, — сказал Майк. — Нам есть чем заняться, вообще-то.

— Итак, — шепотом спросил Питер. — У вас с собой? Все?

— Да, — сказал Майк. — Но зачем вам столько?

— Ну, мы все хотим попробовать, — сказал Питер.

— Мы тут спорили о том, сколько вообще нужно. Может быть, ты знаешь? — спросил парень в гигантских очках, поднимая руку.

— Сколько нужно? Чтобы кайфануть? Ну, — сказал Майк, кивая и глядя на свой бумажный пакет для завтраков. — Этого должно всем хватить.

— Круто, — сказал зануда в очках, опуская руку.

— Кому платить? — спросил Питер, открывая большой металлический ларец, стоящий в центре стола.

— Мм, мне, видимо, — сказал Майк. Питер встал, отсчитал пятьдесят долларов — по десятке с каждого — и вручил Майку.

— На этом, я полагаю, мы завершили сделку, доблестный Рейнджер, — сказал Питер, натягивая капюшон обратно на голову. Он положил бумажный пакет, полный травы, но по большей части орегано, в ларец и повернул в замке маленький золотой ключ. — Теперь мы должны отпраздновать! — объявил Питер, хлопая в ладоши, как средневековый трак-

тирщик. — Мать! — крикнул он. — Наши кубки, прошу!

Через секунду миссис Трейси принесла большой серебряный поднос, на котором стояли коллекционные бокалы с героями Звездных войн, у меня были такие в детстве, из «Бургер кинга», что ли. Не уверен. У каждого из зануд, по всей видимости, был свой особенный бокал, и каждый из бокалов был наполнен разными напитками: для толстяка — молоко в бокале с Дартом Вейдером, для рыжего — апельсиновый сок, украшенный ликом принцессы Лейи. Питер потянулся и взял последний бокал, объявляя: «И Чуабакка, старый друг, я верю, что ты за меня!»

— Все выше! — в унисон прокричали зануды, поднимая бокалы и чокаясь.

— Простите, мальчики, я не знала, что вы зайдете, а то я принесла бы вам что-нибудь. Майкл, там, кажется, есть стакан «Империя наносит ответный удар», с твоим именем.

— Нет, я в порядке, миссис Трейси, — сказал он. — А это ничего, если я воспользуюсь уборной?

— Ну конечно, Майкл. Ты помнишь, где это, дорогой?

— Да, мэм, — сказал он, встал и исчез в коридоре.

Я стоял посреди комнаты и смотрел на зануд, сидящих за столом, и думал, как близок я был еще недавно к тому, чтобы стать таким же, как они: нелепым, несчастным, неприспособленным к жизни, вечным девственником. И все же было в них что-то забавное, как будто они знали, что делают что-то такое, заведомо нелепое, но им наплевать. В смысле, на Питере Трейси была эта гребаная друидская мантия, а ему было наплевать. В этом было что-то такое, не знаю, смелое — не беспокоиться блин о том, что о тебе подумают. И все они были вась-вась, у них была своя маленькая компания, со своими маленькими правилами и манерой говорить и все такое. В этом смысле это было даже круто. Я сел на место Майка, и очкарик наклонился в мою сторону и спросил:

— Ты играешь в РИ?

— Хмм, не знаю, что это, — сказал я.

— Ну знаешь, ролевые игры? Играешь в них?

— Не то что бы, — сказал я.

— Жалко, — сказал он, как будто ему было меня жаль, и дыхание его было горячее и пахло молоком. — Это классный способ знакомиться с людьми.

— Еще бы, — сказал я.

— На прошлой неделе Брюс привел свою девушку, — очкарик указал на высокого, тихого парня в углу стола, который улыбнулся мне и кивнул.

— У вас ребята и девушки есть? — спросил я.

— Ну, только у Брюса. Но, хм, для этого нам и нужны эти... волшебные ингредиенты.

— Чего-чего?

— Наркотики, — сказал мальчик, указывая подбородком на ларец посреди стола. — Сегодня мистер и миссис Трейси уходят на весь вечер на свадьбу. У нас тут намечается *вечеринка*, — сказал он таинственным голосом, как будто я никогда прежде о вечеринках не слыхивал.

— Ну удачи вам, — сказал я.

— Я бы пригласил тебя, но мы не хотим разрушать гендерный баланс. Все очень точно скоординировано.

— Еще бы, — сказал я. Майк появился в коридоре и подозвал меня жестом.

— Все, пошли, — сказал он, яростно мне подмигивая.

— Да расслабься ты, — ответил я.

— Нет, нам пора валить. У меня еще дела, ясно тебе?

— Успокойся.

Майк сгреб меня за шкурку и выпихнул в коридор к входной двери. «Ладно, ладно, идем». Он схватил свою куртку, затем мою, бросил ее мне, открыл дверь, помахал миссис Трейси, которая оттирала на кухне сковородку, пробормотал: «Увидимся, миссис Трейси», и вытолкнул меня на крыльцо.

— Что? Что за хрень? — спросил я. — Чуваки эти довольно прикольные, — сказал я, но Майк продолжал тащить меня за воротник еще полквартиры. Потом остановился и захохотал, а затем задрал футболку. Между трусами и брюками у него было засунуто красное клеенчатое портмоне, типа женского кошелька.

— Чувак, ты спер кошелек у его мамы? — спросил я.

Он кивнул, кашлянул и подмигнул.

— Он лежал прямо у двери. Я заметил его, когда пошел в ванную.

— Сколько там? — спросил я. Он щелкнул замочком и заглянул внутрь, и глаза его округлились.

— Похоже, сотня баксов или около того. Плюс полтинник.

— Да мы живем!

— Не мы, а я, — сказал он.

— Да иди ты.

— Шучу-шучу.

— Что собираешься с этим делать? — спросил я. Он посмотрел на меня, вытер нос и сказал:

— Пошли в торговый центр. Есть идея.

Итак, у нас было сто пятьдесят долларов и весь вечер субботы, и вот что мы придумали: Майк купил Эрин Макдугал такую штуку на шею, которая на самом деле две штуки, с серебряным сердечком, которое разламывается надвое, одна половинка — парню, вторая — девчонке, и выгравировал на ней надпись и всякую такую хрень, и стоило это блин целых шестьдесят баксов. Плюс двадцать пять за гравировку, так что на самом деле на этот тупой подарок ушло восемьдесят пять, и написано там было «Майк и Эрин, в такой чудесный 1991 год», что, на мой взгляд, вообще на хрен не имело никакого смысла, но надежды отговорить его не было никакой, так что я помалкивал в тряпочку.

Я пошел в магазин под названием «Слон и канарейка», где продавалась безумная, дурацкая бижутерия и солнечные очки, и всякая такая девчачья хрень, в этом магазине я чуть однажды не проколол себе ухо, но в последний момент прибрздел.

— Что ты тут собираешься покупать? Здесь же сплошные пластиковые браслеты, дерьмо.

— Вот это, — сказал я. — Вот это для нее.

В углу магазина сгрудились мягкие игрушки — мишки, собачки, кролики, котята, тиг-

рята — и типа всякие леденцы и браслеты, и разное такое дерьмо, которое в магазине могут засунуть в суперпрочный воздушный шарик, знаете, такой вот подарок: мягкая игрушка с типа конфетой или там я не знаю, но внутри воздушного шарика. По-моему, охренительно гениально.

— Чувак, ты что, подаришь ей воздушный шарик? — спросил Майк

— Вроде как зверушка внутри шарика.

— За шестьдесят баксов?

— На целый месяц хватит!

— Чувак, это самая тупая идея на свете.

— Нет, чувак, — сказал я. — Подарить какой-то девчонке, с которой ты и трех недель не встречаешься, серебряную блин цепочку с гравировкой — вот это самая тупая идея на свете.

— Да это шик! — сказал он.

— Нет, совсем нет. Это ее вырубит.

— И как же это ее вырубит? — спросил он.

— Это же как руку предложить. И сердце. Мой подарок забавный. Дурацкий такой.

— Дурацкий, это точно, — сказал он.

— Мм, продавщица, — сказал я пятнадцатилетней блондинке с излишком косметики, скучающей за стойкой. — Я хочу животное в воздушном шарике. Можете мне помочь?

Она щелкнула жвачкой и кивнула.

— Какое животное?

— Ну не знаю. Какое животное, Майк? — спросил я.

— Только не собаку. У нее собака сбежала в детстве, и она сильно переживала.

— Ладно, собаку не надо, — сказал я. — Как насчет... как насчет медведя? — спросил я.

Девчонка за стойкой округлила глаза.

— Все медведей берут, — сказала она, беря с полки белого мишку.

— Хорошо, хорошо, как насчет тигра?

— Тигра? — спросил Майк.

— Да, я подарю ей тигра. В шарике. Заплати девушке, — сказал я Майку. Он кивнул и вытащил из кармана остаток нашей добычи.

— Почему тигра-то блин?

— Ну не знаю, — сказал я. — Нравятся мне тигры. Прикольно ведь, правда? Прикольно? — спросил я девушку, которая надувала гигантский красный шарик. Она поглядела через плечо и грустно кивнула.

— Я бы не отказалась, — сказала она. — Я молюсь Богу, чтобы кто-нибудь сделал такое для меня, просто ни ради чего. Вот так и узнаешь, что встречаешься с хорошим парнем. Они делают такие вещи ни ради чего, — сказала она, и я пихнул Майка локтем в бок, усмехаясь.

Хотите верьте, хотите нет, но с этой цепочкой и гравировкой «Майк и Эрин, в такой чудесный 1991 год» все прошло как по маслу. Эрин Макдугал просто влюбилась в нее, в смысле, просто *влюбилась*. Она запрыгнула Майку на колени и попросила помочь застег-

нуть ее на шею, и то же сделала с его половинкой, и они вдвоем возились на диване и целовались, и Эрин Макдугал хихикала и говорила: «Какая прелесть, какая прелесть».

Что ж, потом встал я и полез в белый бумажный пакет, и сказал Дори закрыть глаза, что она и сделала, но потом стала подсматривать, и я остановился, а она вздохнула и отвернулась лицом к дивану, и я вытащил большой воздушный шар и подмигнул Майку, который покачал головой, и Эрин Макдугал смотрела на меня, как на сумасшедшего, должно быть думая: *Что это еще за штука?* Но мне было все равно, потому что, ну, я знал, что это прикольно. Я знал, что это нелепо и глупо, но мне было все равно, потому что это был я, наверное, и мне правда нравилась эта девчонка, и я хотел с ней быть самим собой, что ли. В общем, в конце концов я вытащил большой красный шарик и сказал: «Можно», и она открыла глаза и посмотрела на шарик, потом на меня, потом снова на шарик.

— Это тигр, — сказал я. — В шарике.

Дори снова уставилась на него и улыбнулась, и я не мог сказать, притворяется она или нет, но потом она подошла и поцеловала меня в щеку, и сказала:

— Мне очень нравятся тигры.

— Правда? — спросил я.

— Ага, — сказала она. — В смысле, не то чтобы я их собирала, или что, но они мне правда нравятся.

— И мне, — сказал я и поцеловал ее. — Это ведь не глупо, правда?

— Нет, мне правда нравится. Прикольно, — сказала она. — Это, ну, так на тебя похоже.

— Я подумал, ну, ты же не носишь украшения, так что, ну вот, — сказал я. — Я не хотел этого, знаешь, «Давай дружить» и все такое.

— Мне нравится, правда, нравится, — сказала она, обвивая мою шею руками.

— Ну хорошо, — сказал я. Мы сели на диван, тигр в шарике на коленях Дори.

— Эй, — сказала она.

— Да?

— У меня есть секрет.

— Правда? — спросил я.

— Правда, — сказала она.

Она придвинулась ближе ко мне и поднесла губы к моему уху, и произнесла слова, слова, которые должны были изменить мою жизнь, бесповоротно:

— У меня дома никого нет.

— Правда, — переспросил я, выпрямляясь и улыбаясь.

— Правда, — повторила она, подмигивая.

— И?

— И у меня дома никого нет, — снова сказала она, и мы поднялись и побежали, вдвоем, рука в руке.

ДВЕНАДЦАТЬ

Я никогда раньше не бывал в комнате Дори, не говоря уже об остальном доме. Меня пускали не дальше крыльца, вот, собственно, и все. Комната Дори была вся белая, с крас-

ным ковром, и все в ней было такое чистое, на стене висел плакат с Дэвидом Боуи, затягивающимся сигаретой, а на узкой кровати лежали подушечки в форме сердец, что, признаться, меня удивило.

— Итак? — сказала она, вроде как нервничая. — Вот собственно. Это моя комната. Что думаешь?

— Мило, — сказал я.

— Точно.

— Правда.

— Ну и? — сказала она, вроде как хлопая в ладоши.

— Ну и, — сказал я, и мы начали целоваться и обниматься, падая на кровать. В одно мгновение коричневая рубашка Дори оказалась расстегнута, мой свитер стянут, ее блестящие черные ботинки на полу, мои штаны спущены, ее джинсы сняты, ее носки стянуты, ее волосы у меня на лице, ее рот у моего подбородка, ее коричневый атласный лифчик расстегнут, мои штанины опущены на ботинки, ее руки стягивают с меня футболку через голову. Мы быстро нырнули под бежевое покрывало, она помахала в воздухе белыми трусиками, бросила их на пол и засмеялась. Я касался ее кожи, такой гладкой, такой ароматной, и почему-то она покрылась пупырышками от холода, и я, вроде как неловко, стянул с себя трусы и сбросил их с кровати и затем, внезапно вспомнив, сел прямо и полез в карман штанов за резинкой, которую как-то дал мне Майк.

Вернемся:

Майк на стоянке у аптеки «Оско Драг», облокотившись на детскую карусель, прикуривая сигарету, достает из заднего кармана кошелек, открывает его, вынимает завернутый в фольгу презерватив и говорит: «Без него ни шагу. Ты же не хочешь вдруг оказаться папочкой, правда?»

— Правда, — говорю я.

— В общем, покупай новый раз в месяц, — говорит он. — А то мало ли что.

— А то мало ли что, — повторяю я.

— Держи, — говорит он.

Затем:

Майк сидит на буром диване в своем подвале в белом несвежем белье, крутит косяк, время от времени оглядывает маленькую комнату, качает головой, улыбается. Говорит «Придется тебе вернуть мне ту резинку», и подмигивает мне, потому что в спальне его ждет Эрин Макдугал, и я, открыв кошелек, вручаю его ему и еще улыбаюсь.

Затем:

Майк как сумасшедший вылетает из «Оско Драг», на бегу хватая меня за руку, набирает скорость — через стоянку, через железнодорожные пути, через забор, на кладбище, я едва дышу, сердце в ушах, он достает из-под джинсовой куртки новенькую упаковку презервативов, вручает мне несколько, говорит: «С ребрышками», и задыхаясь: «знаешь, чтоб ей было приятно».

— Ага, — говорю я, сгибаясь, пытаюсь дышать.

— Вот этот, — говорит он, кладя на мою ладонь маленький кружочек из фольги. — Вот этот принесет тебе удачу.

Затем:

Мысленный альбом с фотографией каждой девчонки, которую я видел, о которой думал, на которую смотрел: те, с которыми знакомил меня Майк, девчонки вроде Гретхен, в которых я был влюблен, девчонки, с которыми я так и не заговорил, вроде той, что работала в «Спенсерз Гифтс», в торговом центре, девчонки, девчонки, казавшиеся такими невозможными, такими недостижимыми.

Возвращаясь:

Через плечо я посмотрел на Дори, которая все еще смеялась, поднимая и опуская ножки, чтобы покрывало взлетало и падало, как волна, и бормоча: «Побыстрей, я замерзла». Я повернулся, разорвал упаковку, забрался обратно под покрывало и сказал: «О'кей, ты мне подсказывай, ладно?»

— Ага, — сказала она, закатывая глаза.

— Знаешь, у меня это первый раз.

— Ага, — сказала она, закатывая глаза снова.

ТРИНАДЦАТЬ

Дори, Майк и я сидели в подвале и проводили спиритический сеанс, пытаюсь вызвать каких-то духов, да-да, и Майк сказал, что все равно все это чушь собачья, и ушел в свою комнату звонить Эрин Макдугал, чтобы, ну знаете, заботу проявить, и мы остались вдвоем с Дори, и наши руки касались маленькой белой стрелки, двигая ее от края к краю доски со всякими буквами и цифрами, и словами, и разной такой ерундой, мы оба хихикали и смеялись, и я спросил: «А тебе когда-нибудь удавалось вызвать привидение?», потому что это была ее доска, и она сказала: «Да, мы с Дженни Элвуд постоянно этим занимаемся», и я сказал: «А вы, подружки, уверены, что не сами двигали стрелку?», и она сказала: «Конечно, уверены», и мы продолжали двигать стрелку туда-сюда, пока она вдруг не остановилась сама по себе, отказываясь поддаваться нашим рукам, и я не понял, удерживала ли ее Дори или все-таки нет, но Дори спросила: «Дух, ты пытаешься с нами связаться?», и стрелка встала на «да», и тогда она сказала: «Ты добрый дух или злой?», и стрелка прошла по буквам Д-О-П-Р-Ы-Й, и Дори сказала: «Может быть, это маленький мальчик или что-то в этом роде, поэтому не умеет писать правильно», и я сказал: «Да, может быть», и тогда она спросила: «Ты ребенок?», и стрелка сразу направилась к «нет», и Дори спросила: «Как ты умер?», и буквы были Б-О-Л-Е-Н, и мы с Дори посмотрели друг на друга удивленно, и я попытался остановить движение стрелки, но она и вправду двигалась, и я сказал: «Правда ли, что я по настоящему, искренне нравлюсь Дори?», и Дори посмотрела на меня и улыбнулась, будто удивившись тому, что я спросил об этом, и вот так просто стрелка медленно скользнула к «да».

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Перед началом уроков я стоял на коленях у своего шкафчика, перебирая запиханное туда барахло, в поисках тетрадок по религиоведению и по химии, как будто в тумане, думая

только о Дори — ее волосах, ее руках, ее лице — и напевая эту песню, которую всегда пела она сама, «Перемены» Дэвида Боуи, не зная даже толком слов, кроме «Пере-пере-пере-мены, обернись и встреть...» — я не знал, что там дальше, и просто пел «повернись и встреть свой день», потому что было типа самое начало хренова школьного дня, хотя позже я выяснил, что строчка звучала как «повернись и чудо встреть», что тоже вполне бы подошло, знай я об этом заранее. Я стоял на коленях, вороша горы домашних заданий, тетрадок, проваленных тестов, каких-то листков, исписанных названиями моих музыкальных групп, одновременно с этим пытаюсь завязать свой черный галстук, и тут боковым зрением заметил Джона Макданну, его большое, квадратное, белесое лицо, его непропорциональное тело, продвигающееся по коридору по направлению ко мне, все увеличиваясь в размерах, и прежде чем я понял, что происходит, я почувствовал, как об меня стукнулось куриное яйцо. Я сразу понял, что это, чувство было в точности таким же, как тогда: странный резкий ожог от скорлупы, стекающая по шее вонючая липкость, комки желтоватой слизи на белой рубашке и черных штанах, слипшаяся белая масса, застывающая в волосах. Я посмотрел ему в глаза, когда он уходил, а он засмеялся смехом гиены, кивая двум своим приятелям, и в голове моей все вдруг встало на свои места. Тот первый раз не был случайностью, вовсе нет. Он выбрал меня, зная, кто я такой, или хотя бы как я выгляжу, — зная, что я легкая мать ее мишень, слюнтяй, слабак, который ни за что не даст отпор. И во всей этой истории именно осознание этого причинило мне боль.

ПЯТНАДЦАТЬ

В комнате Дори после уроков я лежал в ее постели, читая, и ее мама была еще на работе (она работала в регистратуре больницы), и я был без ботинок, и Дори тоже, и я читал эту тупую книжку про серийных убийц для своего проекта по истории, и она стала возить своей босой ногой по моей, и я притворился, что меня не волнует, и тогда она сняла рубашку и поцеловала меня в шею, и я продолжал читать, и она зарычала, она всегда так делала, и она потерлась об меня, и расстегнула мне штаны, а я продолжал читать, и она засунула руку мне в ширинку, и ее пальцы на моем члене, в моих штанах, и я стал возбуждаться, и не знал, что делать, и продолжал читать, и почувствовал, как ее рука взяла его целиком, и Дори прокричала: «Поторопись, Ромео, мама будет дома через секунду!» и она полезла под кровать за резинкой и мы стали делать это и книжка про серийных убийц упала с кровати и приземлилась на пол и до чертиков нас напугала, и я вскочил с постели, и мы догадались, что это просто книжка упала, и рассмеялись, и было так хорошо, и перед тем, как мы начали снова, я сказал ей: «Как хорошо».

...Будучи мальчиком, Пи Ви Гаскинс увидел на ярмарке, как кобра убивает живую крысу. По его собственному признанию, тогда он впервые почувствовал привлекательность насилия. Названный позже самым жестоким убийцей Америки, Пи Ви провел большую часть своей жизни в тюрьме. В 1969 году, после освобождения из заключения, куда он попал за убийство соседа. Пи Ви совершил беспрецедентное количество убийств. Он различал "курортные убийства", жертв которых он находил, разъезжая по дорогам Америки, убивая их исключительно для удовольствия, и «серьезные убийства», жертв которых он убивал по вполне определенным причинам. Его жертв обычно находили на прибрежных шоссе, куда он отправлялся раз в месяц, в попытке заглушить свое ужасное чувство "отчужденности"...

ШЕСТНАДЦАТЬ

В конце концов миссис Мэдден окончательно нас уничтожила. Я догадывался, что это все лишь вопрос времени. Мы с Майком разработали такой химический взрыватель, идеальный для почтовых ящичков, и это-то нас и погубило. Какой-то чувак, с которым Майк вместе ходил на уроки физкультуры, рассказал ему, что если взять двухлитровую пластиковую бутылку, засунуть в нее большой комок жестяной фольги, налить туда ртутной кислоты — такая продается в любой скобяной лавке, — затем завинтить крышку, кислота начнет постепенно разъедать фольгу, и возникнет ужасный газ, от которого все на хрен взлетит на воздух.

Мы должны были попробовать. Мы достали штуки три бутылки и моток фольги, купили маленький контейнер этой кислоты и однажды вечером вышли на улицу, прошли до конца квартала, засунули в одну из бутылок комок фольги, влили кислоту, завинтили крышку, затолкали все это в почтой ящик и побежали. Через несколько минут бутылка взорвалась, как автоклав, оторвав деревянный ящичек от столба, подбросив его фута на три вверх, где он полностью на хрен разлетелся. Мы тут же сделали вторую бомбу, перейдя на другую сторону улицы. На этот раз мы подорвали пластиковый ящик побольше, который полностью оторвать от столба не удалось. Он все еще болтался на какой-то проволоке, что ли.

Мы уже намеревались использовать нашу последнюю бомбу, когда появился некий разъяренный тип, судя по всему, сосед, крупный парень в белой футболке, он сгреб Майка за шкуру, когда тот уже заливал в бутылку кислоту. Меня он схватил за воротник рубашки и потащил обоих к Майкову дому, позвонил в дверной звонок, потом принялся громко стучать в дверь, пока наконец не появилась миссис Мэдден. Пьяная в жопу, со стеклянными красными глазами, она выглядела безмятежно и глупо, в своей желтой ночной рубашке, с сигаретой в зубах.

— Не-ааа, — сказала она, улыбаясь. — Это не мои.

— Миссис Мэдден, эти мальчики только что взорвали два почтовых ящика и собирались взорвать третий.

— Я за них больше не отвечаю, — сказала она. — Если хотите, можете обсудить все с отцом вот этого, — и она указала на Майка сигаретой.

— Миссис Мэдден, — пробормотал разъяренный сосед, прочищая горло. — Я не хочу впутывать в это полицию, но...

— Давайте, впутывайте полицию, — крикнула миссис Мэдден, — И сами пожалеете, что сделали это.

Разъяренный сосед, почесав подбородок, отступил на шаг назад.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Я имею в виду, что у всех есть глаза, мистер Хикман. У всех... — напустила туману она, — есть. Глаза. Поняли меня?

Мистер Хикман, разъяренный сосед, покачал головой, оглядел миссис Мэдден, потом нас, с ног до головы, и, качая головой, ушел. Остановился в нескольких метрах от крыльца и сказал: «Неудивительно, что они так себя ведут».

— Расскажи это судье! — крикнула миссис Мэдден. — Расскажи это судье, ты, мудила!

Мы с Майком зашли в дом, и миссис Мэдден, рассмеявшись, одним глотком допила свой виски, высоко запрокинув при этом голову.

— Вы двое, — сказала она, закрывая дверь. — Вы двое здесь больше не живете.

— Чего? — сказал Майк. — Нет, ты этого не сделаешь.

— Я сделаю все, что захочу, — сказала она. — Дом принадлежит мне.

— Мам, — сказал Майк, протягивая к ней руки. — Тебе придется позволить мне жить здесь.

— Я сделала все, что могла, — прошептала она. — А это выше моих сил.

— Ты что, блин, серьезно? — спросил Майк, закрывая лицо руками.

— Да, если ты не согласен жить по моим правилам, — сказала она, хмуро разглядывая облупившийся красный лак на ногтях.

— Мам, — прошептал Майк, и казалось, он вот-вот заплачет.

— Ну, я пошел, — сказал я, направляясь к двери.

— Нет, тебя это тоже касается, сиротинушка, — сказала миссис Мэдден, рассмеявшись собственной шутке. — Где вообще твои родители? Им что, все равно, где ты проводишь время?

— Все равно, — сказал я. — У них, видимо, свои проблемы.

— А, — сказала она, пристально посмотрев на меня. — Хороший ответ. Ну, — добавила она, отхлебнув виски и звякнув кубиками льда в бокале, — Майкл, ты знаешь, как я себя чувствую. В моей жизни уже был один говнюк, и второй мне не нужен и... — и она замолчала. Вот так, не окончив фразы. Ее глаза расширились и наполнились слезами, и она прикусила губу, и посмотрела на Майка, потом на меня, и наконец сказала: — Не могу больше. Простите, — и плача, убежала в свою комнату.

— Ну, я пошел, — сказал я шепотом. — Что ты будешь со всем этим делать?

— А что я могу сделать? — спросил он. — Никто из нас не изменится.

Он прикурил сигарету и пустил дым через ноздри.

— Я просто думаю, черт. Было бы неплохо, если бы ко мне относились как к ребенку. Хотя бы время от времени.

СЕМНАДЦАТЬ

Ладно, самое большое количество привидений на Среднем Западе водилось на этом старом кладбище в центре лесного заповедника под названием «Роща холостяка», в южном пригороде. Майку рассказала об этом месте его старшая сестра Молли еще до того, как слиняла, и мы месяцами собирались туда отправиться и посмотреть, есть ли там какие-нибудь привидения или что-нибудь в этом роде, но так и не отправились, потому что было не на чем, но у Эрин Макдугал — помните, «Майк и Эрин, в такой чудесный 1991 год» — имелась машина. Так что однажды вечером, в середине недели, мы все вчетвером запрыгнули в старенькую «тойоту камри» и доехали до 127-й улицы, вроде бы, припарковались на узенькой подъездной дороге и в кромешной тьме пошли через лесной заповедник. Эрин Макдугал тут же начала визжать и хихикать, вцепившись в плечо Майка, а Лори каждые два метра останавливалась, чтобы поцеловать меня. Сказать по правде, это было, черт возьми, страшновато, находиться в лесу ночью, совершенно одним, даже не знаю. Может, я насмотрелся ужастиков, но думал я только о том, что нас преследует какой-то парень в маске из мешковины с цепной пилой или чем-нибудь таким. У Майка был фонарик, и мы пробирались по узкой тропинке, потом вышли на другую, пошире, и уткнулись в ворота маленького кладбища, из зеленой проволоки, увитые ветками и плющом. Было очень тихо; только далекие звуки шоссе и сверчки, и нервный смех Эрин Макдугал.

Мы пролезли через дыру в заборе, немного побродили по одиночке, вглядываясь в суперстарые надгробия, кое-какие аж 1850 года. Лори, выпрыгнув из-за дерева, обхватила меня руками и поцеловала, а затем снова убежала. Через пару минут мы все уселись вокруг самого большого надгробия, на нем было написано ФУЛТОН, оно было гигантское и прямоугольное, и Майк зажег сигарету.

Стояла тьма, сквозь ветви над головой проглядывали куски синего ночного неба, и я нащупал руку Дори. Ничего не было видно, кроме светлячков и кратких вспышек фар на шоссе. Я мог разглядеть очертания головы Майка и носа Дори, а Эрин была большим темным пятном. Время от времени я оглядывался, чтобы убедиться, что на нас не выпрыгнет какой-нибудь коп или псих. Дори прижалась ко мне, и я почувствовал запах ее волос и подумал, что я самый настоящий везунчик.

— Мой папа, — сказал Майк, — он рассказывал, что они с приятелями однажды сюда выбирались.

— Да ладно? — сказал я.

— Ну знаешь, когда они были детьми или там подростками. Я спросил, видел ли он что-нибудь, но он так и не ответил.

— А не пиздишь? — спросила Дори.

— Нет, — сказал Майк. — И я спрашивал его и спрашивал, и он наконец сказал: «Если я тебе расскажу, ты неделю не сможешь спать».

— Ничего себе, — сказал я. — Плохи наши дела.

— Да уж, — сказал Майк. — В общем, я уговорил его рассказать, что он видел.

— И?

— Он рассказал, что они с приятелями сидели, выпивали и все такое, а потом из ниоткуда вышел этот человек — такой очень высокий в высокой черной шляпе, как у Линкольна, знаете, и подошел к ним, и мой папа пустился бежать.

— Господи, — сказал я. — Приятель, жуть-то какая.

— Да, — сказал Майк. — Знаю. Потому что, ты знаешь, мой папа... его хрен испугаешь.

— Черт, — сказал я. — Впечатляет.

Мы все стали оглядываться, затаив дыхание и робко прислушиваясь.

— Я не хочу умирать, — прошептала Эрин Макдугал, и вдруг ни с того ни с сего заплакала. Это напугало меня. По-моему, у ее папы была эмфизема, и он был вроде как лежащий больной, знаете, умирающий, и весь этот разговор о привидениях и смерти расстроил ее, понимаете. Но девчонка, плачущая на кладбище, ну, это, знаете, совсем никуда не годится. Майк обнял ее, и она положила голову ему на колени и сказала: «Простите, ребята, простите. Это все из-за отца», — и внезапно я подумал о своем папе и, чего уж там, о маме, о которой я не слишком много думал, потому что с ней было не так легко ладить, наверное, и о том, что бы я, черт возьми, стал делать, если бы кто-то из них умирал или, того хуже, умер? И на секунду я вспомнил о Гретхен, и о ее маме, и о похоронах, и, ну, обо всем об этом, и, я не знаю, я почувствовал такой страх, что мне стало не до привидений.

Дори потянула меня за руку, и через секунду мы уже бежали, я и Дори, и я спросил: «Куда мы?», и она сказала только: «шшш», и я сказал: «Дори, я серьезно», и она только сказала: «шшш» снова, и мы вдвоем бежали в темноте, потому что фонарик был у Майка, и он все еще сидел на кладбище, а мы бежали через лес, только мы двое, и я не хотел оборачиваться назад, я хотел только бежать, сжимая руку Дори.

Каким-то образом мы вернулись к машине, и я задышался, и Дори схватила меня, и ста-

ла целовать, как сумасшедшая, и я спросил: «Что? Что это было?», и она стала расстегивать мне штаны, и мы запрыгнули на заднее сиденье старенькой «камри» Эрин Макдугал, и это была одна из лучших ночей в моей жизни. Честное слово.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

«Хронология жизни Бостонского душителя» — которую я нарыл в книге, что дала мне Дори, потому что Майк был то ли слишком подавлен, то ли слишком занят, сюсюкая с Эрин Макдугал, и весь выпускной проект лежал на мне, — не предоставила особой пищи для размышлений.

4 янв. 1964 — мисс Мэри Салливан, девятнадцати лет, последняя из одиннадцати жертв, найдена мертвой, предположительно убита в своей квартире в квартале Бикон-Хилл в Бостоне.

4 марта 1965 — Альберт Десальво, рабочий, отбывающий срок за вооруженное ограбление и различные преступления сексуального характера, признает себя виновным в совершении одиннадцати убийств, приписанных Бостонскому душителю, а также двух других. Однако он так и не был осужден ни за одно из убийств.

25 нояб. 1973 — Десальво убит в тюрьме сокамерником.

Но затем я нарыл вот что:

Еще будучи мальчиком, Альберт Десальво хвастался тем, что может эякулировать пять или шесть раз в день. Впоследствии он женился на женщине, которая не в состоянии была удовлетворить его постоянную потребность в сексуальном контакте. Бостонский душитель совершал свои убийства в 1962—1964 годах. Жертв обычно находили убитыми в их собственных квартирах, изнасилованными и связанными предметами собственной одежды. Для стиля Бостонского душителя была характерно то, что он оставлял обнаженные тела в очень тщательно продуманных и зачастую непристойных позах, с завязанными на их шеях в декоративной манере орудиями удушения.

Как это изменило Америку? Вот уж не знаю. Я думал, может быть, люди вынуждены были, ну, подавлять сексуальные желания и, типа, боялись, и были такие мужчины, такие люди типа животных с этими яростными сексуальными порывами, знаете, потому что, если честно, именно так иногда чувствовал себя я. Чувствуя себя безумным, я все время думал о сексе и мастурбировал как сумасшедший. В смысле, иногда мне становилось страшно, правда, как будто это психическая болезнь или что-то в этом роде, и я боялся что, может быть, люди видят, о чем я фантазирую, видят, какой я выродок, потому что думаю обо всяком непотребстве. В общем, еще я нашел вот какую странную информацию о серийных убийцах вообще, из другой книжки Дори:

Подавляющее большинство серийных убийц — гетеросексуальные мужчины европеоидной расы, в возрасте от двадцати до сорока лет, имеющие проблемы в сексуальной сфере и низкую самооценку.

Ну точно как мы с Майком! Еще я нашел вот это:

В детском возрасте серийные убийцы могут получать удовольствие от истязания животных, поджогов и обычно страдают хроническим энурезом. В подростковом возрасте многие серийные убийцы переносят травму головы и страдают от алкогольной и/или наркотической зависимости. Также для них характерно сильное чувство отчуждения, отсутствие непосредственного окружения.

И опять-таки это вполне мог быть Майк, я, или даже Дори, не знаю. Думаю, в этом было все дело. Как будто эти серийные убийцы чувствовали себя неприспособленными к жизни, и им было за это стыдно, что только ухудшало ситуацию, и вроде как, поскольку эти серийные убийцы были одиночками и убивали людей и все такое, это, вероятно, сделало Америку более недоверчивой, знаете, вроде как люди стали тогда более замкнутыми и отчужденными и все такое. Принадлежать чему-то, чувствовать себя частью чего-то, или быть с кем-то, кто по-настоящему тебя понимает, было очень важно, наверное, и, может быть, вот как это изменило Америку — заставив людей не доверять друг другу, беспокоиться, и в результате, вероятно, ослабив их связь друг с другом, а потому все ухудшалось и ухудшалось, пока вся Америка не стала такой, как наш район, где люди друг с другом даже не разговаривают. Может, это идиотизм — думать о таких вещах, типа серийных убийцах и одиночестве и обо всем прочем, не знаю. Может, лучше об этом не знать. Может, лучше просто продолжать верить, что все в порядке, даже когда каждую минуту может случиться что-то по-настоящему страшное.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

По ошибке я взял футболку Дори. Сейчас я понимаю, что это и стало причиной. Я испугал ее, потому что случайно взял ее футболку, и, может быть, это заставило ее думать, что у нас все серьезно, даже не знаю. Мы были в ее комнате, и я целовал каждую родинку на ее спине, одну за другой, будто давая им имена, когда пришла ее мама. Мы услышали, как она звенит ключами и отпирает дверь, и распаивает ее. Потом она, должно быть, уронила пакет с продуктами, раздался звук бутылок и банок, падающих на пол, и она пробормотала: «Черт, черт, черт!».

Ровно через секунду я уже стоял посреди комнаты, штаны застегнуты, ботинки обуты, носки в карманах, но я никак не мог найти свою белую футболку. Мама Лори кашлянула и снова выругалась, роняя внизу банки.

— Моя футболка, — сказал я.

— Вот, — прошептала Дори, вручая мне свою футболку, серую футболку «Iron Maiden», с надписью «Где-то во времени». Я натянул ее через голову, Дори открыла окно, подняла жалюзи и подтолкнула меня.

Два дня спустя мы сидели у Майка в подвале и смотрели старый сериал, вдвоем с ним, и пришла Дори, очень грустная, глаза маленькие и сощуренные. Она села рядом со мной и вздохнула, ткнула меня в бок и сказала:

— Надо поговорить.

— Хорошо, — сказал я, ткнув ее в ответ. — Говори.

— Нет, наедине.

— Ладно, — сказал я. Я взял свою куртку и пошел за ней наверх. Было прохладно, хотя стояла уже середина апреля, влажно и дождливо, темнело.

— Ну? — сказал я.

— Отдай мою футболку.

— Чего? — спросил я. — Почему?

— Она не может быть у тебя, — сказала она.

— Ладно, — сказал я тоном обороняющегося.

Дори опустила глаза, и поскольку она была высокая, мы встретились взглядами. И она заплакала.

— О боже, — сказала она.

— О боже — что? — спросил я.

— О боже, боже, боже, — и она прямо-таки разрыдалась. Я хотел было взять ее за руку, но она скрестила руки на груди, покачав головой. — Боже, боже, боже, прости.

— За что? Дори, ты меня пугаешь.

— О боже. Ладно. У меня есть парень. В смысле, у меня был парень, и я собираюсь к нему вернуться. О боже, прости меня.

— Что? Кто? Кто он, черт возьми?

— Кен. Его зовут Кен.

— Чувак с тачкой? С твоей работы?

— Он там больше не работает. Он учится.

— Черт! Вот черт, я не могу поверить, черт возьми, что все это со мной происходит, — сказал я, закрывая лицо руками.

— Прости, Брайан. Правда, прости. Я хотела сказать тебе раньше.

— Это когда же, интересно? Когда мы трахались?

Дори опустила глаза, краснея, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

— Этого не должно было случиться. Он, он ничего об этом не знает.

— Какого хрена ты тогда до сих пор с ним встречаешься? — спросил я.

— Я не знаю, — сказала она. А потом она сказала самую странную вещь из всех, что мне доводилось слышать от девчонки: — Он сказал, что женится на мне. — И она убежала, вот так вот просто. Вот так вот тупо, быстро, нелепо, вот просто блин так.

Позже мы с Майком сидели, накурившись, в подвале, и пришла Эрин Макдугал, и когда я увидел, как они целуются, меня затошнило. Мы все сидели на полу, и я пытался сам с собой гадать на спиритической доске, спрашивая ее: «Нравлюсь ли я все еще Дори?» и «Бу-

дем ли мы с Дори снова вместе?», но хренова стрелка всякий раз неотступно скользила к «нет».

ДВАДЦАТЬ

Дня два спустя Майк напрочь остриг волосы, потому что у Эрин Макдугал умер папа, и нам всем предстояло идти на похороны. Никто не мог поверить в то, что он постригся, может быть, даже он сам. Когда на следующий день я увидел его в школе, то не мог, черт возьми, удержаться от смеха. В смысле, я понимал, почему он это сделал, но когда я увидел его таким — темно-рыжие волосы не были больше ровной волной, сбегавшей к лопаткам, а были короткими и расчесанными, с прямым пробором, как у какого-то отличника из пригорода с мирным названием Лесной парк или Фруктовый сад или Родниковая поляна, какого-то блин пай-мальчика, у которого имя и фамилия начинаются с одной и той же буквы, типа Джон Джастис или Гари Грант, в общем, когда я увидел его уши, которые годами никто не видел, — я не мог не подавиться от смеха. Без своих длинных волос он выглядел в точности как все они. Которых всех в жопу.

Я имею в виду, Майк постригся по очень уважительной причине. Как я говорил, они встречались с Эрин Макдугал, и довольно регулярно, ну знаете, «Майк и Эрин, в такой чудесный 1991 год». В смысле, у них все было типа серьезно. И случилось это, понимаете, за одну ночь. Как-то вечером мы с Майком сидели у него в подвале и обсуждали, кого лучше было бы трахнуть, Спящую красавицу или Литу Форд, и почему, и уже на следующий день, как по волшебству, мы, казалось, нашли девчонок, которые были абсолютно точно так же одиноки, как и мы. В смысле, я нашел кое-кого, но, как сказать, Дори бросила меня, и теперь у нее был настоящий будущее-прошлый бойфренд, некий чувак по имени Кен, у него имелась офигенная тачка и работа и все такое, так что со мной было покончено. Но у Майка и Эрин Макдугал все, похоже, было серьезно — они «встречались», или как это там называется. Ее знали как девочку с «невидимыми» родителями. Знаете, потому что ее мама работала по ночам, а папа был прикован к постели. Как я уже сказал, у папы была эмфизема, и он был прицеплен ко всевозможным кислородным резервуарам и сердечным датчикам, и случись чего, бедняга едва ли смог бы сам спуститься со второго блин этажа.

В общем, Майк постригся, потому что папа Эрин умер, что не стало ни для кого особым сюрпризом, я уверен. Я видел его всего лишь однажды, да и тогда лишь одно мгновение: мы с Майком за несколько недель до этого зашли к Эрин, и я взглянул наверх, где кончалась лестница, и увидел седого мужчину в белом халате, направляющегося с капельницей в ванную оттуда, где, по всей видимости, должна была находиться его спальня. Он не видел меня, и у меня осталось чувство, что вот так, наверное, наблюдают за каким-нибудь очень тихим животным, занятым своим делом, вроде очень хрупкой птицы, строящей гнездо, понимаете, или чистящей перышки. Возможно, то, что я смотрел на него снизу, заставило меня тогда подумать, что он как будто житель какого-то иного места, понимаете, не отсюда, он был частью чего-то древнего, чего-то неуловимого, чего-то такого, с чем мне еще не приходилось сталкиваться, к чему я только-только начинал приближаться. Лори разбила мне сердце, и теперь я ощущал все и думал обо всем по-новому, грустно и странно.

Майк, Ларри с чудовищными угрями, я и парень по имени Эдди, который вообще не знал Эрин или ее папу, но уговорил нас помочь ему сбежать с уроков, — всех нас отпустили после третьего урока по уважительной причине. Забавно было, что этот Эдди пошел с нами на похороны не потому, что ему хотелось, а потому, что в последнюю минуту он осознал, что поскольку ему не надо возвращаться на занятия, то и заняться ему больше нечем.

Заупокойная служба проходила в церкви святого Кахетана, со священником и всеми делами. Собралась вся многочисленная ирландская семья Эрин, все было очень быстро,

очень напыщенно и очень неловко — во всяком случае для нас. В конце, когда родственники усопшего стали расходиться и гроб покатали к выходу, Эрин завопила. Она стояла где-то впереди, и Майк посмотрел на меня в ужасе. Никто из нас не знал, что делать. Я потянул Майка, и мы стали пробираться вперед, и Дори — моя Дори — была уже там, она гладила волосы Эрин и говорила: «Ты справишься с этим, ты справишься с этим», и я подумал: *Откуда она знает?* Дори была всего лишь ребенком, как и все мы, пусть высоким, грубым и распушенным, но ребенком. Но почему-то, услышав, как она говорит это, и увидев выражение ее карих глаз, и как ее рука гладит мягкие светлые волосы Эрин, я понял, что она права. *Ты справишься с этим. Ты справишься с этим.*

После службы мы вместе со всей процессией поехали на кладбище в синей «тойоте» Ларри с чудовищными угрями, в которой вместо заднего стекла был установлен кусок прозрачного пластика. У машины этой было только два достоинства, первое из которых — то, что она принадлежала Ларри с чудовищными угрями. По всей видимости, он накопил на нее, проработав все лето в том же месте, что и Майк, в «Дибартола пицца». Ларри с чудовищными угрями вынужден был терпеть свои ослепительные прыщи. Он упустил шанс переспать с Каролин Стибер, которая из-за родимого пятна над правым глазом — сама она считала его непростительным, я же находил красивым — была одной из самых доступных девочек из католической школы. Хуже того, чтобы накопить на машину, Ларри с чудовищными угрями вынужден был снова и снова выслушивать, как его босс, который играл в группе, перепевающей Kiss, описывает всех траханых им женщин в деталях, например «Она могла бы отсосать весь хром с бампера».

Второе достоинство машины: в ней была исправная магнитола. Ларри с чудовищным прыщами вставил кассету, и зазвучал тихий, печальный реквием «Металлики» *Fade to Black*. Все промолчали. Это был саундтрек к худшему дню на свете, и после вида воющей Эрин от такой песни всем сделалось жутко. Ларри перемотал вперед, и началась другая песня.

«Хочу тебе сказать!» Дан-дан! «Я убил твою малышку!» Дан-дан! «Не так уж много она значит, она уже мертва!»

Это была *Last Caress Misfits*, песня, которую так часто в полном отрыве слушала Гретхен, она была очень мажорная и в каком-то смысле даже жизнеутверждающая.

«Милая сладкая смерть, я жду твоего дыханья, одна сладкая смерть, последняя ласка».

В эту секунду, пока Ларри парковал свою «тойоту» в один ряд с остальными автомобилями, мне пришла в голову чудовищная мысль: Я все еще жив.

Я все еще жив. Майк Мэдден, мой друг со своей ужасной стрижкой, все еще жив. И Ларри с чудовищными угрями, со своими чудовищными угрями и дерьмовой машиной, и даже этот Эдди. Мы все еще живы.

Меня охватил невыразимый восторг, радостная дрожь пробежала от шеи до самых пальцев, и сердцу захотелось заорать: *Мы — молодцы! Мы победили эту штуку — смерть! Вы ушли, и вы были храбры и добры, и вы были лучше нас почти во всем, но каким-то чудесным образом мы нашли тайный путь! Это не конец! Дори не разобьет мне сердце, потому что мы нашли выход! Мы все еще живы, и мир жив, и все мы должны петь!*

В это мгновение «тойота» въехала в ворота кладбища, и в лязганье их металла звучало: *Этот мир — сплошное безумное кладбище, во всех на хрен смыслах. Но вы все еще живы.*

И вот именно с этим чувством я прожил еще с неделю после того, как Дори меня бросила.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

В общем, не знаю, с чего бы это, но я решил пройти мимо дома Гретхен. Чувствовал я себя с переменным успехом — в основном, надо сказать, погано. Майк все возился с Эрин Макдугал, а она была какая-то нервная после смерти папы, и все такое, и Майку приходилось следить за тем, как он блин выражается, и, короче, я снова почувствовал себя одиноким и в результате решил пройти мимо Гретхен, и увидел перед домом ее отстойный «форд-эскорт», и сказал себе: *Какого хера*, и поднялся на крыльцо и позвонил в дверь.

Мистер Д. открыл дверь и, просияв, хлопнул меня по плечу и сказал: «Боже ты мой, приятель, где же ты пропадал?», и я кивнул и усмехнулся, на нем был все тот же фартук «поцелуй повара», и он спросил, не хочу ли я пива, и я сказал: «Спасибо нет», и он подмигнул мне и указал наверх, и я стал медленно подниматься по лестнице, вслушиваясь в песню *Christmas Vacation Descendants*, орущую в комнате Гретхен, и когда я постучал, никто не ответил, так что я просто взял и вошел.

А Гретхен лежала на животе, лицом к стене, и ее магнитофон орал на полную, и я решил подкрасться к ней и заорать что есть мочи в самое ухо. Гретхен подскочила в постели, матерясь и размахивая учебником, и вдруг замерла.

— Господи боже, Брайан, ты не можешь вот так вот входить ко мне в комнату. Черт, тебе повезло, что я не дала тебе по яйцам. Я уж решила, что это какой-нибудь извращенец-педофил.

— Ну прости, прости. Я стучал вообще-то, — сказал я, смеясь. — Мы, кстати, давно не виделись.

— Мне было некогда, — сказала Гретхен, возвращаясь к домашнему заданию. Волосы у нее были теперь платиновые, в смысле, розовый почти совсем смылся.

— Да, мне тоже. Я тоже, наверное, был занят. Типа того, — сказал я, нервно глядя в пол. — Ну, я так зашел, проведать тебя.

— Я же сказала, мне некогда, — сказала она как-то зло.

— А, ну ладно, круто. Как Тони? — спросил я, глядя в пол.

— Полагаю, отлично, — сказала она.

— Вы все еще... ну... встречаетесь?

— Типа того, — сказала она. — Когда он звонит мне.

— Конечно. Ладно. Ну, вот собственно, все. Я просто, ну, зашел сказать привет.

— Ладно, — саркастически сказала она. — Привет.

— Ладно.

У двери я остановился и обернулся, улыбаясь. Сложив указательный и средний палец в V, я приблизил их к лицу и снова улыбнулся. «Да здравствует планета Нав-о-нод!» — сказал я.

— Это еще что за хрень? — спросила она.

— Ну помнишь, планета Нав-о-нод и все такое.

— А, да. — Гретхен сделала тот же жест и улыбнулась в ответ. — Да здравствует планета Нав-о-нод.

Уже выходя, я остановился и сказал:

— Эй, Гретхен, ты чем-то занята вот прямо сейчас?

— Я делаю чертово домашнее задание, — сказала она, вздыхая.

— А. — Я постоял еще мгновение, не говоря ни слова.

— А что? — спросила она.

— Ну не знаю, — сказал я. — Может, покатаемся? — Она взглянула на меня и хрен знает почему я почувствовал, что вот-вот заплачу, и подумал: *Если она скажет: отвали, я больше никогда не заговорю с ней, это будет конец, потому что тогда она мне никакой не друг и никогда не была им*, и она вроде как грустно мне улыбнулась и сказала:

— Я слышала, эта Дори бросила тебя, — и я сказал:

— Да. Бросила.

— Хорошо, — сказала она. — Дай мне только одеться, — и я вышел в коридор и закрыл дверь, чувствуя, как только что Гретхен от чего-то спасла меня. Наверное.

ДВАДЦАТЬ ДВА

Ладно, решил я в конце концов, *пошло все на хрен, стригусь*.

Я сидел у Майка, дожидаясь, пока Дори придет за своей чертовой футболкой «Iron Maiden», и сказал себе: *Блин, чего я тут расслаиваюсь, как придурок?*, и вытащил машинку для стрижки волос, снял с нее пластиковый предохранитель, вставил вилку в розетку и нажал на пуск. Я сидел напротив идиотского коллажа, выигранного Майком в луна-парке, на котором был изображен Рэнди Роадс, бывший гитарист Оззи, ныне покойный, зашедший в бешеном соло на гитаре, охваченной огнем. Я поднес машинку к волосам и почти уже приступил, когда вошла Дори. Она огляделась и спросила: «Где Майк?», и я указал в сторону его обитой деревянными панелями комнатки, где он совершал ежедневную процедуру телефонного сюсюканья с Эрин Макдугал.

Дори посмотрела на меня, прищурилась и спросила: «Принес?». Я, кивнув, отложил машинку, вытащил футболку из рюкзака и протянул ей. Мама выстирала ее и аккуратно сложила, решив, что это моя, но футболка все равно почему-то пахла, как Дори. Она взяла ее и сказала:

— Спасибо, что постирал.

— Да не за что. Это мама.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Я в порядке? — прошептал я. — Нет. А ты как думаешь? Я в порядке? — пробубнил я себе под нос.

— Мне это тоже нелегко, — сказала она, глядя в пол. Такая высокая, такая красивая, волосы идеально обрамляют лицо.

— Тогда забудь, — сказал я. — Давай считать, что мы все еще встречаемся.

Дори продолжала стоять, полуулыбаясь, затем покачала головой.

— Мы никогда не встречались. Я должна была встречаться с *ним*.

— Что, он там снаружи тебя ждет? — спросил я.

— Нет, он за мной заедет.

— Когда?

— Ну не знаю, через десять минут.

— Почему через десять минут? — спросил я.

— Потому что я так ему сказала.

— Но почему ты сказала своему парню заехать через десять минут, если ты живешь в полминуте отсюда?

— Не поняла вопроса, — сказала Дори.

— Почему ты сказала десять минут, если ты только зашла за своей дурацкой футболкой?

— Ну не знаю. Просто сказала.

— Чтобы забрать футболку, хватит и минуты, верно?

— Не знаю, — сказала она, чуть не плача, вроде.

— Так почему ты сказала десять минут?

— Хотела поговорить с тобой и убедиться, что ты в порядке.

— Хотела убедиться, что я в порядке? На это не надо десяти минут.

— Ладно. Я хотела убедиться, что мы по-прежнему друзья, — сказала она.

— О, конечно, мы по-прежнему друзья, — резко сказал я.

— Зачем ты так со мной? — спросила она.

— Зачем ты так *со мной*? — сказал я, и на глаза у меня навернулись слезы.

— Я не знаю, что мне делать, — сказала она. — Правда. Ты мне нравишься, и Кен мне нравится, и он был моим парнем почти год, так что, наверное, я должна быть с ним.

— Отлично, — сказал я. — Рад за Кена.

— Отлично, — сказала она, вытирая слезы.

— Так почему ты сказала ему десять минут? — снова спросил я.

— Почему ты все время спрашиваешь?

— Потому что, мне кажется, тебе захотелось прийти сюда, а вовсе не ехать с ним.

— Чего-чего?

— Мне кажется, ты не хочешь быть с ним. Ты хочешь быть со мной, но ты трусишь.

— Мне надо идти, — сказала она и стала подниматься по лестнице.

— Дори, стой, — сказал я.

— Что?

— Просто стой.

— Зачем?

— Пожалуйста, — сказал я, и она посмотрела на меня и покачала головой, и взбежала наверх. Я немного постоял, уставившись в точку, где она только что стояла, и мне хотелось расплакаться, и тогда вошел Майк и положил руку мне на плечо, и сказал: «Мне жаль, приятель», и уставился в ту же точку, что и я.

— Майк, — сказал я, поворачиваясь к нему, — сделай для меня кое-что.

— Конечно, что?

— Окажи мне услугу.

— Разумеется, приятель, что ты хочешь?

— Мне нужно, чтобы ты помог мне выбрить на голове полосы.

— Чего? Чувак, это же будет уродство.

— Я серьезно, — сказал я. — Мне нужны полосы на голове.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что так поступают друзья, Майк.

— Это будет глупо выглядеть, — сказал он.

— Мне плевать.

— Мне тоже плевать, — сказал он. — Хрен с тобой, я попробую.

Я подошел к столу и вручил ему машинку для стрижки волос, и уселся на металлический складной стул.

И он сделал это за какие-нибудь пять минут, прямо у себя дома, роняя мои волосы на пол меж двух диванов, и не знаю почему, я чуть не плакал, и когда он закончил, это было просто охуенно: по три прямые линии на каждом виске. Я долго смотрел в карманное зеркальце, которое Майк стащил у мамы, и наконец сказал: «Если хочешь, я дам тебе пару баксов». И он сказал: «Просто вспомни об этом в следующий раз, когда мне понадобится занять у тебя денег». И я сказал: «Я не забуду, приятель», и снова посмотрел в зеркальце, и одна из линий на левой стороне была вроде как кривовата, но это ничего, подумал я, наверное.

На следующий день в школе люди обалдели. На первом уроке, религиоведении, брат Лор-бус избегал смотреть на меня, а на втором брат Хэнлан, учитель химии, нахмурившись, покачал головой и сказал: «Не уверен, что такая прическа соответствует понятию «надлежащий внешний вид», и я ответил: «Но она короткая», — и он сказал: «Дело не только в этом», — и сразу же после второго урока меня вызвали к мистеру Грегору, руководителю профподготовки, усатому, с черными зачесанными назад волосами, который объяснял все в терминах какой-то аллегорической футбольной игры, и уследить за ним было невозможно. Он посмотрел на меня и спросил: «У тебя в домашней команде все в порядке?»

— Все отлично, — сказал я, хотя, как я говорил, папа с мамой вот уже месяцы не спали в одной постели. — Все отлично, — повторил я.

Мистер Макгрегор кивнул, сделал какие-то пометки в моем личном деле и отпустил меня. Когда я широким шагом, улыбаясь, вышел из его кабинета, флуоресцентные лампы в коридоре ярко высветили тонкие наголо выбритые полосы на моей голове. Какой-то новичок уставился на меня, вроде как усмехаясь, я послал ему угрожающий взгляд, и он, кажется, испугался. По пути на третий урок меня остановил брат Карди, злодей, отвечающий за дисциплину. На нем была черная сутана с белым воротничком, седые волосы коротко по-армейски острижены, а мясистые руки скрещены на груди, пока он разглядывал меня, качая головой.

— Нет, сэр, — сказал он, закончив инспекцию. — Такая прическа не пройдет.

— Но волосы же короткие, — сказал я.

— Вы выглядите, как член банды, — сказал он.

— Я не член банды. Это как у футболиста, Брайана Босворта.

— Футбольный сезон давно закончился.

— Но я только что так постригся, — сказал я.

— Мне жаль, молодой человек. Либо вы сами как-то избавитесь от этих полосок, либо я побрею вашу голову целиком, в своем кабинете прямо сейчас.

Я уставился на этого хрена, самодовольного и благочестивого, скрестившего огромные руки прямо перед моим лицом, и подумал о том, как отчаянно мне хотелось эту чертову прическу, о том, как она могла изменить меня, спасти все, и как в результате Дори ушла от меня к парню, с которым была и так, и о том, что прическа моя не продержалась блин и дня, потому что никакая прическа не спасла бы меня и не сделала бы из меня кого-то, кем я не был, и вдобавок я чувствовал себя уже достаточно униженно, так что когда он сказал: «Мне жаль, молодой человек. Либо вы сами как-то избавитесь от этих полосок, либо я побрею вашу голову целиком, в своем кабинете прямо сейчас», я только кивнул и сказал:

— Валяйте, брейте, — и вот что случилось с моими волосами. Вот так вот просто. Они все исчезли. Вот так вот просто.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

В конце концов мы решили сделать сценку на тему нашей выпускной работы по истории, потому что Майк подумал, что это наилучший способ скрыть тот факт, что мы на самом деле не провели никакого исследования. Было так: Майк изображал детектива, рассказывающего классу об исторических фактах, зачитывая их своим слегка обкуренным голосом с плохо написанных желтых карточек: «В общем, это история об отчуждении, так. Она, э... должна показать вам, как наш народ боялся сам себя, понимаете, и как люди типа не доверяли друг другу, и еще, как это стало поворотным пунктом, знаете. Когда люди типа перестали доверять другим людям и перестали чувствовать себя частью нации. Как это было типа... вроде как наша нация выросла, понимаете, сталкиваясь с ужасными вещами, но это как бы, знаете, неразделимо ужасные всякие вещи — это часть жизни в Америке, наверное, о чем люди особо не думали. В общем, смысл в том, что Америка узнавала, что есть где-то ужасные вещи и что они часть Америки, и что все равно надо стараться быть типа счастливыми и доверять людям все равно. Вот. Итак, год 1962, Альберт Десальво работает на резиновом заводе днем, а ночью выслеживает свою добычу по всему Бостону».

В общем, я был Бостонским душителем и на голове у меня был чулок, потому что так было на картинке в книге, которую принесла мне Дори, и мисс Эйкен — милая мисс Эйкен, единственная, наверное, кто верил в нас на этой земле, и в этом, вероятно, ошибался, — в общем, мисс Эйкен исполняла роль жертвы, она сидела у доски, разглядывая свои ногти и притворяясь, будто жует жвачку, или что там еще жертвы обычно делают, перед тем как их задушат; и в этот момент я решил сделать что-нибудь не по сценарию. Вместо того чтобы задушить мисс Эйкен, которая сидела с очаровательно скучающим видом, божее, она была в натуре очаровательна, в общем, я зашел сбоку и задушил этого зануду Фрэнки Мэннинга, и он закричал было, но я закрыл ему рот рукой, и Майк увидел, что я делаю, и воскликнул: «Смотрите, Бостонский душитель наносит удар! Никто не знает, где он в следующий раз совершит свои злодеяния!», и он подбежал к Фрэнки и сказал, указав на него: «Еще одна жертва непредсказуемого убийцы, действия которого невозможно предсказать!», а я к тому моменту уже задушил Блейна Рида, который, будучи педиком из школьного драмкружка, быстро сориентировался и упал со стула, изображая труп, и мисс Эйкен закричала: «Ладно, ребята, достаточно, достаточно», но я не остановился, пока не сомкнул руки на шее мисс Эйкен, и шея была длинная и гладкая, и мне показалось, что я чувствую ее дыхание, и две коричневые родинки выглянули из-под воротника, и больше всего на свете мне захотелось поцеловать ее, и она, вероятно, догадалась, потому что взглянула на меня и моргнула, но как-то как старшеклассница моргнула, всеми ресницами — никогда прежде она так не делала, — и в общем, я решил не убивать ее, и подумал: *на*

хуй, и просто выбежал из класса и стащил с себя чулок, и бросился по коридору, сверкая лысой головой, и потом остаток дня просидел в кафетерии, и меня не выперли, потому что тамошние продавщицы сразу поняли, что я крутой.

АЛЬБОМ, КОТОРЫЙ СПАС МНЕ ЖИЗНЬ МАЙ 1991

Воришки всех стран, объединяйтесь...
Shoplifters of the World, Mopussu, THE SMITHS

Панк — это вам не религиозный культ
Быть панком — значит думать своей головой
Nazi Punks Fuck Off, Джелло Биафра, THE DEAD KENNEDYS

Я не какой-нибудь хренов сукин сын
Подумай об этом, крошка
Where Eagles Dare, Гленн Данциг, THE MISFITS

ОДИН

Альбомом, который спас мне жизнь, стал «Пройди среди нас» The Misfits. На нем было тринадцать потрясающих песен с названиями типа второсортных фильмов ужасов, которые, казалось, кричали о том, что все в моей жизни наперекосяк.

1. 20 глаз
2. Я превратился в марсианина
3. Бунтующий ад
4. Вампирша
5. Nike a Go Go
6. Заводчики ненависти
7. Мама, можно выйти пострелять? (Live)
8. Ночь живого мертвеца
9. Черепа
10. Жестокий мир
11. Бордель дьявола
12. Астрозомби
13. Пожиратели мозгов

Тогда я чувствовал себя в точности, как каждое из этих названий, таким же непригодным для этой планеты, как какой-нибудь хренов подросток с Марса. Я был постоянно в ярости и нарывался на драку, какую угодно, потому что был конкретно разъярен — ну, оттого, наверное, что предки мои орали друг на друга, католическая школа изо дня в день занималась промывкой моих мозгов, а Дори взяла и разбила мне сердце, и, в общем, каждая песня в этом альбоме, казалось, была о том, что я чувствую: «Приоритетная миссия: уничтожить человеческую расу». Гретхен записала для меня этот альбом на кассету, и дня два спустя я отправился на автобусе в торговый центр купить другой их альбом, «Наследие зверства». Тоже отличный. «Гибридные моменты», «Она», «Что-то вроде ненависти» и величайший гимн всех времен «Когда орлы бросают вызов», где юный и худой Гленн Данциг орет: «*Я не какой-нибудь хренов сукин сын*», — слова, которые я все время бормотал себе под нос, идя в школу, проплывая по коридору, взирая на девчонок-католичек, поедая ужин в кругу своей зомбированной семьи, обривая голову над раковиной. Но та пластинка, та самая, «Пройди среди нас», значила для меня все.

В общем, я был в торговом центре, прогуливался мимо кафешек по направлению к галерее видеоигр, убивая время, дожидаясь, пока Гретхен заедет за мной, потому что, в общем, я старался проводить дома как можно меньше времени, поскольку обстановка все накалялась, папа не заявлялся домой по два дня кряду, и мама все больше сходилась с ума, пока наконец однажды за ужином не расхуякала об мою голову тарелку и, короче, я решил проводить субботы в торговом центре, зависая там, пока Ким не закончит работу, потому что тогда за ней заезжала Гретхен, и за мной заодно, и после мы колесили по окрестностям, жалуясь друг другу на жизнь. Старый добрый Майк Мэдден, который много месяцев был моим лучшим другом, испарился напрочь. И все из-за Эрин Макдугал, *Майк и Эрин, в такой чудесный 1991й год*, с которой они, если не занимались сексом, были постоянно заняты выяснением отношений. Я не видел его уже несколько недель. В смысле,

школа уже почти закончилась, стояла теплынь, и повсюду сновали девчонки — в торговом центре, на улицах, — и все они были похожи на очень милые, странные цветы, а он, блин, был уже практически женат на своей Эрин Макдугал.

В общем, я типа начал по-настоящему слушать панк, по крайней мере The Misfits, и случилось это со мной, как только я побрил голову и перестал тусоваться с Майком, и в тот день я был в торговом центре, в одиночном полете, и на мне были черный свитер с капюшоном, футболка «Misfits» и армейские ботинки отца. Металл и хард-рок для меня, кажется, закончились. Почему? Потому что все те, кто еще слушал металл, казались мне, ну, невинными. Все металлические песни были либо про еблю, либо про поклонение дьяволу, что, конечно, прекрасно и замечательно, но мне это все уже казалось цветочками. Майк, который заставлял меня слушать Оззи, испарился, и я решил, что моей группой будут The Misfits. Почему?

1. Они не воспринимали самих себя чересчур всерьез. В смысле, они пели про старые ужастики, но были крутыми, отвратительными и немного загадочными, не превращаясь при этом в задротских металлистов, изображающих из себя сатанистов только ради того, чтоб их хреновы альбомы продавались. Они были злые, как металлисты, но и немного забавные, мне кажется.

2. У них была лучшая, черт возьми, музыка, что-то типа попсы 50-х, но громкая, злая, полная отсылок к дьяволу и демонам, и мертвым знаменитостям, типа Мэрилин Монро и Джона Кеннеди, и им хотелось подпевать. Для меня это было страшно важно — песни, которым можно подпевать. Кто захочет подпевать на хрен Ронни Джеймсу Дио? Он и сам бы не стал.

3. Вдобавок у Misfits была охуенная песня «Пожиратели мозгов», и припев ее звучал так: «Мозги на ужин, мозги на обед, мозги на завтрак, мозги на полдник». Разве можно придумать гениальнее?

В общем, у меня было три футболки «Misfits», которые, как лошади, работали в три смены; в тот день на мне была одна из них с надписью «Алый призрак» и белым черепом, который светился в темноте. Я был все еще лысый и с повязкой, потому что маман нехило заехала мне тарелкой в глаз.

Я как раз проходил мимо кафешки, где работала Ким, и она подавала мне знаки, закатывая глаза и разглядывая циферблат своих наручных часов, будто проверяя, не встали ли они. Я как раз проходил мимо бесчисленных рядов синих и желтых пластиковых столов и стульев по направлению к кафе «Чайниз Вок», когда четверо грязных металлистов начали надо мной смеяться. Это были типичные обкурыши, один в черной бейсболке с надписью П.В.Н.Х. — читай «пошло все на хуй» — с длинными каштановыми волосами, другой, повыше, в какой-то черной рванине навроде плаща, спускающейся до самых лодыжек, третий чувак покрупнее, с длинными светлыми волосами, собранными в хвост, обкуранный до чертиков, и с ними коротышка со спутанными кучеряшками. Я шел, не оставиваясь, пока тот, что был в бейсболке П.В.Н.Х., не прошептал: «Пидор», усмехаясь и толкая локтями приятелей.

Никогда прежде мне не приходилось драться. В смысле, в средней школе я, конечно, участвовал в стычках. Тогда я был таким маленьким и щуплым, что всегда становился идеальной мишенью — особенно в этих здоровых очках — вплоть до восьмого класса, и старшеклассники обычно, знаете, срывали с меня кепку и пинали ее туда-сюда, а когда им

это надоедало, забрасывали ее на какую-нибудь крышу, и, в общем, я, наверное, ничего и не предпринимал по этому поводу, разве что матерился. Но те времена, мне кажется, прошли уже, а? Я набрал вес и вырос сантиметров на тридцать за последний год, и побрил голову, а эти хуи, эти металлические зануды были типом прекрасно мне известным, я ведь, в общем-то, точно таким и был когда-то. Короче, когда я увидел, как этот в бейсболке П.Б.Н.Х. смеется и говорит мне «пидор», я остановился, развернулся, подошел к столику, где они приканчивали свой бургер кинг или что там еще, и ткнул на хрен указательный палец в его чертово лицо, молча, просто держа так палец, ухмыляясь до тех пор, пока этот, в бейсболке, не отпрянул, чуть не обоссавшись, наверное, и стал весь такой: «Что? Какого хрена?», а я молчал, просто сидел так, наставив на него палец и кивая. Парень был маленький, лет, может, тринадцати, и у него были едва заметные усики по краю губы, не то чтобы настоящие, он скорее всего просто никогда не брился и, наверное, надеялся, что их будет достаточно, чтобы казаться вроде как старше и круче. Угри у него были кошмарные, брови сросшиеся, а в правом ухе — сережка в виде перевернутого креста. Он был ребенком, понимаете; это мог бы быть я, года четыре назад, тупой и наивный, боящийся не быть крутым, боящийся не соответствовать. Это и в правду мог быть я. Вот о чем я думал. И мне совсем не нравилась перспектива быть высмеянным кем-то, кем я прежде был, каким-то испуганным парнем, которому хотелось быть кем-то, хоть кем-нибудь, кем угодно, кроме себя самого. Дело все в том, что я блин конкретно был в ярости, в ярости из-за кучи всего: из-за мамы с папой, из-за того, что случилось с Дори, я был в ярости из-за того, что Майк вроде как бросил меня, и, ну не знаю, я был просто конкретно в ярости, мне было конкретно паршиво, и мне уже не хрена было терять. В общем, я продолжал, уставившись, смотреть на этого парня, наставив на него палец, кивая, и он смотрел на меня, уже испуганный, видя, что я крупный и типа злой, типа уже разъяренный, и я все молчал, и мне показалось, что он вот-вот заплачет, и он прошептал: «Что? Какого хрена тебе надо, приятель? Извини, ладно, все, извини», и вот тогда я развернулся и ушел, не оглядываясь, в ушах плавился шум торгового центра, голоса людей, танцевальная музыка из музыкального магазина, звуки рекламных объявлений в колонках громкоговорителя. Мне было хорошо, и хотелось плакать, ноги дрожали, и быстро билось сердце. Я передумал идти в галерею видеоигр и просто ходил и ходил кругами, пока не успокоился, и в конце концов уселся на скамейку, оперевшись в колени ладонями, чтобы унять дрожь.

Я немного посидел, глядя на людей, снующих туда-сюда, ожидая, не пройдут ли мимо те четверо. Не прошли. Я посидел еще немного, подсчитывая мелочь, и вдруг увидел двух девчонок-панков, одна очень маленькая и вторая немного пухлая, волосы выкрашены в яркие цвета, удавки со штырями и юбки в шотландскую клетку, и с ними худющий парень в футболке «Dead Kennedys», и в общем, все эта компания направилась ко мне, улыбаясь.

— Возьми флаер, — сказала маленькая. Она была крошечная, почти как ребенок, с темно-русыми волосами, выкрашенными в синий, но как-то неважно выкрашенными. Она была в кожаной куртке и вся как кукла, с тонной перламутровых теней на веках и черной тушью и все такое. Она вручила мне желтый листок бумаги.

— Тебе нравятся «7 секунд»? — спросила она.

— Ну не знаю, — сказал я.

— Они классные, — сказала она. — Через несколько недель они играют в «Косолапом медведе».

— Это где?

— В центре. Не совсем, рядом с боулингом, — сказал парень, кивая мне.

— Круто, — сказал я.

— Они перепевают «99 красных воздушных шариков», — сказала маленькая, востор-

женно кивая.

— Это круто, — сказал я.

— Тебе нравятся Misfits? — спросил парень. Он был выше меня, но худой, затылок побрит, а оставшиеся волосы выкрашены в разные цвета.

— Ага, — сказал я.

— «Земля нашей эры» потрясающая, правда?

Я кивнул молча, потому что на самом деле, фактически, у меня не было ни одного альбома, кроме «Наследия зверства». Все остальное было на кассетах, и, кажется, я даже не слышал про «Землю нашей эры», что было довольно глупо, учитывая, что я назначил Misfits своей группой и все такое.

— Тебе вообще East Bay по кайфу? — спросил он.

— Не знаю, кое-что у них неплохо, — соврал я, понятия не имея, о чем он говорит.

— Ну, Operation Ivy, конечно, не считается. Они все-таки больше ска.

— Ага, — сказал я, понятия не имея, о чем он говорит.

— Это все чушь по сравнению с The Dead Kennedys, — сказала пухлая. — Джелло Биатра — вот это блин гений!

— Я их не знаю, — сказал я.

— Не знаешь? — спросила пухлая. — Они типа для мозгов, знаешь, поют про правительство и Бога и все такое.

— Звучит неплохо, — сказал я.

— Слушай, если ты придешь на «7 секунд», я тебе запишу кассету, — сказала маленькая с улыбкой.

— Ух ты, это было бы здорово, — сказал я, все еще чувствуя, что как будто притворяюсь.

— Слушай, отличные ботинки, — сказала пухлая. — Где такие достал?

— Это папины, — сказал я.

— Ух ты, — сказала пухлая. — Он тебе разрешает их носить?

— Ага, он просто не знает, что я взял их.

— Классно, — сказала маленькая.

— Ага, — сказал я.

— Ну, может, еще увидимся, — сказала маленькая. — Кстати, меня зовут Кэти.

— Привет, — сказал я. И добавил: — Брайан, — вяло пожимая ей руку.

— Ладно, хорошо, может, там увидимся, — она помахала рукой на прощанье, и вся троица удалилась, смеясь, и я подумал, что никогда раньше не был на панк-концерте, разве что у кого-нибудь в подвале, и, может быть, было бы не так уж плохо попробовать, и, может быть, пригласить Гретхен, и если она согласится, я бы даже мог заплатить за бензин, потому что, ну не знаю, мне это вдруг показалось страшно важным.

ДВА

Вот так в один прекрасный день я проснулся панком. В смысле, я только и делал, что

слушал Misfits, а теперь еще и Ramones, и стал постоянно носить папины армейские ботинки, даже в школу, и никто вроде не замечал, и вот я сидел на задней парте — первый урок, религиоведение, — и брат Дорбус все нудел и нудел про добродетель воздержания, и нечаянно я закрыл глаза и зевнул. И тут брат Дорбус, вполне себе молодой, высокий, в блестящих серых очках, схватил губку, которой стирают с доски, и как швырнет мне прямиком в пасть. Я закашлялся, глотая желтоватую пыль, губы зашипало, и он подошел и завис надо мной, и говорит: «Вы не у себя в спальне, мистер Освальд», — такая мысль, значит, внезапно пришла в его хренову голову, и ни секунды не думая — честно, без колебаний, — я взглянул на него и говорю: «Подрочите мне», это из песни Misfits «Пуля», там Гленн Данциг поет. «Все, кто есть на вечеринке, подрочите мне». Я понятия не имел, что имеется в виду, но мне нравились слова и, в общем, ну, я немедленно очутился у заведующего по дисциплине.

Короче, я сидел в узком синем коридоре перед его кабинетом, а тут этот парень, Ник, мой знакомец по урокам химии, высокий тощий парень с бритой головой, вышел в коридор и уселся рядом со мной, а в руках у него такой же синий листок об отстранении. На нем были дешевые стереоочки, вроде тех, что вкладывают в комиксы. Он снял их, сложил, засунул в карман рубашки и огляделся. На углу секретарского стола лежала золотая ручка. Он кивнул сам себе, отметив, что секретаря нет поблизости, схватил ручку и засунул себе в рукав. Я типа усмехнулся, глядя на него. У него было длинное лицо и острые уши, как у летучей мыши, и улыбался он безумной фальшивой улыбкой, глядя прямо перед собой. Вдруг он повернулся, оглядел меня с ног до головы, потер нос, заметил значок, висящий у меня на ремне, и кивнул сам себе. "Misfits?" — спросил он, указывая на значок.

Даже когда сидел, он был конкретно высокий, выше, чем мне прежде казалось, и на ногах у него тоже были армейские ботинки. Голова его была побрита, и только с макушки свисали несколько длинных прядей. Так Гленн Данциг носит. Никогда раньше не замечал.

— Моя любимая группа, — сказал я, кивая в ответ, на полном серьезе.

— Моя тоже, — сказал он, улыбаясь. И указал на точно такой же значок, приколотый под воротником форменной рубашки.

— Круто, — сказал я.

— Ага, — сказал он.

— А тебе East Bay вообще по кайфу? — спросил я, занервничав и пытаюсь припомнить, о чем меня спрашивал тот парень в торговом центре. — Ну, типа Operation Ivy?

— Да, они крутые, — сказал он, кивая. — Вроде ска, но все же больше панк.

— Да, мне они нравятся, но у меня ничего нет из ихнего, — сказал я.

— У меня на пластинках.

— Круто, — сказал я.

— Ага, — сказал он. — Круто.

— Ты идешь на этот концерт — «7 секунд»? — спросил я, снова пытаюсь припомнить, что там говорили эти панки в торговом центре.

— Ну не знаю. Хотелось бы, но с баблом напряг.

— Говорят, должно быть круто, — сказал я.

— Да, их последняя запись что надо.

— Ага, — соврал я, понятия не имея, о чем речь.

— На скейте катаешься?

— На скейтборде?

Он кивнул.

— Да, неплохо.

— Круто, — сказал он. — Может, покатаемся как-нибудь.

— Ага, — сказал я. — Было бы круто.

— Ладно, пойду на урок. Слушай, расслабься. — Он смял свой листок об отстранении, встал и пошел.

— Ты что, вот так возьмешь да уйдешь?

— Ага. Меня только что выгнали с испанского, так что мне и тест сдавать не надо.

— Круто.

— Увидимся.

— Увидимся, — сказал я и, встав, смял свою бумажку. Отчего-то я вдруг заулыбался. Я почувствовал себя типа новым человеком, не из-за прически или одежды, или музыки — а люди вокруг относились ко мне по-другому, некоторые даже подходили и заговаривали, просто так. Это идиотизм, как это я раньше не замечал, что дело все в том, как ты на хрен выглядишь. Я уже было ушел, когда дверь в кабинет брата Карди распахнулась и он пригласил меня зайти, издевательски закивав: «Какой сюрприз, мистер Освальд, входите, входите».

Брат Карди сцапал меня за плечо и бросил на маленький стул перед своим письменным столом. «И чего вас все сюда отправляют?» — спросил он, усаживаясь и раскладывая на столе свои огромные серые руки. Его лицо было плоским и старым, как у статуи, белое лицо поверх мрачной синевато-серой униформы. «Что на этот раз?»

Я сказал, что должен был: «Мы 138», это из песни Misfits «Мы 138», я не знал, что мы за такие 138, но все равно сказал — «Мы 138» — и в эту самую секунду брат Карди тяжело вздохнул и выписал два дополнительных субботних занятия, подписал и вручил их мне, качая своей старой головой и хмурясь.

Несколько часов спустя, проходя по коридору, я заметил Рода, которого не видел целую вечность, потому что он теперь был в классе для шибко умных, решив, наверное, что там среди ботанов будет безопаснее. Он выглядел худым, нервным, он озирался в ожидании атаки из любого угла. Он шел по коридору, голова опущена, глаза зыркают исподлобья, и я остановил его и спросил: «В чем дело, Род?» — а он только покачал головой.

— Про танцы слышал? — спросил он.

Я закатил глаза. Я об этом уже неделю думал, в частности, о том, кого пригласить. У меня никого не было. В смысле, была, конечно, Гретхен, но это, в общем, сомнительная перспектива, и, конечно, Лори, которой я пару раз пытался звонить, но она не подходила к телефону, так что выходило, что наступал очередной ключевой момент, а у меня так никого и не было.

— Нет, а что такое? — спросил я.

— Ты ни за что не поверишь, приятель. Но они собираются устраивать в этом году раздельные танцы.

— Раздельные танцы? В смысле? Для младших и старших? Но они же так всегда и делают, чувак.

— В том-то все и дело, что нет. Для белых и черных.

— Чего? Ты, что ли, шутишь? На дворе на хрен 1991 год — кто сейчас устраивает раз-

дельные танцы? Нет, ты блин точно шутишь.

— Нет. Этот чувак Маркус, из баскетбольной команды, он только что заставил меня подписать петицию.

— Зачем им отдельные танцы? — спросил я.

— Ну, эти из школьного совета не могут договориться по поводу песни, ну этой, главной песни.

Я подумал, что если уж кипельно-белые парни из школьного совета не могут договориться, то на что надеяться нам, все остальным? Господи боже, черт возьми.

— Все равно. Мы же младшие, — сказал я.

— Не знаю, я думал, может, пойти, — сказал он.

— На черные танцы? — спросил я и понял, что ответ его убивает, уголки его гладких черных губ опустились. Глаза стали маленькими, и на секунду я задумался обо всех парнях, которые доебывались до Рода, и никто из них не был белым, потому что даже в этой охуевшей школе, понимаете, о чем я, не нашлось ни одного белого качка, который стал бы доебываться до черного, даже такого хилого и заученного.

— Да, наверное, — сказал он. — Может, и ты мог бы пойти.

— На черные танцы? Ты о чем вообще? Я другого цвета.

Он вздохнул и кивнул, и мы разошлись в разные стороны.

К концу дня все прояснилось. По всей видимости, события развивались следующим образом: гребаные старшеклассники из школьного совета, который сплошняком состоял из этих придурков, корчащих из себя политиков, организовывали танцы для старших. Они выбрали ди-джея, меню, определились по поводу заглавной песни. По всей видимости, эти парни из школьного совета, почти все белые, постановили, что заглавной песней будет *Wonderful Tonight*, хренова песня Эрика Клэптона, которая была на хрен заглавной песней каждый хренов год. В общем, несколько других парней, два черных чувака и один латинос, предложили свой вариант, *Make It Last Forever*, черный R&B хит. Группы спорщиков принесли каждая свою песню, проиграли их для школьного совета, и, разумеется, черные, которых было меньше, проиграли. Черные попытались оспорить решение совета, но белые ни в какую не соглашались, и в результате черные сказали: *На хрен. У нас будут свои танцы*, и, видимо, всерьез это и планировали.

Все это рассказал мне после уроков Билл Саммерс, стоя у своего шкафчика, который был по соседству с моим. Он состоял в школьном совете, белый до рези в глазах, в голубой рубашке и голубом галстуке, светлые волосы, идеальная стрижка. Рассказав все это, он посмотрел на меня и сказал: «Ну разве это не полный идиотизм?», и я сказал: «Похоже на полный идиотизм», но точно не знал, почему.

Не уверен, что именно мне казалось идиотизмом, — то, что белые неизменно выбирали одну и ту же песню вот уже восемь раз подряд, или то, что черные так разозлились, что собрались устроить собственные танцы, или то, что куратор мистер Хелман не мог придумать, как на хрен разрешить эту проблему. Чем больше я думал об этом, тем сильнее злился. Белые поступили как положено. Они принесли свою песню и устроили голосование. Черные проиграли в честной борьбе, так что, наверное, они вели себя как обиженные дети. А может, и нет, не уверен. В смысле, может быть, поскольку школьный совет весь в основном был белый, у черных вообще не было никакого шанса. В смысле, раз уж я подумал об этом, например, если б в хреновом школьном совете были только черные и однажды, всего лишь один раз я захотел бы, чтобы заглавной песней была *Sweet Child o'Mine*, и я знал бы, что, что бы на хрен ни случилось, у меня нет ни единого шанса, не знаю, может, я тоже бы разозлился. И если бы такая херня случалась со мной каждый день, день на хрен

за днем, по всем каналам — каждая песня на радио — рэп, каждый артист в кино — черный, если бы весь этот хренов мир был черным и глядел бы на меня, и у меня не было бы ни единого мать его шанса на справедливость, — и вот тогда, может быть, очень возможно, меня бы все это в конце концов достало, и я сказал бы: *На хрен. На хрен. Выпускной бал бывает только раз в жизни, и я хочу, чтобы для меня он имел смысл*, и может быть, очень возможно, мне захотелось бы выйти и сделать что-то свое. И мне все это казалось неправильным и грустным, как будто все эти из школьного совета потеряли во что-то веру.

Я сказал Биллу Саммерсу: «Ну пока» и решил, что раз я еще не в выпускном классе и с нашими танцами все вроде в порядке, и отдельные танцы устраивают только для выпускников, то это не моя на хрен проблема, потому что вообще, да пошла эта школа.

ТРИ

Как всегда, с Ким и Гретхен я встретился на стоянке после уроков. Я заканчивал на пятнадцать минут раньше, так что обычно дожидался их, лежа на капоте «эскорта» и разглядывая проходящих мимо католических цыпочек в белых прозрачных блузках и роскошных фланелевых юбках, подмигивая им и рыча от удовольствия. Было жарко, самое начало мая, и я снял свою форменную рубашку и возлежал на капоте в одной только грязной белой футболке, и солнечные зайчики прыгали по моему лысому, гладко выбритому черепу.

Итак. Танцы приближались стремительно, и, черт меня возьми, мне хотелось пойти туда. Почему? Что ж. Потому что я никогда еще не был на школьных танцах, и за вычетом нынешних оставалось всего-то два раза во всей моей школьной карьере, и, что ж, наверное, мне хотелось доказать себе и всем остальным, наверное, что я больше не бессловесная какая-нибудь тварь и не лузер. Но поскольку я не знал никого из девчонок — в смысле, Дори не отвечала на звонки, а эта Эсме встречалась с барабанщиком из группы «Морлоки!», — я стал подумывать о том, чтобы пригласить Гретхен, но по-дружески, честное слово.

Ладно, вру. Мне кажется, если по-честному, я снова ее чудовищно хотел, ведь я знал, что она потеряла девственность, и это придавало ей какую-то взрослость, что ли, и чертовски меня заводило. Я старался не подавать виду, но чего тут врать. Она нравилась мне как никогда прежде.

Наконец Гретхен и Ким появились на пороге школы, Гретхен с кучей учебников, а Ким — дурачась, притворялась, будто хромает. Я не мог отвести глаз от Гретхен. В своей серой плиссированной юбке, белой блузке и гольфах, с двумя крошечными желтыми заколками в волосах она выглядела чудовищно мило.

— Здорово, — сказал я, спрыгивая с капота.

— Здорово, — сказала Гретхен, прикуривая сигарету. Она предложила и мне, но я отмахнулся.

— Здорово, Брайан, — сказала Ким, хватая меня за руку. — Как ты? Ух ты, ты что, спортом занимался?

— Отвали.

— Ты уверен? — спросила она, сжимая мою руку. — Да ты только посмотри на эти мускулы.

Мы все залезли в «эскорт», и Гретхен завела мотор. Они надели свои солнечные очки, черные пластиковые штуки, какие обычно раздают в парке аттракционов. Я накинул на голову форменную рубашку.

— Слушай, Брайан, мы тут с Гретхен говорили — ты когда-нибудь трахал девчонку в задницу?

— Отвали.

— Дело в том, что нас с Гретхен никогда не трахали в задницу, и мы подумали, может, ты это сделаешь? Можно по очереди или одновременно. Ты как хочешь?

— Мозги на ужин, мозги на обед, — пробормотал я себе под нос, это из моей любимой песни «Пожиратели мозгов».

— Чего? Это что еще значит? — спросила Ким, хихикая и оборачиваясь ко мне.

— Ну, давайте попробуем и узнаем, — сказал я.

— Да отстань ты от него. Если ты не прекратишь со своим сексом, у него там встанет, — сказала Гретхен так, как будто ничего не изменилось за последние пару месяцев, как будто не было никогда ни Майка, ни Дори, как будто я вот так и просидел все время здесь, в «эскорте», на заднем сиденье.

— Так ты идешь на танцы, Брайан? — спросила Ким.

— Ну да, не знаю. Я еще никого не пригласил, — сказал я. — В смысле, мне бы хотелось пойти с кем-то знакомым, понимаешь. Но как-то не складывается.

— Да на хрена тебе туда идти? — спросила Ким.

— Да потому что, блин, я нормальный, понимаешь. У меня такое чувство, что я все проспал, всю эту человеческую херню в старших классах. Хоть раз в жизни я хочу, чтоб все было нормально.

— Чушь, — сказала Гретхен. — Туда же все эти задницы пойдут. Все, кто до тебя докапывался. А ты хочешь теперь повеселиться вместе с ними и потратить сотни долларов, чтобы вырядиться и все такое? Чушь.

— На хрен, — сказал я. — Я просто хочу хорошо провести время. Я хочу пойти туда для себя, понимаешь. Мне кажется, будет весело.

— Ну удачи, — сказала она, посмотрев на меня.

— И тебе тоже, — сказал я в ответ, кивая.

— А мне-то чего?

— Ну, может, Тони тебя пригласит.

— Отвали, — сказала она.

— Нет, вы можете пойти, и он станет королем бала. А ты можешь сказать всем, что он твой папа.

В этот момент Гретхен затормозила прямо посередине хреновой 95-й улицы, вокруг стали выворачивать руль и гудеть.

— Ладно, хватит, — сказала она. — Вон отсюда.

— Чего? — сказал я, смеясь.

— Ты думаешь, ты теперь такой крутой чувак, да? Что ты можешь со мной вот так разговаривать?

— Нет, — сказал я. — Я же пошутил. Вы же обе постоянно до меня доебываетесь.

Гретхен покачала головой и тронулась с места. Через секунду она обернулась и нахмурилась.

— Я бы все равно не пошла на танцы, — сказала она. — Даже если бы он был старше-

классником. Даже если бы он пригласил меня.

— Ну о'кей, — сказал я, потому что она уже это говорила, хотя мы оба знали, что это неправда.

Через секунду мы припарковались у торгового центра, и Ким вышла, и мы с Гретхен снова вместе разъезжали без дела, только она и я, и она спросила: «Отвезти тебя домой?», и я сказал: «Да нет, давай покатаемся», и она сказала: «Ну, у меня свидание с Тони», и я сказал: «Ну тогда чего, вези мою задницу домой», и мы ехали к моему дому и слушали Ramones, и мне хотелось выпалить: *Ты мой единственный друг во всей этой кошмарной вселенной и я хочу чтобы ты пошла со мной просто пошла со мной на эту хренову вечеринку, но черт возьми, ничего не сказал. Ни слова.*

Мы остановились у моего чертова дома, и я сказал: «Ну пока», и вылез из машины и посмотрел, как она уезжает, думая о том, как жутко мне хотелось пригласить ее, зная, что она засмеется и скажет: нет, потому что ей покажется, что это «не круто», или потому, что она так влюблена в Тони Дегана, и зная, что никогда не смогу пригласить ее именно потому, что она так сильно мне нравится, и она уезжала, и «эскорт» стал точкой, такой потешной точкой, и я подумал: *Может, ничего так и не изменилось. Может, совсем ничего в этом мире для меня не изменилось.*

ЧЕТЫРЕ

Мы купили резиновые маски для Хэллоуина и стали носить их не снимая. Главным образом идея принадлежала Нику. Мы надевали эти маски, Человека-волка и Франкенштейна, и катались по округе на скейтбордах, и взламывали машины, припаркованные на стоянке торгового центра. Чтобы незримо спасти мир, мы изымали плохие кассеты из жизни обывателей, которым промыли мозги.

Как я сказал, идея принадлежала Нику. Началось все довольно просто: помните, он сказал: «Как-нибудь после уроков». Ник, тот парень из кабинета заведующего дисциплиной, стоял, прислонившись к моему шкафчику, без форменной рубашки и с галстуком, повязанным вокруг пояса, в черно-красной футболке, через плечо перекинута лямка черного рюкзака, за головой сияющий белый скейтборд. «Ну, ты готов или как?» — спросил он.

— К чему?

— Пойдем порвем всех, — сказал он.

— У меня нет с собой доски, — соврал я. Он посмотрел на меня как на сумасшедшего, слегка наклонив голову

— У тебя нет доски?

— Нет, забыл, — сказал я. — Ну, знаешь, как это бывает.

— И что у тебя за доска? — спросил он, сощурившись, меряя меня взглядом.

— Ну не знаю, — сказал я, смутившись. — А у тебя?

— Чувак, ты умеешь кататься или нет? — спросил он, уставившись на меня как на забавное животное, выпучив глаза и раскрыв рот.

— Не то чтобы. Наверное, — сказал я.

— Черт, — сказал он, кивая сам себе и ухмыляясь. — Это же просто. Давай я завтра принесу тебе доску, идет? — и, собственно, принес.

На доске когда-то был красно-черно-золотой рисунок, теперь почти полностью скрытый под надписями черным маркером: «Я люблю Дженнифер Брэдли» и «ДЖЕННИ», и

«Я люблю Дженни», что и было причиной, почему Ник решил задаром избавиться от доски, поскольку, по всей видимости, любовь прошла. Правда, у доски были новенькие широкие колеса — подходящие для новичков, по словам Ника, — и крепеж в форме призрачного темно-серого силуэта.

— Это легко. Просто стой на доске и никаких трюков, — сказал он, и мы вышли на стоянку, оставив свое барахло в шкафчиках. Я поставил одну ногу на доску и стал отталкиваться второй ногой, и тут же упал.

— Кажется, я сломал жопу, — сказал я.

Ник объехал вокруг меня и остановился, качая головой.

— Советую побыстрее привыкнуть к этому ощущению, — сказал он. — Смотри. — Он задрал черную штанину и показал мне огромный красно-бело-розовый шрам в форме странного насекомого, который покрывал всю его голень. — Это дерьмо я заработал на третий день после того, как встал на доску.

— Что произошло? — спросил я.

— Тогда меня впервые сбила машина, — гордо сказал он.

— Впервые?

Он кивнул и улыбнулся, задирая оба рукава и полы рубашки, указывая на всевозможные шрамы и синяки.

— Это грузовик. Это «корвет» 1985 года. Это мамин минивен, она сдавала задом.

— Вот черт, — сказал я. — Ну а когда тебя в последний раз сбила машина?

— Сегодня утром. Я столкнулся с «плимутом».

На доске я никуда не годился. В смысле, через пару дней я в принципе на ней стоял, но не мог миновать трещины и выбоины в тротуаре, и мне приходилось отталкиваться правой ногой. Я не мог ехать ни вверх, ни вниз. Я не мог тормозить, без того чтобы едва не распластаться. Зато я мог стоять на самой доске, и довольно долго, по-моему. Однажды Ник часа четыре учил меня, как блин задрать нос доски хотя бы на высоту бордюра, но я бы этому не научился за всю свою хренову жизнь. Мне нравилось стоять на доске, в принципе нравилось. В смысле, я мог проехать из одного места в другое, просто не то чтобы виртуозно. И этого было достаточно, поскольку совсем, похоже, не волновало Ника.

Короче, мы с Ником катались почти весь день после уроков, по всему на хрен южному району, где доска вовсе не считалась крутым занятием, от автобусной остановки до торгового центра «Чикаго ридж», по большей части. Мы объезжали гигантскую стоянку, и я тренировал заезд на маленькие бордюры, и мне никак не удавалось задрать нос достаточно, чтобы их одолеть, а Ник катался как бы сам по себе, пробуя разные трюки, рейлслайды, фронтсайды, блин, я даже названий этих трюков не знаю. Иногда появлялись другие скейтеры и выделялись, ну знаете, друг перед другом, пытаясь запрыгивать на каменные скамейки. По большей части я наблюдал за ними.

А заниматься мы начали вот чем: мы подъезжали к торговому центру, катались немного вокруг, ждали, пока стоянка начнет заполняться, а потом ездили очень осторожно между припаркованными машинами, выискивая незапертые двери, и типа угощались тем, что было внутри. В основном это была всякая дешевка: какая-нибудь серебряная зажигалка с гравировкой, картонный освежитель воздуха с голенькой девчонкой, который мы сняли с зеркала заднего вида и Ник носил его на шее до самого вечера, кошелек с травой вместо мелочи, — и мы ее пытались курить, но она как-то страшно провоняла монетами. И вдруг мы сорвали хренов джекпот. На заднем сиденье синего «шевроле», где было полно игру-

шек и детских курточек и туфель, мы нашли эти маски для Хэллоуина, Человека-волка и Франкенштейна. Поскольку я обнаружил этот «шевроле», выбор был за мной, и разумеется, я взял Человека-волка. Мы надели эти маски и так и катались, ухохатываясь как сумасшедшие.

Это стало нашей фишкой, знаете, кататься после уроков на стоянке торгового центра «Чикаго ридж» в этих дурацких масках, Человека-волка и Франкенштейна, которые мечутся среди припаркованных машин и до чертиков пугают покупателей, выскакивая из-за фургонов и грузовиков и издавая страшные звуки. Как же мы забавлялись! Толстожопая охрана тем не менее забавлялась меньше. Они какое-то время наблюдали за нами, стоя под разноцветными маркизами, курили и переговаривались по рации, затем двое или трое нацеливались на нас из своих углов размазанным синим пятном, а мы смеялись и рычали на них, издавая страшные звуки, и уезжали к противоположному фасаду торгового центра прежде, чем они успевали поймать нас. Так было, наверное, даже веселее, с преследованиями. Это придавало нам ощущение цели, наверное. Однажды мы с Ником сидели на своих досках, он пердел и пытался поджечь сероводород зажигалкой, которую мы только что сперли, и мы хохотали, и вдруг из-за припаркованного «мустанга»-кабриолета вынес свою задницу охранник и схватил Ника. Он вцепился в его футболку с надписью «Мы верим в Ramones», а Ник просто вывернулся через горло и стал удирать на доске, по пояс голый, фыркая и смеясь, натягивая обратно резиновую маску Франкенштейна. «Черт, моя любимая футболка» — вот в принципе и все, что он высказал по поводу происшедшего.

Но у Ника была целая программа-максимум. Влезать в чужие машины означало для него не просто мелкую кражу, это было очень серьезным делом, эдаким крестовым походом. Происходило так: мы катались в своих масках, проверяя, заперты ли в машинах двери. Когда находили незапертую, проверяли, не наблюдает ли за нами какой-нибудь жирный охранник у входа в торговый центр и не выглядывает ли из-за бумажных пакетов с покупками какая-нибудь пригородная домохозяйка в теле, и не любопытствуют ли малявки, рыдая о некупленной игрушке, а затем один из нас открывал водительскую дверь (мы уже поняли, что это вызывало меньше подозрений), и Ник обычно обшаривал все вокруг, проверяя пепельницу, бардачок и под сиденьями. Если добычи не было, он просматривал кассеты — не на предмет украсть, а на предмет типа оценить. В большинстве случаев эти покупатели слушали Крис-тал Гейл или Келли Логгинс или New Kids on the Block или Джорджа Майкла и всякое такое дерьмо, и, короче, Ник забирал из машины все эти хреновы кассеты, в смысле вообще все, и забрасывал их под стоящие рядом универсалы и минивены. Изъяты. Уничтожены. Задушены. Убиты. Для него это было делом жизни на хрен.

— Ты знаешь, что они на радио крутят только то, за что платят, и что у тебя нет никакого на хрен выбора, что слушать? Все решают деньги, — говорил он и швырял кассету с саундтреком к «Грязным танцам» под колеса ближайшего автомобиля.

— Кому на хрен захочется еще раз послушать, как поет Патрик Суэйзи? Несчастные рабы корпораций, — шептал он, грустно качая головой. — Эс Эс, да?

— Точно, — говорил я, понятия не имея что это еще за Эс Эс.

— Дело сделано. Однажды нам скажут спасибо.

Как вы догадываетесь, не многим кассетам удавалось спастись. Если раз в миллион лет у кого-нибудь в машине и было что-то действительно стоящее — Битлз там, или Бадди Холли, Ник все равно в конце концов забирал и это. В общем, нам было чем заняться — важным и стоящим, хоть и с криминальным душком. Мы всерьез думали, что то, что мы делаем, каким-то образом спасет мир, потому что ведь так легко понять, что плохая музыка и вправду делает людей плохими. Мы, счастливики, это понимали. Нам как-то удалось избежать промывки мозгов корпорациями, и нашим правом теперь — нашим предназна-

чением — было уничтожение всякой дурной музыки на стоянке торгового центра, кассета за кассетой, машина за машиной, день за днем.

ПЯТЬ

Несколько дней спустя, после уроков, я отправился в музыкальный магазин на 95-й улице, чтобы купить единственный альбом Misfits, которого у меня еще к тому моменту не было — «Земля нашей эры». Я скопил на него денег, прожив без обеда целую неделю. Я питался леденцами и приправами, насыпанными на чесночный хлеб, который стоил десять центов. Короче, я поднимался по узким бетонным ступеням ко входу в музыкальный магазин, когда четверо или пятеро чуваков в черно-зеленых мотоциклетных куртках, с гигантскими иксами на футболках, кое-кто в футболках групп Minor Threat и Life Sentence, резко толкнув меня, пронеслись мимо. Последний, самый мелкий, с лысой головой, едва прикрытой серой кепкой, какие носят грузчики, с длинным худым лицом, выступающим над белой футболкой, уперся рукой о косяк, загородив мне вход. Я остановился и уставился на него. Он прищурился, будто вбивая меня взглядом в ступеньку, и через красную соломинку прихлебнул что-то из гигантского пластикового стакана.

— Ты за кого? — спросил он меня.

— Чего? — спросил я, подаваясь вперед, чтобы расслышать.

— Ты за кого? — снова спросил он, оглянувшись через плечо на своих приятелей, и снова прищурившись. — В какой команде, спрашиваю?

— Чего? — снова спросил я.

— Ты скин блин, или нет?

— Нет, — сказал я, похлопывая себя по лысине.

— Ну и иди на хрен, — сказал он и швырнул в меня соломинку. Она стукнула меня по лбу, мокрая от его слюны, и приземлилась к ногам. Я пожал плечами, пытаюсь изобразить улыбку и чувствуя себя от этого невероятно тупым.

— Панк мертв, — сказал он, кивая мне. — Ты блин следующий. — Он поднял большой палец, а затем развернул его к земле — имея в виду, очевидно, мой близкий конец. Его приятели закивали и легкой походкой покинули магазин, пихая друг друга и смеясь. Я стоял на ступеньках музыкального магазина, не имея никакого на хрен понятия, что тут вообще только что произошло.

ШЕСТЬ

Короче, я собирался на этот панковский концерт, впервые в жизни, наверное, и на мне были прекрасные армейские ботинки отца, эти чудесные ботинки на шнурках на двадцать дырок, и было часов восемь вечера, и я выходил из дома втихаря, потому что не хотел, чтобы папа стал вдруг останавливать меня, плюс не хотел, чтобы он увидел, во что я обут. Но, видимо, я оказался недостаточно проворен, и он все-таки сказал: «Минуточку, приятель» — и я остановился, и пошел назад, и папа вздохнул и, стащив себя с дивана, уставился на меня как на полного идиота удивленными огромными глазами, раскрыв рот, качая головой, глядя мне на ноги.

— Это что, мои ботинки? — спросил он. На нем все еще была его синяя заводская форма, очки запотели и скосбочились.

— Ну да. Кажется, да.

— У тебя есть ровно десять секунд, чтобы снять их, прежде чем я сам стяну их с тебя.

Я стоял на лестнице, и мы смотрели друг другу в глаза. Он все еще был немного выше меня, и я просто стоял и, не шевелясь, смотрел на него сверху вниз.

— Я служил в этих чертовых ботинках, — пробормотал он. — Короче, либо ты снимаешь их сам, либо я снимаю их с тебя, — снова сказал он.

— Я аккуратно, — сказал я.

— Десять, — сказал он, делая шаг вперед. — Девять. Восемь. Семь.

— Они будут как новенькие, обещаю, — сказал я.

— Шесть. Пять. Четыре.

— Пап.

— Три. Два.

— Ладно, — сказал я.

— Снимай.

— Ладно, — сказал я. — Ладно, — прошептал я, садясь на ступеньку и приступая к длительной процедуре расшнуровывания.

Папа отвернулся и снова уселся на диван, на всякий случай поглядывая на меня, чтобы убедиться, что я действительно их снимаю, и чтобы не заплакать, я все повторял: «Я не какой-нибудь хренов сукин сын», из песни Misfits «Когда орлы бросают вызов».

СЕМЬ

После того как ботинки были сняты и пережит час позорных унижений, я уговорил Гретхен пойти со мной на мой первый панк-концерт, «7 секунд». Это был один из самых удивительных вечеров в моей жизни, несмотря на то, что нам удалось послушать одну-единственную песню и несмотря на всю эту заваруху между панками и скинами. Это не имело никакого значения. Ведь не в группе было дело, верно? Играли они хорошо и громко, и весело, и единственной песней, которую мы зацепили, была перепевка, про которую говорила маленькая, «99 красных воздушных шариков», типа немецкий хит 80-х про ядерную войну, — я вспомнил оригинальный клип с чумовой иностранной дамой и воздушными шариками и всем таким, и, думаю, в детстве ядерной войны я боялся до усрачки, а песня была такая веселая и заводная, что мне тогда и невдомек было, о чем там речь, — но когда ее начали играть «7 секунд» и когда вокалист, Кевин Секунд, объявил «99 красных воздушных шариков», все вокруг как будто обезумели. Поэтому, наверное, я называю этот вечер одним из лучших, понимаете? Ну все эти люди вокруг, или вообще ощущение, что ты со всеми вместе, что ли, наверное.

«Косолапый медведь» был чем-то типа спортивного бара прямо напротив боулинга, в центре модного района, где тусовались яппи, но когда мы подъехали, перед входом вилась огромная очередь грязных панков, и, короче, это было потрясающе. Нам не удалось найти бесплатную парковку, а денег у нас не было, и еще часа два мы разъезжали вокруг, пока наконец нам не повезло. Мы выбежали из машины и встали в очередь, и к тому времени, как мы вошли, две группы уже отыграли, а «7 секунд» почти заканчивали, а зал был упакован под завязку. Внутри все было из темного дерева, столы сдвинуты к стенам, и у них сгрудились максимально припанкованные ребята: крашенные волосы, черные свитера с капюшонами, штаны в широкую клетку, юбки, значки, нашивки, английские булавки, черные мотоциклетные куртки с написанными на спине названиями групп. Еще было много скинов, обритых наголо, в белых футболках и черных армейских ботинках с высокой шнур-

ровкой, с нарисованными на руках, а кое у кого на лысом черепе, иксами. Все танцевали, все орало и двигались широким хороводом в центре зала. Кажется, я никогда такого прежде не видел.

Короче, я знал эту песню — «99 красных воздушных шариков». В смысле, я помнил ее еще с детства, и когда вокалист произнес название песни, все вокруг обезумели, и басист начал знакомую басовую линию, только быстрее и жестче, затем вступили ударные, сначала бочка, затем остальные, аудитория бесновалась — прыгая, толкаясь, танцуя, — и затем вступил голос, «Девяносто девять красных воздушных шариков, плывущих по летнему небу», и наконец, когда дело дошло до припева, «Уо-уа», каждый в толпе подпевал — каждый, даже Гретхен и я, — и я прыгал и, не знаю, чувствовал себя примерно так же, как когда пел в церкви, чувствовал себя частью чего-то, знаете, чувствовал, что я не один, и потом снова припев «Уо-уа» — и каждый повторял, и я поднял глаза, а у сцены уже кто-то затеял возню, там были скинхеды в сине-зеленых куртках, и они пихали друг друга, налетая на панков, и песня почти закончилась, когда какой-то долговязый панк с зеленым ирокезом толкнул крупного скина и *бац!* — тот залепил ему в глаз. Через секунду за панка вступилась синеволосяя девчонка в черной кожаной куртке, похожая на пожарный гидрант, она подошла и плюнула прямо в лицо скинхеду. Тот рассмеялся и плюнул в ответ, метко попав прямо в лоб. Девчонка на хрен разъярилась и повисла на скинхede, другие панки не остались в стороне, панки и скины поскидывали свои куртки, и пошел конкретный махач, и тут песня закончилось, и вокалист, Кевин Секунд, посмотрел на это дело и сказал: «Ладно, ладно, сегодня мы уйдем отсюда вместе, скины и панки, мы все уйдем отсюда вместе», и я не очень-то понял, что он имел в виду, но мне понравилось, как он это сказал. И это, блин, сработало. Скины и панки расслабились и снова стали танцевать, не убивая друг друга, и один толстый скин даже помог панковской девчонке подняться с пола, и мне это было так странно.

После концерта Гретхен встала в очередь за футболкой и сказала: «Эти парни все делают сами».

— И что? — сказал я.

— И что, это круто, блин.

— Почему?

— Потому что они хотят все делать сами, понимаешь, без всяких там звукозаписывающих компаний, которые говорят им, что делать. И они не принадлежат какой-нибудь корпорации. Знаешь, Эс Эс.

— Круто, — сказал я. — Это что еще за херня?

— Сделай Сам, — сказала Гретхен. — В смысле, они борются за что-то. А не как блин хреновы Guns n' Roses.

— Guns n' Roses тоже борются, — сказал я.

— За что?

— Ну не знаю. За то, чтоб было по приколу.

— Ты не врубаешься, — сказала она. — Эти парни, они хотят, чтобы ты типа думал своей головой.

Я оглядел столик с сувенирами, полный футболок, пластинок, значков, наклеек, и подумал: *И чего это я раньше о них не слышал?*

Пока мы стояли в очереди, ко мне подбежала та самая маленькая Кэти из торгового центра, обняла меня, как старого приятеля, и сказала: «Я пойду, меня мама ждет. Вот, это тебе», и она сунула в мою руку кассету, обняла меня снова и убежала. Синеволосяе облач-

ко. Кассета была совершенно обычная, не считая того, что она прилепила к ней свою детскую фотографию, на которой она была наряжена розовой балеринкой или феей, и написала на коробке *Брайану* серебряным маркером.

— Кто это был? — спросила Гретхен.

— Не знаю. Девчонка, которая дала мне флаер.

— Она кассету тебе записала?

— Наверное, — сказал я и сунул кассету в карман, вот так вот, понятия не имея, что тут затевалось, но оглядываясь вокруг и чувствуя себя очень, очень странно.

Кассета была просто улетная. В смысле, я слушал ее целыми днями, неделями и даже перематывал ее снова и снова, чтобы разобрать слова, понимаете, и эта девчонка, Кэти, которую я так больше и не увидел, она написала список песен с названиями групп и даже со строчками, которые, должно быть, ей нравились —

ВИДЕТЬ КРАСНОЕ (minor threat)

Мой вид должен страшить тебя,

Чтобы ты делал то, что ты делаешь

ПОДУМАЙ ЕЩЕ РАЗ (minor threat)

Невежество — твое мерило

Разум чужд твоему мозгу

НАЦИСТЫ, ОТЪЕБИТЕСЬ (dead kennedys)

Сделай себе ирокез, ты все равно не панк,

Если гопник все еще жив в твоей голове

ТЕПЕРЬ У НАС ПРОБЛЕМА ПОСЕРЬЕЗНЕЙ (dead kennedys)

Пусть ниггер нарывается на драку,

Ты все равно улыбайся

— и все вспоминал тот момент во время концерта, когда вокалист сказал этим, таким разным людям, которые, по сути, были не такие уж разные: давайте уйдем сегодня отсюда все вместе. Я и прежде бывал на концертах — знаете, *Mötley Crüe*, *Guns n' Roses*, и даже *Metallica*, все время с Майком, все время на стадионах с тысячами зрителей, — но никогда в таком маленьком клубе, и, в общем, это было совсем не то же самое, в смысле, мы все были так тесно друг к другу прижаты, и пели, и танцевали, и никогда прежде никто не говорил такого, знаете, чтобы уйти всем вместе. Как я сказал, я думал об этом неделями, потому что мне это было очень важно, потому что, короче, никогда прежде я о таком не задумывался — но, кажется, музыка могла что-то изменить, даже в моей типа жизни.

ВОСЕМЬ

Когда Гретхен увидела меня голым, или почти голым, она рассмеялась и сказала, что я сложен, как одиннадцатилетняя девочка. Мы сидели в моей комнате, и она уже почти закончила брить мою голову. Она принесла из дома машинку для стрижки, и та гикнула ровно на половине головы, так что Гретхен пришлось воспользоваться ножницами и папиной опасной бритвой, чтобы довести начатое до конца.

— Грет, поосторожнее можно, а? — сказал я, извиваясь на металлическом складном стуле. В комнате было холодно, а я сидел в одних трусах и почти окоченел.

— Не вопрос, говнюк, расслабься, — ответила она, и, в общем, когда она прикоснулась к моей шее мягкими белыми ручками, все, что мне оставалось, — это расслабиться. Точнее не так — член мой моментально вырос до гигантских размеров. Скрыть это в облегчающих трусах было невозможно, так что я вскочил и сказал: «О'кей, готово» и она сказала: «Пол-голова у тебя еще в принципе не побрито» и я сказал: «Ничего, нормально» и она посмотрела на меня и сказала: «Посмотри на себя. Ты выглядишь как одиннадцатилетняя девочка. Может, тебе спортом заняться?» и я сказал: «Ну, по крайней мере, я не жирный», сразу после чего я осознал, что не должен был говорить такого, и она сказала: «Да. Да, по крайней мере, ты не жирный», и она стремительно вылетела из комнаты, взбежала по лестнице, забыв даже свою черную виниловую сумочку. Через пару минут она постучала в дверь, и я тут же сказал: «Прости», и она сказала: «Если хоть еще раз ты скажешь мне такое, я отделаю тебя по полной программе».

— Хорошо, — сказал я.

— Давай я закончу с твоей головой, — сказала она.

— Хорошо. — Я снова сел на металлический стул, натягивая через ноги грязную черную футболку. Гретхен включила машинку, но та так и не заработала, поэтому она снова взяла ножницы и провела рукой по моим волосам, нежно поглаживая кожу у самого уха. Еще немного она поработала над моей прической, напевая под нос какую-то чудную песенку, которую я не узнал, но годы спустя, целуясь на диване с какой-то девчонкой, внезапно осознал, что это была *Love Song* хреновых Cure. В общем, Гретхен напевала и я чувствовал на шее ее горячее дыхание и честно приложил все усилия, чтобы не возбудиться, но без особого успеха и вот она взяла банку с кремом для бритья и выдавила немного на ладонь и стала наносить его на мою шею очень медленно смеясь и говоря: «Хорошо пахнет, мужчиной» и я кивнул и тоже засмеялся и она взяла папину опасную бритву и очень нежно, очень осторожно стала брить мой затылок. Через секунду она случайно меня порезала, и я взвизгнул, как девчонка, и она усадила меня обратно на стул и схватила одно из маминых белых полотенец, и прижала его к порезу, чтобы остановить кровь, и я сказал: «Эта хренова голова все еще на месте?», и она сказала: «О да. Чего разнервничался-то?», и она все еще держала полотенце и я потрогал голову и она шлепнула меня по руке и убрала полотенце и наклонилась посмотреть, и вот она сделала это. Глаза мои были закрыты, боль от пореза не проходила, и неожиданно, с чего бы это, я почувствовал, как Гретхен очень нежно целует мой затылок и говорит: «Видишь, ничего страшного».

В следующую секунду я подскочил, развернулся, схватил Гретхен за плечи и стал целовать ее как сумасшедший. Буквально, я схватил и поцеловал ее и прижал к стене и она целовала меня в ответ по-настоящему — по-настоящему — и глаза ее были закрыты и она смеялась, но я был серьезен до ужаса и я скользнул рукой по ее спине и уложил ее на угол кровати и взобрался на нее, а Гретхен все еще смеялась и мы целовались, такие длинные влажные поцелуи, и я задрал ее футболку и коснулся ее кожи и она прижала меня к себе и погладила мою лысую голову и я двинулся к ее штанам, на ней были такие клетчатые брюки с сотней гребаных застёжек, и я нашел настоящую молнию и стал расстегивать ее

и ощутил под рукой гладкую ткань ее трусиков, розовых, насколько я мог видеть, и ощутил ее мягкие, странные волосы, глаза ее были закрыты, она больше не смеялась и держала мой затылок одной рукой и расстегивала мои джинсы другой и она коснулась меня — и, собственно, вот. Я кончил прямо в трусы. Гретхен вытащила руку, и я посмотрел на нее, и она уставилась на меня, будто говоря: *о'кей, что теперь?* и я поднялся и выбежал в ванную. Когда через несколько минут я вернулся, она уже смылась, вместе с сумочкой, и я понял, что окончательно все просрал.

ДЕВЯТЬ

Мы сидели на своих досках, елозя туда-сюда позади припаркованного у торгового центра минивена. В первую очередь, сказал Ник, нужно, чтобы тебе сломали нос. *Зачем?* спросил я. Потому что если тебе хоть раз сломают нос, никто к тебе больше не полезет. *Правда?* спросил я. Ну, это если им никогда не ломали нос. Но большинству же не ломали. Посмотри на всех этих крупных чуваков, у них не сломан. *Почему?* Спросил я. Потому что они всегда, наверное, были крупными, и никто до них не докапывался. И никто им так и не вмазал хорошенько. А для таких, как мы, это прекрасная возможность. Вот где справедливость, сказал он. Им не нужен сломанный нос, а нам легко его заполучить. *Все равно не понимаю,* сказал я. Это полностью выведет тебя из строя, сказал он. Твои глаза вываливаются и наливаются слезами, и ты не можешь дышать, и кровь течет по лицу и по шее, и тебе хочется блевать, и ты чувствуешь себя полным дерьмом. *И что, вот этого я хочу?* спросил я. Да, сказал он. Потому что тогда тебя уже не остановить. И ты уже не будешь бояться. Никогда не будешь бояться драки, потому что ты уже знаешь. Ты уже это пережил. *Хочешь пойти на танцы?* — спросил я. Нет, сказал он. Ни за что. Эти танцы придуманы специально для того, чтобы ты выглядел глупо. *А я хочу пойти,* сказал я. Тогда побеспокойся о том, чтобы сломать нос, сказал он.

ДЕСЯТЬ

Если от момента, когда мне все-таки сломали на хрен нос, включить обратную перемотку, то вот как это, должно быть, выглядело. Тонна горячей красной крови фонтанирует по подбородку, скользит вокруг уголков рта вверх, вверх, вверх к ноздрям. Кровь крошечными пятнами и каплями, как по волшебству, отслаивается с черной футболки «Misfits» с надписью «Умри, умри, умри, родная». Зубы стиснуты, эмаль с привкусом гравия не шелхнется. Живот расслабляется. Переносица сдувается, теряя воздух, как воздушный шарик, возвращает себе изначальную прямоу. Я кашляю, но наоборот, звук всасывается внутрь и вниз обратно в легкие вместе с кровью. Я открываю глаза. Рот разевается. Голова со щелчком встает на шее прямо. Я вскакиваю с зеленой мусорной кучи. Крепкая девчонка в синей джинсовой юбке и с красными волосами отрывает ладони от лица. С физиономии крупного обкуренного парня в футболке с нарисованным на ней иксом исчезает выражение отвращения и боли, он кричит. Тот чувак, что ударил меня, в своих черных широких штанах и белой футболке тянет к себе от моего лица тяжелую правую руку, она летит дугой по воздуху и падает. Он делает шаг назад. Я делаю шаг назад. Он делает шаг в сторону. Я делаю шаг в противоположную сторону. В переулке гудит машина, звук всасывается под капот зеленого «шевроле». Припанкованные подростки идут рука в руке, задом наперед, от черного входа в клуб, отвращение на их лице сменяется блаженством. Над головой самолет, вперед хвостовой частью. Девчонка с красными волосами качает головой и говорит: «Уме ъжамв, но лешоп ад», ее палец наставлен на меня, потом падает, она идет назад, рядом с тем чуваком. Комок моей слюны съезживается на его белой футболке и летит по воздуху прямо мне в рот, и я проглатываю его. Я разозленно указываю на него и его фут-

болку. Я указываю на него, не глядя на его руки или грудь или кулаки, только на футболку. Он показывает мне фак, останавливается, идет задом наперед по переулку. Я бросаю на него злобный взгляд, говорящий «йух ан иди» со звуком «долби». Я не отрываясь смотрю на него, он идет с пятью или шестью приятелями, я качаю головой, я злюсь. Ник указывает на лысого парня в белой самодельной футболке с надписью «Панк мертв. Ты следующий». Я спрашиваю Ника, что случилось, его черная нейлоновая куртка изодрана. Я вижу Ника, его рот полон крови, он, опершись на кирпичную стену клуба, держится за ребра. Я наконец нахожу Ника снаружи, в ушах звенят последние ноты песни «Что-то вроде ненависти», паршивой перепевки Misfits.

А теперь, очень быстро, назад от того вечера к полудню того же дня: я вырываюсь из машины Гретхен, матерясь. Она не смотрит на меня, объясняет, почему между нами ничего никогда не случится, никогда, никогда, никогда. Я чувствую дурноту, затем радость, надежду, мечтаю о нас. Мы слушаем музыку, сидя в машине Гретхен, молча, очень близко, я почти готов поцеловать ее мягкие, блестящие розовые губы, но мы молчим и остаемся неподвижными. Я кладу руку на ее руку, делаю потише радио. Я пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы усадить ее рядом со мной в машину. Гретхен смеется. Я показываю на ее шею. Я вижу крошечную родинку на шее Гретхен, которая, больше чем что-либо, требует от меня первого шага к поцелую. Гретхен выключает зажигание, выходит из машины. Я вижу, как она пересекает стоянку. Я сижу на капоте потрясающего «форда-эскорта» после уроков, улыбаюсь. Я снова думаю о Гретхен и о том, как нечеловечески хочу ее. Я вижу, как она идет задом наперед ко входу в школу, проскальзывает внутрь. На стоянке Школы матери Макколи я, как всегда, думаю о том, как понравиться Гретхен, и как сегодня, так же, как вчера, со мной может случиться все что угодно.

ОДИННАДЦАТЬ

Мы поехали навестить бабушку, потому что ее поместили в дом для престарелых, и вот впервые за долгие месяцы моя хренова семья собралась в фургоне, и все молчали как ушибленные, потому что, вы знаете, брак моих родителей распался, и папа вел машину с каменным лицом, мама молча сидела на пассажирском сиденье, Элис — рядом со мной сзади, а Тим позади нас распластался на собственной скамье, потому что весь он был одни сплошные ноги и локти, нос у меня был все еще распухший и болел, один глаз черно-синий, а родителям я еще до этого сказал, что упал со скейтборда, и мама что-то начала говорить, но я не слушал, хотя, мне кажется, папа знал, что я вру, и, короче, сидя в фургоне, он что-то бормотал себе под нос, и хрен знает почему я вытащил из плеера кассету Misfits с альбомом «Наследие зверства» и вручил ее папе. «Послушай, тебе понравится», — сказал я, и он как-то вздохнул и улыбнулся, засовывая ее в магнитола. Сразу же заиграла моя любимая песня «Ужасы», зазвенела гитара и загремели барабаны, и Гленн только начал петь «Слишком много ужасов», и тогда папа кашлянул и вытащил кассету. Он отдал ее мне, улыбаясь и говоря: «Немного громковато для меня», и я почувствовал, что краснею и что я почему-то в ярости — в смысле, нечеловечески расстроен — просто в ярости на хрен, хотя, собственно, что тут такого. Я подумал: *Да какое мне на хрен дело, что мой папа думает о моей музыке? и Кому какая разница?* Но мне было до этого дело и разница была, и я никак не мог понять почему, честное слово.

ДВЕНАДЦАТЬ

Мы занимались этим на стоянке торгового центра, где один из нас притворялся, что его сбита машина, типа запугивая водителя, чтобы он дал нам денег. Это опять была идея Ника, в основном. Лучше всего было начинать с открытой раны. Так было значительно прав-

доподобней. Чтобы добиться этого, Ник либо выполнял какой-нибудь очень сложный трюк, типа запрыгивал на каменную скамью и нарочно приземлялся на колени, либо брал ключ и корябал себе голени, пока они не начинали кровить. Поскольку лицо мое все еще было распухшим и черным и уродливым, мне не так уж трудно было выглядеть пострадавшим. Если было надо, я мог поскрести костяшками пальцев о цемент, и держа перед собой руку, глядеть своими разукрашенными глазами, бормоча: *Зачем? Зачем? Я сирота, я хотел только покататься здесь на доске в свое удовольствие*, вроде как вина их во всем и вызывая к себе жалость. Ник, с другой стороны, был значительно смелее. Он обычно настоящему принимал удар, летя на всех парах прямо на машину, пока какая-нибудь пригородная мамочка кричала на своих детей, пытаясь сдать назад. Это обязательно должна была быть мамочка. Никто, кроме них, не пожалел бы нас. Почти всегда удар принимал Ник. Я же стоял на своей доске в конце длинного ряда машин на стреме. Если появлялся охранник, я свистел, и Ник поднимался с земли и уезжал подальше от опасности.

Обычно это происходило так: Ник подъезжал к машине, ударялся об нее и ложился на землю лицом вниз, так было легче не рассмеяться. Мамочка кричала, детишки кричали, мамочка тянула ручник, распахивала водительскую дверь, выпрыгивала и вставала над Ником, буквально рыдая. «О господи, о господи, о господи, я же даже не посмотрела». Если мамочка так говорила, мы уже знали, что все пойдет как надо. Большинство, если не все, проникались по-крупному; одна дама даже склонилась над Ником и нежно погладила его по лысой голове, нашептывая всякие ласковости типа: «О прости, прости меня, все будет хорошо, ты будешь в порядке», и он отметил, что это было слегка эротично. Как бы там ни было, ключевым моментом было вот что: Ник поворачивался, вытирал слюну, садился, заваливался назад, снова садился, смотрел на даму и говорил: «Извините, пожалуйста», и если она плакала, это срабатывало. За несколько минут Ник успевал объяснить, что он ехал к автобусной остановке, чтобы успеть на работу, потому что папа их бросил, и он должен помогать маме с расходами, и теперь его Наверное уволят, и он не может даже дойти до остановки — тут он убедительно изображал прихрамывание. Женщина обычно держала руку у сердца, бьющегося под вязаным свитером с котятками, лезла в сумочку и настаивала, чтобы Ник взял немного денег на такси до работы. В среднем выходило около двадцати баксов за удар, что его вполне устраивало, так как алчностью он не отличался. Однажды какая-то особо страстная мамочка настаивала на том, чтобы отвезти его домой, и он поглядел на меня через плечо и покачал головой, и женщина, ну, она заметила это — этот взгляд — и так расстроилась, что мы быстро умотали. Ни одна другая мамочка так и не воткнулась, ни у одной не промелькнула мысль, что это подстава. В основном из-за окровавленных коленей Ника и его непревзойденных падений.

Время от времени кто-нибудь из толстозадых охранников выходил покурить, узнавал наши маски для Хэллоуина и какое-то время за нами гонялся. Дело в том, что стоянка торгового центра была огромная. В смысле, она окружала его, а мы были на досках, и эти чуваки, в своих блестящих синих полиэстровых униформах, фальшивых серебряных кокардах, вооруженные разве что рациями, в основном были жирные и на пешем ходу. Мы уезжали на досках — или я уезжал, пока Ник подъезжал к ним вплотную, едва не наталкиваясь на них, быстро в прыжке разворачивался и исчезал среди старушек с пакетами в руках.

Мы не особо много зарабатывали таким образом, но бабки, которые получали, делили на двоих и тратили на импортные кассеты. Однажды я купил Misfits, привезенный из Германии, «Нечево терять», песни на кассете были написаны странно, взять хотя бы названия, но там были живые треки, которых я раньше не слышал, и это было круто. Наверное, в первую очередь, мне нравилось проводить время с Ником, слушая его разговоры про правительство и про группы и, короче, нравилось просто что-то делать, пусть даже при творяться сбитым машиной, вот что мне нравилось больше всего.

ТРИНАДЦАТЬ

Короче, это было большое вранье — оставаться вместе ради детей, понимаете, для вида, — потому что да пошел на хрен такой вот вид. Мой старший брат Тим, который почти уже закончил школу, и моя младшая сестра Элис, которая только начинала учиться в старших классах, и я, все мы надеялись, что родители наконец-то уже разойдутся. Наверное, какое-то время я этого ждал, приходя каждый вечер домой и заставая папу распластанным на диване, нелепого, одинокого и храпящего, а потом он стал исчезать на несколько дней, и потом однажды я направлялся на тайный концерт отличной группы Screeching Weasel, я услышал о нем от Ника, который раздобыл флаеры в музыкальном магазине и должен был заехать за мной на своем паршивом «каприсе» 85 года, но опаздывал, и я выходил из комнаты, снова в папиных армейских ботинках, потому что он просто положил их в гараж на то же самое место, и я нашел их и, короче, я выходил из комнаты в этих ботинках, и папа сидел на диване перед телевизором, но не смотрел его, и я подумал, ну вот, сейчас начнется. Но папа смотрел себе на руки, лежащие на коленях, и на нем не было очков, он держал их в руках, как будто молился — может, так и было, — и когда я вышел, он посмотрел на меня и улыбнулся, но какой-то страдальческой улыбкой, и волосы его после работы были грязные, и он все еще был в своей заводской форме, и я сказал: «Пока, пап», и стал подниматься по лестнице, и он сказал: «Брайан», и я сказал: «Да?», и он сказал: «Посторожнее с ботинками, хорошо? Они для меня много значат», и я остановился, и кивнул, и посмотрел на черные армейские ботинки, и сказал: «Конечно, пап», и он опустил голову и сказал: «Брайан», и я посмотрел ему в глаза и увидел, что он плачет, и я не знал, что мне на хрен делать, потому что я никогда не видел, как он плачет, разве что однажды, на похоронах его папы, но тогда это было так быстро, что я не уверен, не подводит ли меня память. Папа посмотрел вниз, кивнул, вытер глаза и встал, протягивая руки, как будто чтобы я обнял его, и я обнял, тоже немножко заплакав, наверное, и уткнулся лицом ему в плечо, которое пахло шоколадным батончиком, и он всхлипнул и сказал: «Мне придется оставить вас, Брайан, прости меня», и я сказал: «Знаю, пап», вдруг почему-то по-настоящему расплакавшись, и тогда он сказал: «Пожалуйста, я не хочу, чтоб вы меня ненавидели», и я сказал: «Я никогда не смог бы тебя ненавидеть, пап», и он сказал: «Я просто не могу здесь больше оставаться», и я сказал: «Я знаю, пап, я понял», и он сказал: «Меня здесь не будет сегодня, когда ты вернешься», и я кивнул, и он похлопал меня по плечу, и снова сел на диван, уставившись на свои руки. Я взбежал по лестнице и бросился в ночь, руки мои дрожали.

В тот вечер я не пошел на концерт. Мы с Ником весь вечер катались туда-сюда, это было так мило с его стороны. Мы не разговаривали, просто катались, слушая Naked Raygun, которых Ник полюбил за то, что они были из Чикаго. Naked Raygun и еще Big Black, которые звучали больше как техно, потому что вместо барабанов у них была специальная установка.

Когда наконец я пришел домой, папиной машины не было, и самого его не было на диване, и в доме было очень, очень тихо, и мне захотелось позвонить Гретхен и рассказать ей, что случилось, но между нами все еще творилась какая-то херня из-за тех поцелуев, так что вместо этого я вставил кассету с коллекцией песен, которую она записала для меня, ту, где про смерть ее мамы, под названием «Кэрол», и я слушал ее и слушал, и хотя теперь я слушал только панк, а кассета была в основном с романтическими песнями, все равно я перематывал ее на начало всю ночь.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Считалось, что на Кладбище Воскресения на Робертс-роуд тоже живут привидения. Рас-

сказывали историю о коммивояжере, который как раз проезжал мимо, когда на дороге из темноты вышла девочка в белом, и он чуть не переехал ее машиной; он остановился и увидел, что на ней одни только трусики и выглядит она так, будто ее ограбили или изнасиловали или что-нибудь в этом роде, и он спросил, как ее зовут, и она сказала: Мэри, и она напомнила коммивояжеру его дочь, и он спросил, не отвезти ли ее домой, и она села в машину, и он взял с заднего сиденья шаль и накинул ей на плечи, а шаль принадлежала его дочери, и он довез ее до дома, и она поблагодарила его и протянула ему шаль, а он сказал: *Нет, возьми себе*, и она вбежала в дом, и, знаете, как во всех этих историях с привидениями, он заехал на следующий день проведать ее, и дверь открыла ее мать и сказала, что эта девочка, Мэри, умерла лет пять тому назад, в эту самую ночь, но Ник, который рассказал мне историю, не знал, в какую такую «эту самую».

В полночь мы отправились на кладбище на его «каприсе» 85 года — потому что мой папа ушел насовсем, и мама, ну, она все время пыталась со мной заговаривать, а я слышал только эту тишину, эту абсолютную мертвую тишину, которая пролежала между ней и папой, и дома я чувствовал себя невидимкой, может, потому что мне так хотелось, и я стал делать все, что моей душе угодно, и решил, что буду возвращаться домой, когда захочу, даже в рабочие дни — короче, мы припарковались в лесу в полумиле от кладбища и пешком подошли к широким железным воротам, на которых было написано ВОСКРЕСЕНИЕ, и на них можно было заметить след от ладони, по всей видимости, ладони Майка, который когда-то толкал эти ворота, хотя я не очень-то в этом уверен, и мы с Ником вошли, и я стал надеяться, что привидения и вправду существуют, потому что это давало мне надежду на то, что кто-то из людей получает второй шанс, или что конец на самом деле не конец, или что воскресение и вправду случается, и ты можешь пройти через худшее и начать все заново — изменившийся, неприкасаемый, неуязвимый, — потому что теперь я был как привидение, или по крайней мере я так себя чувствовал, и мне радостно было думать, что, может, каким-то образом мне будет дан еще какой-нибудь шанс.

ПЯТНАДЦАТЬ

За пять минут до начала пятого урока, за две недели до выпускных танцев Бобби Б. выперли из школы за то, что он уложил парня в больницу, ударив его по голове бейсбольной битой, и парень потерял, типа, зрение на одном глазу, и при этом на всю оставшуюся жизнь и все такое. Не знаю почему, я чувствовал себя обманутым. Я никак не мог на хрен в это поверить. Вчера Бобби Б. шел по коридору, показывая святым братьям факи за их спинами, курил в туалете, торчал после обеда, списывал на уроках, плевал в фонтанчики с питьевой водой, ссал в раковины, отнимал деньги на обед у малолеток, прогуливал шестой урок на стоянке в своем фургоне, где ревели Aerosmith, зализывал волосы жиром, чтобы спрятать их под воротник, продавал травку младшим, непристойно показывал язык мисс Ланнон, когда она писала на доске новое испанское слово, плевался молоком через нос в школьном кафе, и, растопырив указательный и средний пальцы, приветствовал меня в коридоре. Я имею в виду, что вчера он был моим другом, а сегодня я увидел, как тренер Альбертс, который прежде играл в футбол за колледж, здоровенный мужик с квадратным подбородком и блестящим серебряным свистком на шее, схватив Бобби Б. за загривок, тащит его по коридору. Это было прямо перед пятым уроком, и люди сновали туда-сюда, и Бобби Б. пытался скинуть руку тренера Альбертса со своей шеи, но тренер был слишком большой и продолжал тащить Бобби Б. по коридору к кабинету директора, и я поднял глаза, и увидел его, и он покачал головой, как будто говоря: *Чувак, понятия не имею, чего они до меня докапываются*, но к тому времени все уже знали, что случилось предыдущим вечером — старшеклассники-то точно, — и большинство людей уже просто ожидало решения администрации. Исключение. За две недели до окончания школы. Вот так-то.

А случилось вот что: предыдущим вечером, в четверг, чуваки из Школы брата Райса и еще одной католической школы для мальчиков, собирались драться с пацанами из школы для богатеньких, «Мариста». Я даже не знал точно, в чем там суть, но все это имело отношение к Дереку Дуэйну, этому бейсбольному гопнику из нашей школы, которого отдубасили два пацана из «Мариста» за неделю до того на какой-то тупой вечеринке для богатеньких. В общем, причина для драки была какая-то неубедительная, на мой взгляд. В смысле, большинство из них через две недели заканчивали школу. Так какого хрена им было надо? Но Гретхен слышала об этом от Ким, и Бобби Б. сам сказал мне: «Сегодня будет крупное побоище в парке Оук Лон. Захвати утюг», и я кивнул, понятия не имея, о чем он, но пошел туда и увидел, как Гретхен, совсем одна, сидит на капоте своей машины, и я затаил дыхание, попытавшись, типа, улыбнуться и скрыть неловкость и нервность, и я подошел и встал с ней рядом, молча, следя за ее реакцией, наверное. На ней была синяя джинсовая куртка, армейские ботинки и юбка в клетку, и она выглядела просто прелестно, и я чуть было не сказал это вслух, но вместо этого просто помахал рукой.

— Что происходит? — спросил я, кивнув в ее сторону раз, наверное, восемьсот.

— Что происходит? — повторила она мой вопрос, и вроде как покраснела.

Она не смотрела на меня, и я нервничал и поэтому сказал: «Да ничего в общем».

— Круто, — сказала она.

— Да уж, — сказал я. — Давно не виделись.

— Да уж.

— Да, — сказал я. Я стукнул ногой шину и начал было: — Гретхен, в тот раз... — но она меня заткнула.

— Пожалуйста, прекрати на хрен говорить об этом.

— Но я хотел сказать...

— Да ладно. Это было глупо. Ни слова об этом больше, или я за себя не ручаюсь на хрен. Я серьезно.

— Ладно, — сказал я. — Не вопрос. Но если тебе все же захочется об этом поговорить...

— Нет, — сказала она. — Никогда. Я серьезно.

— Ладно, — сказал я и посмотрел в направлении парка. Парк был аккуратный, маленький, ровно в середине жилого квартала с маленькими милыми домишками, в основном кирпичными бунгало, в эдаком новомодном сельском стиле, обычный в общем район, если не считать, что именно здесь обычно тусовались ребята из «Мариста». Здесь были столики для пикника и качели, и горка, и песочница, и дорожки, и в углу парка баскетбольная площадка. На обоих баскетбольных кольцах были металлические сетки. Было по-настоящему тепло, почти как летом, и мы с Гретхен сидели на капоте ее «эскорта». У парка уже было припарковано машин пятнадцать, кто-то стоял, оперевшись на капот, кто-то наблюдал с водительских сидений. На качелях сидели конкретные пацаны, восемь-девять парней в красно-белых спортивных куртках «Мариста» с большими буквами «М» с правой стороны груди, и названиями разных видов спорта на спине — борьба, футбол, бейсбол, — одни сидели, засунув руки в карманы, другие стояли рядом и курили. Я думаю, именно они бы и дрались, случись драка. По виду они ничем не отличались от гопников из нашей школы, серьезно. У них было то же обезьянье сложение и то же бычье выражение лица, как будто они размышляли над тем, что сделать или что сказать.

Откуда ни возьмись появился фиолетовый фургон Бобби Б. Видно было, как он едет по улице, фырча мотором. Из фургона орали Cream, «Белая комната», песня громкая, со зву-

ком будто расстроенной гитары, и полная завываний, она начинается с такого испанского гитарного риффа, под барабаны, гремящие, как у конкистадоров — *бамп-бадда-ба-бум-бадда-ба-бум-бадда-ба-бум-бадда-ба-бум-бадда-ба-бум-бадда-ба-бум*, — и металлический отлив фургона блестел, потому что только что прошел дождь, а на боку аэрографом нарисован маг, его темно-синие одежды развеваются, рот раскрыт, будто он произносит заклинание, он машет перед собой деревянной палкой, которая сверкает пурпурными и белыми искрами, — и это смутно показалось мне дурным предзнаменованием, а не просто дебилизмом, как прежде, и этот темный капюшон, скрывающий треугольное лицо, как саван. Фургон остановился прямо у качелей, дверь отъехала, и из машины выпрыгнуло восемь или девять человек, крича, с кастетом, с бейсбольной битой. На них не было спортивных курток. Не думаю, что они были качками, нет. В основном торчки, обкурыши, наркоты, в джинсе, несколько чуваков постарше, типа Тони Дегана в вареной бейсболке, и, конечно, Бобби Б., который не заглушил мотор, и фары горели, отбрасывая тени на весь этот зоопарк. Снова зарядил дождь, вспыхивая белым и серебряным в полосе света, радио орало, Бобби Б. прыгнул с водительского сиденья, держа в руках узкую грязно-белую бейсбольную битку, и нацеливаясь ею на здорового квадратноголового парня. Бобби Б. взмахнул битой и точным ударом в висок сбил парня с ног. Раздался тихий треск. Здоровяк осел, заваливаясь набок, и Бобби Б. взмахнул снова, опуская битку ему на плечо. Остальные стояли неподвижно. Просто смотрели на вырубившегося здоровяка — а меня чуть не вырвало. Все смотрели на здоровяка, потом на Бобби Б., в руках которого все еще была битка. «Какого хрена», прошептал кто-то, и один из чуваков замахнулся на Бобби. Тони Деган успел нанести чуваку удар в затылок перед тем, как другой дал Тони в ухо. Ничего подобного я не видел за всю свою хренову жизнь. Это было безумие на хрен. Настоящее месилово.

Мы с Гретхен наблюдали за всем с капота паршивого «эскорта», ничего не предпринимая. «Поехали отсюда на хрен», — сказала она, прыгивая с капота и быстро заводя машину. Я продолжал наблюдать за дракой, и Гретхен тронулась с места, и я запрыгнул в «эскорт» и увидел, что лицо ее мокрое от слез, и она только повторяла: «Что это за хуйня? Что это за хуйня была?» снова и снова и снова.

ШЕСТНАДЦАТЬ

На следующий день по дороге в торговый центр, куда мы подвозили Ким на работу после школы, стояло гробовое молчание. Я сидел сзади, но чувствовал, что Гретхен не хочет, чтобы я был там, она вроде была удивлена, что после уроков я, как всегда, ждал их у машины. Наконец Ким кашлянула, повернулась к Гретхен и спросила: «Ты знаешь, что твоего парня вчера арестовали?»

— Знаю.

— Чего? — спросил я.

И тогда Ким сказала:

— Их замели вместе с Бобби.

— Я знаю, — прошептала Гретхен себе под нос.

— Что значит — ты знаешь?

— Мы были там с Брайаном. Мы видели, как это случилось, — сказала Гретхен.

— И ты там был? — спросила она меня. — Почему же вы не сказали мне, что идете?

— Не знаю. Я просто пошла и все, — сказала Гретхен.

— Короче, рассказывают, что там было человек десять из «Мариста» и человек десять из «Райса», и парни из «Райса» надрали им задницы.

— Ну да. В принципе так все и было.

— Ну и? Ты волнуешься? — спросила Ким.

— Волнуюсь? По какому поводу? — ответила Гретхен.

— Ну не знаю, что Тони пострадал или что-нибудь такое?

— Да нет, не знаю. Не знаю. Он был в порядке, когда мы уехали.

— Так вы что, не остались там?

— Нет, я уехала домой на хрен. Не хотелось на это смотреть, — сказала Гретхен.

— Ну, ты собираешься с ним увидеться? — спросила Ким.

— Да, он вроде хотел заехать вечером. Папа сегодня допоздна работает. Не уверена, что хочу его видеть.

— А Бобби руку вывихнул, — объявила Ким.

— Правда? Мне показалось, что он в порядке.

— Кажется, его исключили из школы, — тихо сказал я со своего заднего сиденья.

— Чего-чего? За что? — спросила Ким.

— Он, типа, ослепил какого-то парня из «Мариста».

— Чушь какая-то, — сказала она. — Они бы то же самое с ним сделали, если б могли. Они же придурки.

— Чувиха, — сказал я. — Он подошел к этому парню и ударил его по голове бейсбольной битой.

— Что, только у него одного была бита? — спросила она.

— Нет, — сказал я.

— Вот видишь, — сказала она.

— Но он был единственный, кто ею воспользовался, — сказал я.

— О господи, — сказала она. — О господи, хреново-то как.

— Да уж, — сказал я. — Слепому парню.

Мы остановились у торгового центра под голубым виниловым навесом. Ким взяла сумку и стала вылезать из машины. «Короче, блин, Гретхен, позвони мне и расскажи, что там за хуйня случилась». Ким выпрыгнула из машины и поправила юбку, глядя на Гретхен, пока я перебирался вперед.

— Конечно, — сказала Гретхен, глядя перед собой. — Давай, увидимся.

— Эй, Гретхен, ты в порядке? — спросила Ким, перегибаясь через открытое окно машины.

— Да, я в порядке, — сказала она, и долго-долго мы, она и я, молча куда-то ехали. Она пробовала включить магнитола, но та не работала, и вот она и я сидели в полнейшей тишине, долго-долго, я смотрел на бедра Гретхен и на что-то надеялся.

— Так ты все еще хочешь пойти на танцы? — спросила она. — Или их наконец-то отменили?

— Нет, для младших все еще в силе. Администрация заставила взять две заглавные песни и наложить их одна на другую, чушь, конечно, получится, но тем не менее.

— А что со старшими?

— Не знаю, — сказал я, что было чистой правдой, потому что, блин, не мое это было дело, и вдобавок, даже если я думал, что они неправы, что я-то мог с этим поделаться? — Я, наверное, пойду. В смысле, хочу пойти. В смысле, я еще не нашел, с кем. Майк Мэдден, я с ним говорил, он сказал, что может найти мне какую-нибудь девчонку, но я не знаю. Понимаешь, не хочу идти с кем попало.

— Да уж, — сказала она, кивая, но, по-моему, не слушая. — Слушай, ты чего сейчас делаешь?

— Домой еду, наверное. А что, ты с Тони встречаешься?

— Не знаю, — сказала она. — Не знаю.

— Все нормально. Если хочешь высадить меня у дома...

— Может, кино посмотрим?

— Серьезно? — спросил я. — Как в старые добрые времена. Отличная идея.

У Гретхен мы смотрели «Ночь живых мертвецов», наше любимое — знаете, настоящий черно-белый фильм про зомби, — и мы торчали в непроглядной тьме, она лежала на своем буром кожаном диване, липком и страшном, а я сидел на полу, облокотившись на диван. Свет был весь выключен, горел только экран телевизора, и мне хотелось развернуться и напасть на Гретхен, и я фантазировал, как это могло бы быть, знаете, на кожаном диване, мне надо было только залезть ей под школьную юбку и собственно, знаете, я стал просто смотреть кино, внимательно, и не знаю, оно наполнилось вдруг для меня новым смыслом, из-за этих отдельных танцев, и этого месилова, и ареста и исключения Бобби Б., и этого парня в больнице. Там была такая сцена, где главный герой, молодой черный чувак, и героиня, такая изящная белая девушка, они прячутся в старом деревенском доме, спасаясь от сотни зомби, которые хотят задушить их, и выясняется, что в подвале дома сидят все эти люди, белые люди, они там прячутся и знают прекрасно, что происходит наверху, но они не помогают этому черному парню и белой девчонке, и этот черный начинает кричать на такого престарелого чувака, типа лидера всех этих белых засранцев, и этот белый говорит что-то вроде: «Мы в безопасности. Ты хочешь сказать, что мы должны были покинуть безопасное место, чтобы кому-то там помочь?», и я поверить не мог, что он говорит это, знаете, потому что это ну прямо совсем как в школе. Все — все ученики и учителя, и администрация, и родители, все — знали, что есть такая запара, что черные чувствуют, что с ними никто не считается, что они вообще тут постольку поскольку, и что им на хрен надоело уже это чувство, почему они и решили устроить отдельные танцы. Но никто, никто из учителей или родителей, или других учеников не сделал ничего, чтобы поправить ситуацию. Почему? Да потому что кому надо ввязываться во все это, если высунуть голову означает нажить себе неприятности? Мне лично не надо. Но вот что действительно паршиво: в конце фильма всех их, всех этих людей — тех, кто выжил, в смысле, а не зомби, даже черного парня и белую девчонку, — всех их убивают в конце концов военные, и тут я снова задумался. Дело все было в действии. *Действии*. В том, что если ты в курсе, что справедливость нарушена, и не делаешь ничего, для того чтобы восстановить ее, что ж, страдают не только те люди, с которыми несправедливо обошлись, но и каким-то образом ты сам, и как бы ты ни старался, ты не в силах отделить свою жизнь от жизни других людей, так что нужно действовать, нужно что-то делать. Я думал об этом на протяжении всего фильма, размышляя: может быть, и я мог что-то, хоть что-нибудь сделать, и так ни до чего и не додумался.

В самом уже конце фильма там показывают фотографии зомби и застреленных людей, и как будто читают новости по радио. Я обернулся и посмотрел на Гретхен, и она смотрела на меня, и она покачала головой, нет, нет, и я обернулся к экрану, и она подалась вперед и

закрыла мне глаза ладонями, и через секунду мы уже снова целовались. Она была сверху, смеясь и говоря «шшш», и «помолчи, пожалуйста», и я кивнул и изобразил, как застегиваю рот на молнию, и она сползла с дивана, уселась мне на колени, обхватив меня ногами, вздохнула и принялась меня целовать, очень медленно, очень нежно. «Это ничего не значит», — сказала она, и я кивнул, коснувшись ее спины. Я провел рукой по ее бокам, поцеловал ухо и шею, тяжело дыша, и она прижала меня к дивану. Несколько минут мы ласкались, и я потянулся, чтобы стянуть с нее трусики, но она сказала: «Нет», и я попытался еще раз, и она сказала: «Нет», как маленькому мальчику, и мы прижимались друг к другу и тискались, пока наконец я не кончил, лаская ее волосы.

«Мы должны перестать этим заниматься», — сказала она, вставая и закрывая лицо руками. Я сказал: «Да», потом «Нет», и она покачала головой, сворачиваясь на диване калачиком.

— Я пойду, — сказал я, надеясь, что она скажет: *Нет, останься, пожалуйста*, но она только кивнула, и я понял, что не справлюсь я с этим — ну, со своим уходом, — тогда ей показалось бы, что я по уши влюблен в нее, и возможно так оно и было. Я снова взглянул на нее и сказал: «Ну пока», и запрыгал вверх по лестнице, счастливый и совершенно запутавшийся, что было едва ли не хуже, чем если бы и вовсе ничего не случилось.

СЕМНАДЦАТЬ

В школе происходили странные вещи. Между третьим и четвертым уроками мистер Альба, высокий, смешной учитель по религии, накричал на Кейта Парсонса за то, что тот плевался в коридоре. Когда мистер Альба потребовал, чтобы Кейт, который учился в выпускном классе — приземистый, толстошей футболист, — убрал за собой, тот сказал: «И не подумаю. Для этого есть уборщики», и стал удаляться по коридору. Мистер Альба схватил его за шею, может быть, сильнее чем надо, не знаю, меня там не было, но Кейт Парсонс вырвался и дал мистеру Альбе в зубы. Мистер Альба отлетел к шкафчикам, и поскольку была перемена, куча ребят могли наблюдать эту нелепую и забавную и немного грустную сцену. Вся школа была в напряжении. После исключения Бобби Б. вся эта история с раздельными танцами появилась в газетах, и похоже было, что все это состоится, черные выпускники заказывали собственный отель, родители помогали им с организацией, что, по-моему, круто, но вся школа, казалось, была готова взорваться в любой момент, драки в коридорах, угрозы, крики и еще этого черного парня по имени Рэй Лав отстранили за то, что он назвал брата Муни «лгуном». Странное было чувство.

В тот же день я встретил в коридоре Рода, он был грустный и мрачный, черное лицо его отливало зеленым.

— В чем дело? — спросил я.

— Ненавижу эту гребаную школу, — сказал он.

— Почему?

— Взгляни, — сказал он и указал на свою спину, где поверх белой форменной рубашки было выведено черным маркером *пидор*.

— Как это случилось?

— Мик Стивенс написал это на уроке физики.

— Вот что значит ходить на занятия вместе с выпускниками.

Он кивнул и пошел прочь, хмурясь и глядя в пол.

Поскольку у меня не было четвертого урока, я никуда не спешил. Неторопливо подо-

шел к своему шкафчику и стал выкладывать ненужные книги, когда увидел, как мимо проходит хренов Джон Макданна со своими гориллами, глядя на меня и усмехаясь. Я даже блин подумал, что он мне подмигивает. И я не знаю что за хрень на меня нашла. Не знаю, то ли песни Misfits в моей голове, то ли дружба с Ником и сломанный нос, то ли папин уход и однозначная мамина несчастливость и оглушающая тишина моей жизни, то ли желание быть с Гретхен и невозможность когда-нибудь быть с ней, то ли исключение Бобби Б. и побитый Род, — или все, все это вместе, я не знаю, но я захлопнул свой шкафчик, щелкнул замком и пошел следом за этими мясными уродами по людному коридору. Я видел, как они повернули, как Джон Макданна остановился, чтобы взять сигареты из своего шкафчика, и как после этого они зашли в туалет на втором этаже. Я так давно мечтал набить этому парню морду — не знаю как, правда, может быть, изучив карате каким-нибудь волшебным способом, или сломав нос, смертельно ранить его, — что я почти подбежал к нему и замахнулся, но вдруг остановился и кое-что сообразил: Джон Макданна всегда будет крепче меня. Он всегда будет сильнее, неважно, со сломанным носом или нет, так что я мог ему сделать — разорвать его в клочья, причинить увечье?

Вот тогда я начал думать. Он всегда будет в состоянии надрать мне задницу — даже через сто лет, наверно. Я никогда не смогу до него добраться. Я никогда не смогу дать ему понять, что я не какой-то там слабак, хренова цель для плевков, что я человек, понимаете, что со мной надо считаться. Но потом я подумал, может, так и надо. Может, я только зря потрачу время, пытаюсь что-то доказать ему, в смысле, он был тем, кем был, понимаете. Такой вот он был человек, и *что я мог изменить?* Вот тогда я задумался: я по-настоящему задумался.

У меня появилась идея вешать на его ящик большие картинки с котятами. В тот день я спустился в библиотеку и прочесал весь каталог, и мне повезло, потому что там была книга под названием «Котята», хотя если честно — *Откуда? Откуда в католической школе для мальчиков могла быть книга под названием «Котята»?* Я не знал, и мне было все равно. Но я устремился к полкам, нашел книгу, укрылся в самом дальнем углу и стал выдирать из нее страницы. Я взял ручку и маркер и стал пририсовывать котяткам пузыри с посланиями, как в комиксах, и они как бы говорили: «Джон мой друг» и «Джон никогда не забывает покормить меня», и «Джон чешет мне за ушком», и я чуть не писался от смеха, сочиняя все это. Я вырвал еще несколько страниц, где реплики котят становились уже более философскими, типа: «Будь милым, Джон, как я, милый котенок», и «Если ты делаешь людям больно, мне хочется плакать» — и я подрисовал слезу у котенка под глазом, и — лучшее мое творение — на фотографии с пятнадцатью белыми пушистыми котятами я написал: «Каждый раз, когда ты бьешь кого-то, Джон, один из нас умирает».

Затем, все еще смеясь, я вышел из библиотеки и прилепил одну из фоток к двери его шкафчика, всего лишь одну, с котенком, спящим у клубка красной пряжи, где было написано: «Джон мой друг». Я хотел дождаться его реакции, но решил, что лучше убраться, а то, не дай бог, он меня заметит.

Это стало моей фишкой — на весь оставшийся учебный год. На всех переменах я приклеивал фотки котят, щенков, пони и тюленят к шкафчику Джона Макданна, надеясь, что это хоть как-то заставит его задуматься, понимаете. Но на самом деле, наверно, на самом деле, я делал это ради себя.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

После школы я сидел на капоте «эскорта», а Ким и Гретхен курили. Гретхен вела себя так, будто все круто и ничего такого не случилось, и я повторял за ней. Скрестив руки на груди, притворялся, что я в отличном настроении, даже курил, чтобы показать, как все распрекрасно.

— Ну так, Брайан, что там с танцами? — спросила Ким, выдувая мне хренов дым прямо в лицо. В ее огромных очках от солнца я видел собственное отражение. — Ты все еще собираешься туда?

— Не знаю. Наверное. Только я так и не нашел, с кем пойти, — сказал я.

— Ты что, правда собираешься? — спросила Ким.

— На танцы? Ну да, с нашими танцами все в порядке. Это у выпускников полная херня, — сказал я.

— А в чем проблема-то?

— Ну не знаю. Похоже, черные из выпускных классов страшно разозлились и устраивают собственные танцы, — сказал я.

— Тупость какая, — сказала Ким.

— Точно, но совсем не потому, почему ты думаешь, — сказал я.

Ким сняла очки и обернулась, уставившись на меня.

— И почему же, позвольте узнать?

— Я думаю, что это полная херня, что ты получаешь все, что ты хочешь, только потому что ты белый на хрен.

— Чего-чего? — спросила Ким, пялясь на меня, как будто у меня голова загорелась.

— Дерьмо это все, вот что я думаю, — сказал я. — Они только хотели, чтобы их признали и чего там еще. Они выбрали свою песню. Блин, ты подумай, как для тебя важна музыка, которую ты слушаешь. Блин. Они просто хотели чувствовать себя частью происходящего, понимаешь?

— Они ведут себя как дети, — сказала Гретхен. — Не получилось по-ихнему, вот они все и испортили.

— Не в этом дело, — сказал я. — Ты не врубаешься. Ты все время чувствуешь себя чужим, и тебя тошнит от этого, и в конце концов ты просто делаешь что-то свое.

Мы подрулили к торговому центру. Ким вылезла из машины. «Ладно, кретины, мне пора. До скорой встречи, любовничек», — подмигнула она мне.

— Отвали, — сказал я, отворачиваясь. Я перелез на переднее сиденье и пристегнул ремень. — Ведет себя, как сволочь.

— Тебе это нравится, — сказала Гретхен.

— Не знаю. Просто привык, может. Может, на самом деле мне хочется, чтобы она уже прекратила хамить.

— Хамить? Она не хамит.

— Конечно, хамит, — сказал я. — Она думает, что это делает ее неотразимой. Ведет себя так с шестого класса. Думает, парни перестанут замечать ее, если она будет милой. Все время напяливает эту маску: панк-рок Ким. Точно. Ничего настоящего в ней не осталось.

— А, ты в ужасном настроении, да? — спросила Гретхен.

— Наверное, — сказал я. — Я просто вдруг осознал все это, понимаешь?

— Что осознал?

— Что большинство этих панков — гребаные притворы, — сказал я. — Что большинство из них делают что угодно, только бы не выделяться из толпы. Абсолютно бездумно. Как с Ким — все из-за хреновой моды.

— Что ты несешь? — сказала Гретхен, поднимая брови.

— Я говорю, что вы двое — самые недалекие из всех, кого я знаю, — сказал я. — Вы даже не понимаете толком, что такое панк. Просто одеваетесь, как положено, потому что были когда-то лузерами, а это, типа, дает вам возможность хоть как-то самовыразиться, понимаешь.

— Что за хуйню ты несешь?

— Вы и все эти «панки». В смысле — ты что, думаешь, я забыл, что у Дейва Латтела была коробка для завтраков с Траволтой?

— Чего?

— С Джоном Траволтой. В младшей школе он носился с этой коробкой и говорил, что ему нравится прическа Траволты. А теперь, теперь он что — панк? И вы с Ким тоже. Боже ты мой, Ким была в команде поддержки. Она встречалась с Барри Ноланом из баскетбольной команды. И вдруг все вы стали панками.

— Ну как хочешь.

— Вы такие же, как гопники. То, что вы красите волосы в синий цвет, не делает вас лучше других.

— Чего?

— То, что у вас синие волосы и драные шмотки, не означает, что вы лучше других. Потому что, знаешь что? Вы просто приспособливаетесь, точно так же. Хоть и не носите хаки или что там, для меня вы все одинаковые. Вы думаете, вы особенные, но это не так. Вы — ты, Ким и все остальные — вы снобы по отношению к снобам. Но вы такие же злые, как и богатенькие аккуратисты. Все вы никуда не годитесь.

— Правда, что ли?

— Ну, не знаю. Не в смысле, что ты воображала. Я просто... просто хочу, чтоб вы знали, что нравитесь людям такими, какие вы есть. Вы могли бы, просто, быть самими собой. Но кому-то, какому-нибудь парню, какому-нибудь хрену типа Тони Дегана, вообще насрать, какие вы на самом деле. Я знаю, я сам парень.

— Правда, что ли? А я думала, ты гермафродит.

— Я парень и знаю, о чем парни думают. Все, что им нужно — это заняться с тобой сексом.

— Значит, все что тебе нужно — это заняться со мной сексом? — спросила она, и я покраснел, мгновенно.

— Нет, нет, я имел в виду, что ты мой друг и мне совсем не наплевать на тебя.

— Заткнись, пока меня не стошнило.

— Извини. Может, мне не следовало всего этого говорить. Но, знаешь... знаешь, дети сейчас так быстро растут, — улыбнулся я.

— Проваливай. Убирайся из моей машины! — закричала Гретхен, останавливаясь у моего дома. Я смотрел, как она отъезжает, и думал: *Я слишком много всего наговорил, и кто меня за язык тянул*, и что если я когда-нибудь снова ее увижу, это будет большая удача, потому что, кажется, чему-то для меня пришел конец.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Хотелось бы мне сказать, что я вообще не пошел на танцы. Хотелось бы мне сказать,

что я весь такой — «К черту институт американского расизма». Черт, хотелось бы мне сказать, что я пригласил Гретхен. Но все было не так. Потому что я был тупой подросток, и мне лишь хотелось почувствовать себя в своей тарелке, или хотя бы выглядеть так, будто я в своей тарелке — самое глупое и самое главное желание каждого, наверное. Следующие две недели я отращивал волосы — для тупых фотографий в школьный альбом, понимаете, — и я пригласил эту Келли Коннорс, которую подогнал мне Майк, младшую сестру одной из подружек Эрин Макдугал, понимаете. Короче, эта Келли Коннорс была крохотная, с оранжевыми кудряшками и с астмой, и с аллергией на все на свете, даже на траву, и когда я собрался было прикрепить к ее розовому платью букетик, она сказала: «Не надо. От роз я вся покрываюсь сыпью», и я с еще двумя парнями из школьного оркестра взяли на прокат лимузин, и мы с Келли танцевали все эти глупые танцы, я помню только последний, разумеется, *Wonderful Tonight* Эрика Клэптона, потому что, как обычно, у меня встал по полной программе, и бедняжка Келли Коннорс заметила это, и я только пожал плечами. Майк Мэдден был с Эрин Макдугал, мы немного поболтали, и я рассказал ему, что папа окончательно ушел, а потом Майк и Эрин крупно поссорились и в конце концов удалились, и, в общем, вкратце, вот так нелепо закончились эти танцы.

ДВАДЦАТЬ

После танцев, в лимузине, который мы взяли напрокат с двумя чуваками из школьного оркестра, я сделал кое-что очень гнусное. Я стал щупать Келли Коннорс прямо на глазах у всех, просто выключив свет в салоне и прижав ее к сиденью, и я подумал, может, мне удастся ее сегодня трахнуть, но не был в этом уверен; другие в это время шептались, и одна из девчонок сказала: «Это отвратительно. Я хочу домой», и мне было наплевать, потому что, казалось, я должен что-то доказать кому-то. Доказать, что я полный кретин, честное слово. Хотел показать всем, какой я крутой, наверное, и не придумал ничего лучше, чем тискать девчонку на глазах у едва знакомых людей. Просто замечательно.

После того как мы высадили Келли у ее дома — розовое платье задрано до самых бедер, по лицу размазана косметика, на груди жуткая сыпь, — и эти двое кретинов отвезли домой своих девчонок и сказали спокойной ночи, я остался в лимузине один, в полном одиночестве, смеясь над тем, какой ужасный был вечер, и думая, как глупо все получилось, как старался я произвести впечатление на кого-то, хоть на кого-нибудь, просто чтобы доказать, что я свой, и я думал об этой сыпи у Келли на груди, и от этого чувствовал себя особенно паршиво.

Водитель лимузина, черный — потому что, как говорят *Dead Kennedys*, *состоялся международный заговор и никто уже не видел белых на дрянных работах* — повернул ко мне свое длинное блестящее лицо, снимая свою шоферскую кепку, и сказал: «Хорошая была ночка, приятель?»

— Да нет, паршивая.

— Я тоже ходил на школьные танцы, и это тоже было паршиво, — сказал он.

— Да уж. Почему так?

— Тогда я не понял, но сейчас жалею, что так мало тусовался с парнями, понимаешь. Вместо этого я был по уши влюблен в девчонку, которую после танцев так и не видел.

— Да, я о таком слыхал, — сказал я, и затем спросил: — Через сколько вы меня высадите?

— Вы заказали до семи утра. Сейчас только шесть.

— Мы можем заехать за одним человеком? — спросил я.

— Конечно, приятель, все что хочешь. Куда ехать?

Я подумал, что если Гретхен дома и если она станет меня слушать, я попрошу прощения и попрошу ее пожалуйста, ну пожалуйста, пойдём со мной.

И вот что случилось. Целый час мы разъезжали на заднем сиденье лимузина, и, может быть, оттого что я устал и было уже так поздно — или так рано, — и на Гретхен была пижама, и она сидела, откинувшись на кожаную спинку, и мы ехали по Лейкшодрайв, и завтракали в Макдоналдсе, но все было так, как будто ничего плохого никогда в жизни со мной не случилось.

НОЧЬ ВСЕХ СВЯТЫХ ОКТЯБРЬ 1991

Что бы со мной ни случилось, я помню Хэллоуин
Halloween,
Гленн Данциг, *THE MISFITS*

Мы пошли к Лоре на вечеринку по случаю Хэллоуина, потому что сообразили, что теперь мы в выпускном классе и это будет наш последний школьный Хэллоуин. Гретхен нарядилась девочкой из команды поддержки зомби — очень секси — в красно-белой форме, с двумя хвостиками, но с черными кругами вокруг глаз, а я пошел мумией, так себе наряд, потому что в принципе мой костюм заключался в том, что непосредственно перед выходом я замотался в туалетную бумагу. Сначала я замотал даже лицо, но ничего не было видно, а волосы я к тому моменту отрастил и никогда их не расчесывал, так что на голове у меня был кошмар, и я не мог добиться того, чтобы туалетная бумага плотно прилегалась к волосам, и она все время рвалась, и я решил ограничиться туловищем, руками, ногами и лбом.

Короче, вечеринка проходила у Лоры, той рыжей, которая путалась с Бобби Б., когда они еще встречались с Ким, но сейчас со всем было покончено, и, по всей видимости, Ким и Лора неплохо закорешились. Лора задумала эту вечеринку и купила родителям путевку в спа-мотель, где в номере горячие ванны, чтобы они всю ночь не показывались дома, и сильно постаралась, чтобы украсить подвал — точно такой же, как любой другой подвал в квартале, прямоугольный, обшитый бурыми панелями — оранжевыми лентами и оберточной бумагой и вырезанными из журналов котятками и привидениями и чудовищами, в подвале светились бумажные абажуры, и на столе были расставлены угощения в стиле Хэллоуина — желе в виде мозгов и миски с M&Ms, а поскольку отец Лоры был копом и не возражал против пьянки в подвале, при условии, что все уходит на собственных ногах, то у двери были выставлены ящики с пивом, которое шло на ура. Вдобавок играла какая-то дерьмовая готика, то ли Bauhaus то ли Banshees, но это было ничего, потому что все это бормотание и завывания очень вписывались в обстановку.

Собралось человек тридцать или около того, в основном из выпускных классов, потому что, как ни трудно в это поверить, все мы были теперь в выпускном классе. Большинство были наряжены предсказуемо: привидение (просто белая простыня с прорезями для глаз), бродяга (просто рванье и зуб, замазанный черным) или тренер (просто футбольный джемпер и свисток на шее). Некоторые всего лишь напялили большие резиновые маски президента Буша и Дарта Вейдера и Франкенштейна; у двух-трех девчонок вообще не было костюма, а только блестки, покрывающие лицо и волосы; а человек пять и вовсе заявились со словами, что на них костюм «выпускника», что после третьего раза звучало уже совсем не смешно, и, конечно же, там был Тони Деган в своей белой футболке с надписью «Мы тупые» и стрелкой, указывающей на кого-то неопределенного поблизости, и видимо, в качестве костюма, на одном глазу у него была повязка. Когда мы с Гретхен зашли в подвал, Тони обнимал эту маленькую обкуренную Джилл, наряженную ведьмой, и Гретхен направилась к нему и, как обычно, заорала, и я улыбнулся и взял пиво и начал озираться. Народу было полно, многих я не знал или не узнал за вампирским макияжем и наклеенными усами, а некоторые хорошенько попотели над своими костюмами, должно быть, не один месяц над ними трудились, честное слово. Как например, Лора, хозяйка вечеринки, высокая, в веснушках, очаровательно рыжая, в костюме самой настоящей кабинки для поцелуев. Как я уже говорил, она была известна своим непостоянством, тем, что путалась с кем ни попадя, особенно с Бобби Б., и вечно с кем-то расставалась, и в тот же вечер шла на свидание с другим, и на ней была эта картонная коробка с вывеской «Поцелуй, \$ 1.00», и к ней подходили парни, вручали деньги, и она смеялась и целовалась с ними. Еще там был этот Билл, пухлый торчок, которые вечно пытался продать тебе поддельную кислоту — маленькие кусочки бумаги, которые только и были что кусочками бумаги, — он был наряжен Бэтменом, но костюм явно соорудил себе сам из спортивных штанов, что ли, и голубого одеяльца, так что получился такой Жирный Бэтмен, и он вроде как танцевал, хотя толком танцевать не умел, и он был крупный, в смысле толстый, и живот его нависал над черными трениками.

Еще была такая длинная девчонка в костюме Зубной Феи, и я поначалу принял ее за

Люси, но Люси как раз очень коротко постриглась, а у этой были длинные каштановые волосы с чудной золотой тиарой и маленькая черная маска, скрывающая лицо, и все такое. На ней было расшитое золотом платье и золотая волшебная палочка, и ожерелье из белых зубов, и золотая сумочка, полная денег. Она очень нежно касалась присутствующих своей золотой палочкой, и все притворялись, будто мгновенно засыпают.

Эта Зубная Фея подошла прямо ко мне и взяла меня за руку. Из своей волшебной сумочки она вытащила забавный четвертак и положила мне на ладонь. Я взглянул на него, и это был совсем не четвертак, а какая-то чудная иностранная монета.

Она улыбнулась, подмигивая мне, и сказала:

— Это из Греции.

— Спасибо, — сказал я.

— Я раздаю монетки детям по всему миру, — сказала она.

— Так и запутаться можно, — сказал я.

— В том-то и дело, — кивнула она.

— Что ж, спасибо, — сказал я.

— Это мой последний подарок тебе, — сказала она.

— Чего?

— Я прихожу к тебе в последний раз, потому что ты больше не ребенок.

Я засмеялся и подумал, кто она, черт возьми, такая, там под маской.

Я положил греческую монету в карман и нервно улыбнулся. Отошел к столу с угощениями и оттуда еще раз взглянул на нее, и она помахала мне, кивая, и внезапно я отчего-то почувствовал себя странно, как будто и вправду мое детство закончилось или что-то в этом роде. Я секунду поозирался вокруг, и тут на меня нахлынуло. Это был типа мой последний школьный Хэллоуин, а Хэллоуин, наверное, был всегда типа моим любимым праздником в детстве, потому что, знаете, надо кем-то наряжаться, и я огляделся вокруг и все — шестнадцати-, семнадцати- и восемнадцатилетние, — все были в костюмах и все такое, и как я сказал, что-то во мне закончилось, прямо там.

Как будто я всех увидел теми, кем они были всегда, такие разные, знаете, типа *торчки* вроде Билла или Майка Мэддена, которого я видел только на днях и который теперь почти всегда был под кайфом, или по крайней мере, всегда, когда я его видел — он вечно сидел в своей тертой джинсовой куртке на заднем сиденье «эль камино» и пытался догнаться, забивая очередной косяк, и я думал, что с ним станет через год; или *панки* и *готы* типа Ким или Лоры, или Гретхен, с их крашеными волосами и браслетами с шипами и футболками «Clash», все еще очень следящие за своим идиотским панковским видом; или *гонники* и *качки* в своих спортивных куртках и бейсболках козырьком назад; или *ботаны* и *зачки* вроде Рода, где бы он сейчас ни был, в футболках «Звездный Путь», одетые мрачно и скучно в то, что выбрали для них заботливые мамочки; или *будущие гангстеры* в мешковатых штанах, золотых цепях и рубашках больше на три размера; или *богатенькие блюстительницы нравов* в облегающих свитерах от «Эсприт», вечно задирающие нос и разъезжающие в новеньких кабриолетах; или *шлюхи* в декольтированных блузках и отчаянно коротких юбках, выставляющих напоказ их тяжкие усилия быть замеченными хоть кем-нибудь; или *старейшие в мире подростки*, те, что уже давно таковыми не были, но навсегда присосались к старшей школе, чуваки типа Тони Дегана, который никогда не повзрослеет, в его ироничной футболке «Мы тупые»; или *призраки* — те, кто — по той или иной причине — исчезли и перестали тусоваться с нами еще до того, как мы все выросли, типа Бобби Б. в военной форме, потому что после исключения из школы он пошел в армию. Все

эти люди пытались притвориться, что они те самые персонажи и чудища, в которых они наряжаются, только чтобы быть признанными, быть частью чего-то, и, короче, все это вдруг до меня дошло.

Весь вопрос только в том, во что ты наряжаешься, где бы ты ни был, до самой смерти. Ни за что не догадаешься, что за человек перед тобой, потому что — хорошо ли, плохо ли — его внешний вид всего лишь маскарадный костюм. Хэллоуин каждый день, для большинства из нас, только бы не чувствовать себя одиноким, только бы продолжать быть счастливым, может быть. Может быть, другие и считали, что люди — это только то, что мы видим — *одежда, прическа, машина*, — но только не я, хотя, похоже, весь мир устроен именно так: всем интересен только внешний вид — раса, пол и все такое, и ничего не изменить. Из этого так трудно вырасти; наверное, нужно просто стараться изо всех сил не судить людей по тому, чем они кажутся, наверное. Ведь это так мало и так обманчиво, но именно так и работает наш мозг, и я решил, что буду стараться, стараться, стараться. Я подумал, вот это и есть взросление, наверное, и от этого стало жутковато.

Я увидел, как Гретхен в углу ссорится с Тони Деганом, на котором, как я сказал, вместо костюма была черная повязка; и я почувствовал вдруг, что не хочу быть собой, не хочу быть в выпускном классе, что я просто хочу оставаться ребенком, хочу оставаться тупым, потому что не быть ребенком нелепо. Я всю жизнь только и был что ребенком, честное слово, и теперь вдруг кто-то попросил меня стать кемто еще, и я мгновенно влил в себя банку пива, затем еще одну, холодная пена заполняла мне горло, и я расплющил банку ударом о лоб, и чей-то младший брат, увидев это, захлопал в ладоши и сказал: «Охуеть!», и я кивнул ему и прошел мимо Гретхен, которая плакала, что ли, ее черный глаз зомби стекал по гладкой щеке, и все еще кричала на Тони. Я прошел мимо и направился к кабинке для поцелуев, в смысле Лоре, достал из заднего кармана кошелек и сказал: «Сколько я получу за двадцать баксов?», и она рассмеялась, и взяла меня за руку, и вскоре мы уже яростно целовались у нее на кухне.

Через десять минут конкретных ощупываний — я даже покусал ее запястье — Лора взглянула на меня и сказала: «Брайан Освальд. Ух ты!», и я не знал что ответить, но я сказал: «Хочешь показать мне свою комнату?», и она кивнула, и мы почти уже направились туда, когда я увидел Гретхен, ее лицо в черных паутинках от туши. Я отпустил Лорину руку и проводил взглядом Гретхен, которая вышла на улицу и уселась на маленькое цементное крыльцо.

Между ней и Тони все было кончено, к чему дело и шло уже долгие месяцы, но теперь уж кончено было наверняка, потому что она не вернулась надрать той девчонке задницу, что мне показалось совершенно невероятным и могло означать только то, что она окончательно на Тони забила, и вдобавок она по настоящему плакала, честное слово, качая головой, сидя на Лорином заднем крыльце, подтянув к подбородку колени, курила и плакала, плакала, и, короче, тогда я решил выйти и сесть рядом, и сказать, что мне жаль — ее и вообще все на свете, — и быть готовым ко всему, что после этого может случиться.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АМЕРИКАНСКИЙ КОШМАР. <i>Октябре 1990</i>	7
Я БЫЛ ПОДРОСТКОВЫМ ПОДРОСТКОМ. <i>Март 1991</i>	181
АЛЬБОМ, КОТОРЫЙ СПАС МНЕ ЖИЗНЬ. <i>Май 1991</i>	285
НОЧЬ ВСЕХ СВЯТЫХ. <i>Октябрь 1991</i>	365

Джо Мено

СДЕЛАЙ ПОГРОМЧЕ

Редактор В. Топоров. Художественный редактор А. Веселов. Корректор Е. Коваленко. Компьютерная верстка О. Леоновой.

Лицензия ИД 05808 от 10.09.01. Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953900 — художественная литература. Подписано в печать 23.09.05. Формат 76x92¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 7000 экз. Заказ 1866.

ООО "Издательство "Лимбус Пресс" 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 14. Тел. 712-6706. Отдел маркетинга: тел. 575-09-63, факс 712-67-06. Тел./факс в Москве: (095) 291-9605.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО "Типография Правда 1906" 195299, С.-Петербург, ул. Киришская, 2.

Тел.: (812) 531-20-00, (812) 531-25-55

ЛИМБУС ТИИИ

КНИГИ ДЛТТТТ И ПРРРР

Новое направление **Лимбус Teen** — книги о юности и для юности, зачастую молодыми людьми и написанные, с характерной тематикой и проблематикой. Начатый «Лимбусом» в свое время и ставший успешным проект «Денежкина и К0», в рамках которого издавались произведения юных авторов, шагнул за пределы России. Сейчас в проекте **Лимбус Teen** мы планируем издать яркие, откровенные, провокационные, неожиданные романы о мире подростков и молодежи Америки, Франции, Италии и Германии.

ЛИМБУС ТЕЕН

КНИГИ ДЛЯ ТЕБЯ И ПРО ТЕБЯ

В издательстве «Лимбус Пресс» готовится к выходу:

Фаиза Ген ТУДА-СЮДА

Перевод с французского

Критики незамедлительно сравнили книгу девятнадцатилетней француженки Фаизы Ген с «Дневником Бриджит Джонс». Действительно, в легкости, юморе и самоиронии Ген не откажешь. Но только главной героине-рассказчице Дории — смеси подростковой неуверенности, напускной храбрости и нежности — есть о чем побеспокоиться помимо сигарет, калорий и мужчин. Марокканка, она живет в Париже с неграмотной матерью, перебиваясь с хлеба на воду. Ее отец сбежал обратно в Марокко, где женился во второй раз — очень хотел наследника. Дория живет, наблюдает и рассуждает. И хотя, конечно, нищета, неравенство и расизм — не предмет комедии, у Дории получается невероятно смешно. Если не задумываться.

Фаизе Ген девятнадцать лет, по происхождению она алжирка, живет Париже. Она учится в колледже, пишет сценарии для телевидения и мечтает заняться политикой. Ее роман «Туда-сюда» стал международным бестселлером.

ЛИМБУС ТЕЕН

КНИГИ ДЛЯ ТЕБЯ И ПРО ТЕБЯ

В издательстве «Лимбус Пресс» готовится к выходу:

Федерико Моччиа ТРИ МЕТРА НАД НЕБОМ

Перевод с итальянского

Восемнадцатилетний Степ и пятнадцатилетняя Баби определенно не созданы друг для друга. Она — образцовая ученица из хорошей семьи, проживающей в фешенебельном районе Рима. Он — перекати-поле, бездельник и негодяй. Их встреча случайна, и это далеко не любовь с первого взгляда. Однако мало-помалу они оказываются втянуты в историю, намного более запутанную, чем кажется. Родители Баби в ужасе, а Степ скрывает тайну, которая изменит все самым неожиданным образом.

Роман, ставший культовым среди итальянских подростков и повергнувший в шок их родителей: так вот, оказывается, чем занимаются их дети после того, как прозвонит звонок с урока!

ЛИМБУС ТЕЕН

КНИГИ ДЛЯ ТЕБЯ И ПРО ТЕБЯ

В издательстве «Лимбус Пресс» готовится к выходу:

Яна Шерер МОЙ ОТЕЦ, ЕГО СВИНЬЯ И Я

Перевод с немецкого

Когда я рождалась, мой отец охотился на медведя-гризли.

— Совсем один? — спрашивала я отца всякий раз, когда он рассказывал мне эту историю.

— Совсем один, — говорил отец, — ведь мама была в больнице.

Вот так Яна Шерер рассказывает историю жизни, составленную из чудных эпизодов. Эта жизнь кажется полной приключений. С необычной фантазией и черным юмором, а также неподражаемым тоном, лихо заломленным набекрень, она все ставит с ног на голову в буднях обыкновенной семьи в Западном Берлине.

Сквозь уютные, привычные, мирные фасады так и прорываются странности: арендованная свинья, считает отец, будет способствовать семейной гармонии; модель «пенсионного обеспечения» приводит к коварному плану бросить нежеланного пенсионера на Мальорке во время семейного отпуска; отец нанимает для своей дочери дублера взамен бросившего ее друга в полной уверенности, что она не заметит подмены; автор бульварных романов в отчаянии из-за творческих кризисов. И рассказчица - лишь с виду наивная - всегда умеет неожиданным поворотом укротить абсурд своего времени.

Яна Шерер родилась в 1978 году в Бохуме, в Потсдаме изучала германистику, американистику и средства массовой информации. «Мой отец, его свинья и я» — ее первая книга.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“Лимбус Пресс”
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

ВЫПУСК 2

Из всего многообразия молодежной прозы мы выбрали и поместили под эту обложку самые экстремальные тексты. Практически эта книга о кровавой войне, которую сегодня ведут между собой скины, реперы, панки, мажоры, отцы, сыновья, дочери, матери, влюбленные и возлюбленные, - не разбирая возраста и пола. Денежкина отдыхает.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“Лимбус Пресс”
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

ВЫПУСК 1

Антология прозы двадцатилетних ровесников Ирины Денежкиной при ее участии. Составленный Денежкиной сборник включает в себя роман Лилии Ким «Аня Каренина», повести Анны Сергиевской «Муравейник», Ирины Табуновой — «Заочная красавица», Ника Лухминского — «Мемуар двадцатилетнего». Остросоциальная сатира («Аня Каренина» и «Муравейник»), «производственное» повествование («Заочная красавица»), road-story («Мемуар двадцатилетнего») — не внушающий оптимизма, но репрезентативный и точный портрет огульно названного «безъязыким» поколения.